

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 8. № 3/2022

DISCOURSE

Volume 8. No. 3/2022

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2022

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).

- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).

- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;

- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;

- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требованиях к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Павлухина П. А. Логико-семантический анализ предикатов личного вкуса в оценках чувственного опыта.....	5
Хорт М. Г. Доверие свидетельству: редукционизм и нон-редукционизм	18
Яковлева И. В. Особенности и перспективы российского образования: специфика социально-философской рефлексии	29

СОЦИОЛОГИЯ

Попов Р. Е., Баруздин И. А., Салахутдинов А. А., Дерюгин П. П. Научно-образовательные центры мирового уровня как драйверы формирования человеческого капитала россиян: социологический анализ проблемного поля (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)	41
Щербина А. В. Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии.....	56
Черноиванова А. С. Жизнь в современном городе: цифровые практики бездомных людей в Санкт-Петербурге.....	70
Gurenko E. S., Karpova E. H. The Sociological Approach to the Values of the Manager	82

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Петрова М. В., Приступа С. В., Рожков Г. А., Туманова А. П. Репрезентация «мягких навыков» в англоязычных и русских песнях	92
Гринчель А. В. Использование и адаптация немецких заимствований в социальном дискурсе норвежского языка (на материале цифровых источников)	105
Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Ратникова А. Г., Голубь А. Р., Чинь Тхи Ким Нгок. Объекты культурно-когнитивного анализа в сопоставительной лексикографии	117
Киселева С. В., Смирнова А. А., Трофимова Н. А. «Чат-бот коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций	128
Коровина Е. В., Степанова Н. В. Семантико-когнитивный анализ концепта PANDEMIC (на материале англоязычных медиатекстов)	147
Правила представления рукописей авторами	166

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Pavluhina P. A. A Logical-Semantic Analysis of Predicates of Personal Taste in Assessments of Sensory Perception	5
Khorth M. G. Trust to Testimony: Reductionism and Non-Reductionism	18
Yakovleva I. V. Features and Prospects of Russian Education: Specifics of Socio-Philosophical Reflection.....	29

SOCIOLOGY

Popov R. E., Baruzdin I. A., Salakhutdinov A. A., Deryugin P. P. World-Class Scientific and Educational Centers as Drivers of the Formation of the Human Capital of Russians: Sociological Analysis of the Problem Field (to the 300th Anniversary of Saint Petersburg State University).....	41
Shcherbina A. V. Traditional Values in Analytical Perspectives of Sociology.....	56
Chernoivanova A. S. Living in a Modern City: Digital Practices of Homeless People in St Petersburg	70
Gurenko E. S., Karpova E. H. The Sociological Approach to the Values of the Manager	82

LINGUISTICS

Petrova M. V., Pristupa S. V., Rozhkov G. A., Tumanova A. P. Soft Skills Representation in English and Russian Songs	92
Grinchel A. V. Types of Adaptation of German Loanwords in the Social Discourse of the Norwegian Language (on the Material from Public Digital Sources)	105
Mamontov A. S., Boguslavskaya V. V., Ratnikova A. G., Golub A. R., Trinh Thi Kim Ngoc. Objects of Cultural-Cognitive Analysis in Comparative Lexicography	117
Kiseleva S. V., Smirnova A. A., Trofimova N. A. "Chatbot Communication" as an Object of Linguistic Research in the System of Digital Communications.....	128
Stepanova N. V., Korovina E. V. Semantic-Cognitive Analysis of the Concept PANDEMIC (Based on English Media Texts).....	147

Оригинальная статья

УДК 165.42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-5-17>

Логико-семантический анализ предикатов личного вкуса в оценках чувственного опыта

Полина Андреевна Павлухина

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
pravlukhina01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8418-6302>*

Введение. В статье проводится сравнительный анализ релятивистских и концептуалистских моделей семантики суждений личного вкуса. Целью данной работы является исследование свойств предикатов вкуса, основывающихся на чувственном опыте субъекта.

Методология и источники. Ключевую роль для трактовки истинностного значения высказываний играют двумерная семантика Д. Каплана и версия семантики возможных миров Д. Льюиса. Эти теории расширяются и дополняются в современной семантике суждений вкуса, которые рассматриваются в данной статье на примере работ Е. Г. Былининой, М. Гланцберга, Д. Нинана, Х. Пирсон, Т. Стивенсона.

Результаты и обсуждение. Автор приходит к выводу, что концепции релятивизма и контекстуализма стоят на одних тех же онтологических и семантических установках, благодаря которым данные направления стремятся описать феномен безошибочного разногласия, возникающий в языковых данных. При этом ни один из перечисленных подходов так и не смог уловить и объяснить безошибочное разногласие. В попытке определения роли феномена безошибочного разногласия в семантике суждений вкуса автор переходит к рассмотрению роли непосредственного опыта. Отмечается, что требование непосредственного опыта выступает в качестве необходимого в современных семантических теориях, так как интуитивно представляется единственным онтологически обоснованным требованием, используя которое высказывание вкуса останется определенным.

Заключение. Автор статьи устанавливает, что требование непосредственного опыта не всегда является необходимым для семантического анализа предикатов личного вкуса. Для этого в конце работы рассматривается различное прочтение индивидуальных термов, что позволяет прийти к выводу о том, что высказывания, включающие в себя термины чувственного восприятия, выражают пропозициональное содержание.

Ключевые слова: предикаты личного вкуса, контекстуализм, релятивизм, безошибочное разногласие, семантика, непосредственный опыт, восприятие

Финансирование: работа выполнена в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания»).

© Павлухина П. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Павлухина П. А. Логико-семантический анализ предикатов личного вкуса в оценках чувственного опыта // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-5-17.

Original paper

A Logical-Semantic Analysis of Predicates of Personal Taste in Assessments of Sensory Perception

Polina A. Pavlukhina

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
ppavlukhina01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8418-6302>*

Introduction. The article offers a comparative analysis of relativism and conceptualism in semantic of PPTs, which will allow us to investigate the properties of PPTs based on the experience of the subject.

Methodology and sources. A key role in the understanding of the truth value of utterances is played by D. Kaplan's two-dimensional semantics and D. Lewis' version of the semantics of possible worlds. These theories are expanded and supplemented in the modern semantics of taste, which are considered in this article on the example of the works of E.G. Bylinina, M. Glanzberg, D. Ninan, H. Pearson, T. Stephenson.

Results and discussion. Author comes to the conclusion that these theories stand on the same ontological and semantic attitudes associated with subjective perception, which help to relativism and contextualism describe the phenomenon of faultless disagreement. However, relativism and contextualism have not been able to explain this puzzle. The author tried to determine the role of this phenomenon in the semantics of taste, for which the role of first-hand experience in the utterances of taste is considered at the article. It is noted that the requirement of first-hand experience is necessary in modern semantic theories of PPTs, because it seems to be the only ontologically justified requirement.

Conclusion. The author comes to the conclusion that requirement of first-hand experience is not a necessary for semantic analysis of PPTs. For that, considering the different reading of individual terms at the end of the article allows us to come to the conclusion that statements of taste express propositional attitude.

Keywords: predicates of personal taste (PPTs), contextualism, relativism, faultless disagreement, semantic, first-hand experience, perception

Source of financing: the work was supported out within the project of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00496 "The semantic structure of the propositional attitudes of consciousness").

For citation: Pavlukhina, P.A. (2022), "A Logical-Semantic Analysis of Predicates of Personal Taste in Assessments of Sensory Perception", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-5-17 (Russia).

Введение. Когда мы говорим о восприятии субъекта, то у нас нет никакого объективного критерия, позволяющего определить истинность утверждения. Очень часто мы принимаем на веру утверждения человека о его восприятии чего-либо, так как кажется очевидным, что только он может достоверно знать и высказываться о своем восприятии [1, р. 2–3]. Но если каждый человек не может ошибаться относительно своего восприятия, как мы можем объяснить с формальной точки зрения возникающие противоречия, как в примере (1)?

(1) Ральф. Печенье «Мадлен» очень вкусное.

Рози. Нет, это печенье невкусное.

Может ли одновременно печенье быть вкусным и невкусным? Как определить стандарт вкуса и, более того, будет ли зависеть стандарт вкуса от непосредственного опыта восприятия печенья? Действительно, у нас не вызывает сомнения тот факт, что у каждого человека есть свои собственные предпочтения во всем, и, следовательно, мы можем предположить, что истинность высказываний, содержащих термины чувственного восприятия, зависит не только от мира, но и от восприятия субъекта. При этом для слушателя высказывание вкуса является таким же фактом, как и другие высказывания о мире, отражающие действительность. Но высказывание вкуса не дано слушателю в наблюдении и, следовательно, его можно только принять (или не принять) на веру, потому что в мире нет никакой объективной информации о том, вкусно ли то или иное печенье. В связи с этим затруднительно установить определенный стандарт вкуса, согласно которому можно было бы определять истинность высказываний вкуса. Данная статья посвящена логико-семантическому анализу предикатов вкуса в оценках чувственного опыта, благодаря которому будет предпринята попытка определить, как мы высказываемся о вкусе.

Методология и источники. Существует несколько направлений, расширяющих и изменяющих методы классических семантик с тем, чтобы распространить их на суждения вкуса и объяснить возникающее противоречие. Разработанные во второй половине XX в. семантические теории, среди которых двумерная семантика Д. Каплана и версия семантики возможных миров Д. Льюиса, пытались справиться с контекстной чувствительностью значения выражений. В данных теориях истинность предложений определяется в контексте произнесения и относительно обстоятельств оценки, включая возможный мир. Двумерная семантика Д. Каплана обращает внимание на характер и содержание высказывания.

Содержание можно охарактеризовать как функцию от возможных контекстов к содержанию [2, р. 505–509]. В рамках традиционной логики содержание называется пропозицией. Характер же задается лингвистическими условностями и выступает частью смысла выражения, которая определяет то, как содержание выражения определяется контекстом его употребления [Там же].

Фиксированное содержание определено постоянной функцией, и при этом оно не чувствительно к контексту. Например, высказывание «У меня сегодня день рождения» имеет одно и то же содержание в любом контексте. Но когда содержание не определяется постоянной функцией (например, высказывание «Я нахожусь здесь и сейчас», которое выражает разное содержание в зависимости от контекста), различие содержаний опирается на обстоятельства оценки, включающие мир, время и контекст. Благодаря этому можно определить, как одно и то же выражение, сказанное двумя разными людьми, может быть истинно в одной ситуации и ложно в другой. Например, высказывание «Я Дэвид Каплан», произнесенное самим Капланом, будет истинным, но если бы оно было произнесено Льюисом, оно стало бы ложным. В данном высказывании в местоимении «Я» характер выражается функцией соотнесения каждого контекста с содержанием, которое является постоянной функцией от возможных миров к агенту этого контекста. Одно и то же высказывание в устах разных людей может иметь разное истинностное значение и, кроме того, выражать различное содержа-

ние. Данный подход позволил Каплану построить семантику для контекстно-зависимых индексов, которые меняют свое значение в зависимости от ситуации.

В семантической теории Льюиса речь идет о убеждениях *de se* [3, p. 481–482], т. е. об убеждениях, связанных с «местоположением» говорящего в мире. Согласно Льюису, содержание убеждения *de se* определяется набором центрированных на говорящем миров, которые понимаются как способы, которыми субъект может находиться в мире. Например, быть убежденным в том, что «Я голоден» – обозначает набор миров, в котором говорящий находит себя голодным [4].

У Д. Льюиса и Д. Каплана схожие подходы к анализу чувствительности высказываний к контексту. Их классические теории предполагают, что в значении предложения заложена определенная информация, являющаяся содержанием убеждения и соответствующая действительности (как в примере (2), где мы выясняем, какой именно десерт в романе М. Пруста помог протагонисту окунуться в воспоминания).

(2) Ральф. Вкус шоколадного торта перенес М. Пруста в воспоминания о далеком детстве.

Рози. Ты не прав, он писал о печенье «Мадлен».

При этом теории Каплана и Льюиса различаются в некоторых деталях, которые следует учитывать при рассмотрении предикатов вкуса, так как в рамках данных семантических теорий остается неясным, как работать с терминами чувственного восприятия, которые не сводятся к описательному значению положений дел в мире [5]. Большинство современных исследователей, пишущих о семантике предикатов личного вкуса, опираются на систему Каплана, так или иначе пытаясь ее расширить или изменить. Тем не менее существуют подходы, в которых предикаты личного вкуса имеют центрированное содержание, как и убеждения *de se*. Хочется обратить особое внимание на сравнительное исследование релятивистских и концептуалистских концепций семантики суждений личного вкуса, которые пытаются проанализировать высказывания, содержащие предикаты личного вкуса. При этом, как будет отмечено далее, данные концепции сталкиваются с проблемой обоснования безошибочного разногласия, которая играет значительную роль в исследовании чувствительности выражений вкуса к контексту.

По мнению Д. Каплана и Д. Льюиса, истинностное значение высказываний присваивается относительно контекста и обстоятельств оценки, которые включают возможный мир. Таким образом, одно из двух противоречивых высказываний с необходимостью должно быть ложным. Мы не можем точно таким же образом определить истинностное значение высказываний вкуса, потому что они соотносятся не с объективными фактами, а исходят из наблюдений субъекта. Если же принять во внимание тот факт, что вкусы людей различаются и никто при этом, как кажется, не высказывает лжи, то мы сталкиваемся с загадкой [5]. Эта загадка безошибочного разногласия, в свою очередь, связана с требованием непосредственного опыта для семантики суждений личного вкуса.

Поэтому в заключении данной статьи предпринимается попытка обоснования позиции, согласно которой непосредственный опыт не является обязательным требованием в исследовании суждений вкуса, а высказывания, содержащие опыт чувственного восприятия, обладают пропозициональным содержанием.

Контекстуализм и релятивизм: сравнительный анализ. Итак, несмотря на субъективность данных высказываний, которая может привести нас к мысли о том, что о вкусах не спорят, в повседневной жизни люди очень часто именно спорят о вкусах:

(3) Ральф. «Мадлен» очень вкусное печенье.

Рози. Нет, это печенье невкусное.

Ральф. Ты обязана попробовать его вместе с чаем из липового цвета, и тогда ты точно изменишь свое мнение!

Разрешить данный феномен пытаются философы и лингвисты, которые в попытке формального объяснения безошибочного разногласия предполагают, что печенье является вкусным для одного говорящего (Ральфа), но совершенно невкусным для другого (Рози), так как каждый из них опирается на собственный опыт [3, р. 488–490].

Сторонники контекстуализма разделяют точку зрения Каплана о контекстной чувствительности слов и расширяют эту установку на область предикатов личного вкуса. То есть предикат «вкусно» относится к свойству быть вкусным по отношению к стандарту вкуса, который выявляется именно в контексте использования, что позволяет варьироваться истинностному значению утверждений относительно одного и того же объекта [6]. Говорящий идентифицирует себя с каждым индивидом, который включен в область квантификации, определяемую контекстом [7, р. 293]. Получается, что произнесенное говорящим «вкусно» выражает содержание предиката «вкусный» для определенных людей, как, например, в диалоге (4) «вкусно» выражает содержание предиката «вкусный для взрослого».

(4) Рози. Пицца с оливками очень вкусная.

Ральф. Оливки ужасны, я не буду это есть!

Рози. Вырастешь и поймешь, что оливки вкусные.

В данном контексте третье высказывание опирается на установленный стандарт вкуса и выражает убеждение в том, что оливки вкусны для среднестатистического взрослого. Истинностное значение этого суждения меняется от ситуации к ситуации, так как говорящий может приписывать различные свойства тем людям, с которыми он себя идентифицирует. Интуитивно удобное и радикально не отходящее от классических семантик положение контекстуалистов не может, однако, полностью объяснить феномен безошибочного разногласия, которое здесь просто не возникает, так как выходит, что каждый говорящий всего лишь придерживается своего стандарта вкуса, определяемого контекстом. Вместо того, чтобы получить разногласие, мы получаем диалог, в котором люди не спорят, а анонсируют свои мнения. Таким образом, чувствительность к контексту, обусловленная вариативностью устанавливаемых стандартов предикатов личного вкуса, оказывается недостаточной для объяснения безошибочного разногласия.

Другое направление, а именно релятивизм, противопоставляется контекстуализму только в отношении роли, которую играют предикаты личного вкуса в определении истинностных значений выражений. Релятивисты подчеркивают, что разногласие требует общего контекста у говорящих: если *A* не согласен с *B*, т. е. такое содержание, которое принимает *A*, но отклоняет *B*. Исходя из этого, релятивизм приходит к идее относительности истины в зависимости от того, кто будет оценивать: то, что *A* выражает, истинно относительно *A*, а его

отрицание истинно относительно *B* [8, р. 7–9]. Утверждения противоречивы в том смысле, что оба не могут быть истинными относительно одного и того же индивидуума и в одно и то же время. И если контекстуализм утверждает, что термины чувственного восприятия влияют на истинность высказывания на уровне содержания предиката, то релятивизм утверждает, что предикаты личного вкуса выражают одно и то же содержание в любом контексте, в котором они произносятся, но истинность зависит от параметра обстоятельств оценки.

Данный ход направлен на то, чтобы объяснить безошибочное разногласие, что не вышло в контекстуализме. Для этого релятивисты готовы усложнить традиционную семантику. К обстоятельствам оценки, которые у Д. Каплана включают в себя мир, время и контекст, релятивисты добавляют параметр оценки, определяемый не контекстом, но стандартом вкуса, или судьей. Параметр судьи призван сыграть роль индивидуальной точки зрения, дополняющую остальные параметры, поэтому судьей обычно становится говорящий. Впрочем, в некоторых релятивистских теориях, например в концепции Лазерсона [4], рассматриваются автоцентрические и экзоцентрические расширения, в которых судьей может оказаться и определенная группа людей. Итак, если вкусность печенья из примера (3) оценивает Ральф, то истинность высказывания будет определяться относительно Ральфа как того, кто оценивает. И поскольку Ральф утверждает, что печенье вкусное, то высказывание в данном случае будет истинным. Получается, что в каждом контексте высказывание, содержащее предикаты личного вкуса, выражает одну и ту же информацию, которая варьируется в зависимости от судьи. Говорящие расходятся во мнении и, следовательно, разногласие все же возникает, поскольку они утверждают противоречивые высказывания, с которыми могут не соглашаться и по поводу которых могут вступать в спор, но предложения оцениваются с учетом разных параметров.

Таким образом, нельзя сказать, что релятивисты опровергают контекстуализм и представляют собой противоположное направление. Релятивисты утверждают, что их семантический подход, акцентирующий внимание на безошибочном разногласии, объясняет относительно данной загадки больше, нежели теория контекстуалистов [9]. Вводя параметр судьи, релятивисты сохраняют установку, согласно которой выражения базируются на субъективном восприятии говорящих, и при этом они пытаются удержать возникающее между ними разногласие.

Отметим, однако, что данный подход также не может зафиксировать и объяснить безошибочное разногласие полностью. Это связано, во-первых, с проблематичностью выявления параметра судьи в качестве неявного аргумента [10]. В примере (5) высказывание содержит неявного судью, который указывает на то, что предикат «вкусно» относится к Ральфу, а не к Розе, которая считает печенье невкусным, но объяснение такого отношения выходит за рамки релятивистских теорий.

(5) Ральф. Роза считает, что вкусное печенье отвратительно.

Во-вторых, релятивизм, так же, как и контекстуализм, сталкивается с проблемами, которые в основном связаны с проблематичностью схватывания и объяснения безошибочного разногласия [11]. В рамках релятивистских теорий остается непонятным, как люди с разными стандартами могут спорить, ведь истина определяется относительно параметра судьи. То есть, следуя классической семантической теории, возникающий спор кажется неумест-

ным, если говорящие находятся в разных семантических условиях, например в разных мирах или моментах времени, в связи с чем разногласие относительно параметра сужды также кажется неуместным. Получается, что безошибочное разногласие пропадает и в релятивизме. Но, даже если мы принимаем параметр сужды и, опираясь на него, определяем истинностное значение выражения, говорящие в таком случае должны понимать, что они исходят из разных параметров оценки и, следовательно, разногласие кажется абсурдным, так как высказывание, в котором кто-то другой принимается в качестве сужды, может оказаться ложным.

Кроме того, существуют подходы, пытающиеся совместить и усовершенствовать методы и подходы описанных выше концепций, например, семантика Стивенсона [12]. Здесь высказывания оцениваются с собственной точки зрения говорящего, которая может определяться контекстом. Но и при таком условии мы снова не можем утверждать, что высказывания о вкусе являются несовместимыми, в связи с чем безошибочное разногласие вновь не получает достаточного объяснения. В примере (6) нет существенных разногласий, так как Ральф и Роза оценивают содержание. Если бы Ральф оценивал содержание, выраженное Розой, со своей точки зрения, то имело бы место недоразумение.

(6) Ральф. [печенье восхитительно (w, t , Ральф)]

Роза. [печенье не очень вкусное (w, t , Роза)]

Результаты и обсуждение. Несмотря на существенные семантические различия, подчеркнем, что мы не должны противопоставлять контекстуализм и релятивизм. Проведя сравнительный анализ, можно прийти к выводу, что эти семантические модели определяют вкус через определенный стандарт, который может быть установлен по-разному [13]. Под стандартом вкуса здесь следует понимать не определенный набор принципов, которые помогают установить истинность высказывания, но шкалу оценивания. То есть, если человеку нравится вкус печенья, то этот вкус оценивается положительно («вкусно»). Если же вкус печенья не нравится, то отрицательно («невкусно»). Можно отметить также и нейтральную позицию, когда говорящему все равно. В связи с этим, рассматривая семантику предикатов личного вкуса через призму контекстуализма и релятивизма, мы можем сказать, что в них проблема безошибочного разногласия связывается именно с субъективностью восприятия.

Более того, данные подходы базируются на одном онтологическом основании, согласно которому мы говорим о предикатах личного вкуса с субъективной точки зрения, имея чаще всего непосредственный опыт восприятия объекта [7]. При этом оба подхода подразумевают, что содержание высказывания одного говорящего неэквивалентно содержанию высказывания другого, в связи с чем остается непонятным, почему мы можем предполагать разногласие. В связи с этим в следующем разделе данной статьи будет предпринята попытка исследования природы безошибочного разногласия. Для этого необходимо обратиться к роли чувственного восприятия, так как вышеприведенные концепции семантики суждений личного вкуса базируются на требовании непосредственного опыта объекта для определения истинностного значения высказывания.

Здесь можно задаться вопросом: если так трудно уловить и объяснить разногласие, в котором никто не допускает ошибки, то действительно ли споры, содержащие субъективные предикаты, являются безошибочными? Если никто не совершает ошибки, то почему говорящие все же пытаются переубедить своего собеседника самыми различными способами? Является ли безошибочное разногласие той проблемой, которой необходимо уделять значи-

тельное внимание при рассмотрении семантики предикатов личного вкуса? Заметим, что собеседники во время спора о вкусах знают, что одно и то же утверждение может принимать различные значения истины в зависимости от того, кто его будет высказывать [14]. Кроме того, говорящие понимают, что отрицание утверждения о вкусности чего-либо несовместимо только по отношению к одному и тому же говорящему. Но даже это условие может быть снято, если говорящий высказывает утверждения в разные периоды жизни, ведь мнение может измениться.

(7) Ральф (в 2010 г.). Оливки невкусные, я их ненавижу.

Ральф (в 2021 г.). Оказывается, оливки очень вкусные. Я понял это, когда попробовал пиццу с оливками на вечеринке.

Выше мы исходили из позиции, согласно которой утверждения, содержащие предикаты личного вкуса, базируются на субъективном опыте говорящего, но поведение собеседников в разногласиях о вкусе часто напоминает спор, который может возникнуть относительно обычных эмпирических фактов, как в примере (1). Можно ли, исходя из этого, утверждать, что любое высказывание, которое содержит термины чувственного восприятия, явно или неявно указывает нам на позицию говорящего, как это делают концепции релятивизма и контекстуализма? В таком случае получается, что когда кто-то говорит, что «печенье «Мадлен» вкусное», он уже заранее имеет ввиду тот факт, что оно вкусное для него.

(8) Ральф. Возьмем «Мадлен» к чаю? Это печенье очень вкусное.

Рози. Нет, это печенье слишком приторное.

Ральф. *Для меня* это самый вкусный десерт к чаю.

При этом, утверждая о вкусности чего-либо без указания своей субъективной позиции, слушатель оценивает наше высказывание как истинное или ложное в зависимости от его убеждения. В примере, где утверждается о вкусовых предпочтениях конкретного человека («*Для меня* это самый вкусный десерт к чаю»), слушатель уже не может возразить нам и, следовательно, разногласия не возникает.

Итак, сейчас перед нами стоит вопрос о том, как можно высказывать противоречащие друг другу суждения относительно одного и того же предмета. Как мы убедились ранее, для ответа на него недостаточно только указать на субъективность восприятия. Возвращаясь к рассмотренным подходам, отметим, что схожесть релятивистов и контекстуалистов состоит в одинаковой онтологической предпосылке, согласно которой необходимо наличие предмета и, более того – непосредственный опыт восприятия данного предмета говорящим, чтобы утверждать о нем что-либо.

Акцентирование внимания на роли непосредственного опыта в семантике предикатов личного вкуса связано с убеждением о том, что восприятие помогает определить истинность высказывания [15, р. 292]. Параметр судьи в таком случае может отождествляться с переживающим, подразумевая, что говорящий имел опыт непосредственного восприятия объекта, о котором идет речь [16]. Данное положение носит название семантического знакомства и зачастую выступает в качестве необходимого требования для определения истинности высказывания. Это положение подкрепляется контринтуитивными высказываниями [15, р. 296], как в примере (9):

(9) «Мадлен» очень вкусное, но я его ненавижу.

Более того, если бы говорящий не пробовал печенье «Мадлен», а просто услышал, что оно вкусное, то уместнее сказать нечто вроде:

(10) Скорее всего, «Мадлен» очень вкусное.

Таким образом, «Мадлен» вкусно для меня, если я склонна получать вкусовое удовольствие при его употреблении. В противном случае высказывание оценивается как ложное, хотя в некоторых ситуациях произнесение суждений вкуса не подразумевает наличие непосредственного опыта, как в ситуациях, когда говорящий пересказывает чувства и опыт другого. Например, говорящий рассказывает своему собеседнику о друге Ральфе, который путешествует сейчас во Франции:

(11) – Как проходит поездка Ральфа по Франции?

– Замечательно! Недавно он попробовал безумно вкусные «Мадленки» в кофейне в самом центре Парижа!

В данной ситуации мы не можем сказать, что говорящий обладает необходимым опытом для вынесения суждения. Здесь определяемый стандарт вкуса закрепляется не за говорящим, а за кем-то другим («экзоцентрическое» прочтение предикатов вкуса, согласно Лазерсону). Возможность экзоцентрического использования предикатов вкуса позволяет усомниться в требовании непосредственного опыта в качестве необходимого. Ведь если бы мы ограничивались только прочтением от первого лица, то высказывание о том, что печенье «Мадлен» вкусное всегда означало бы, что говорящий пробовал его.

Таким образом, можно сказать, что непосредственный опыт восприятия объекта имеет значение в качестве основания, от которого может зависеть истинность суждения, выражающего убеждение. Требование непосредственного опыта, таким образом, играет важную роль и в контекстуализме, и в релятивизме, так как представляется проблематичным установление истинности суждения на основании несуществующего переживания. Но, отметим, что значение утверждения зависит не только от субъективного восприятия, достоверность которого известна лишь говорящему. Требование непосредственного знакомства кажется весьма загадочным, ведь предрасположенность ко вкусу можно иметь и без его проявления. Восприятие необязательно должно быть полным и непосредственным, чтобы выносить суждения о вкусе. К данной гипотезе мы приходим, исходя из наблюдений о том, что в противном случае у говорящих так и не смогло бы возникнуть успешной коммуникации в разногласиях относительно вкуса, и каждый выносит суждения только относительно своего вкуса, который может определяться стандартом вкуса, параметром судьи и т. д. Разногласие в утверждениях вкуса здесь все же возникает. Более того, в таких спорах могут выдвигаться доказательства, призванные убедить собеседника в том, что он не прав. Это может быть мнением эксперта или толпы, опыт или воспоминания, которые оказались связанными с теми или иным чувственным восприятием, убеждение, которое может возникнуть относительно предмета и т. д. Например, вкусовое удовольствие от предмета может повыситься от связанного с ним счастливого детского воспоминания и наоборот. В таком случае истинностное значение может зависеть не столько от самого вкуса объекта, сколько от воспоминаний и образов, возникающих из памяти.

Тем не менее существуют границы, в рамках которых можно выносить суждения вкуса, не опираясь при этом на непосредственный опыт. В статье, посвященной проблеме семантического знакомства [7], Нинан рассматривает пример, когда повар приготовил Эллен блюдо, состоящее из ее любимых ингредиентов. На следующий день повар косвенно узнает (кто-то третий сказал ему об этом), что Эллен съела данное блюдо. Можно ли на основании этого повара утверждать, что Эллен посчитала все вкусным? Нинан подчеркивает, что для этого необходимо быть более непосредственно связанным с событием, как если бы, например, Эллен сама сказала повара, что ужин был вкусным. Более того, Нинан утверждает, что в таких ситуациях уместнее всего уже использовать модальности.

(12) Скорее всего, Эллен понравился ужин.

Получается, что факты, на которые опирается говорящий, утверждая о вкусоности чего-либо, могут быть не связаны с непосредственным опытом восприятия, но при этом они должны быть связаны с объектом определенным образом.

Таким образом, в данном разделе мы обратили внимание на требование семантического знакомства, которое возникает в силу того, что оно является единственным способом определить на уровне онтологии, является что-то вкусным или нет. Если непосредственный опыт отсутствует, то само суждение вкуса может оказаться неопределенным, в связи с чем требование семантического знакомства нельзя полностью снять, хотя оно уже не будет необходимым условием.

Заключение. Итак, наше первое предположение состояло в том, что разногласия по поводу вкуса безошибочны, так как базируются на субъективном опыте говорящего, т. е. на том, в чем индивид не может ошибаться. Данное допущение рассматривается в современных концепциях семантики суждений личного вкуса на базе релятивистских и контекстуалистских семантических моделей, в которых наблюдается одинаковая онтологическая предпосылка, связанная с требованием непосредственного опыта восприятия субъекта.

При сравнительном анализе двух концепций данное допущение представилось сомнительным в силу того, что под вопрос попало само понятие безошибочного разногласия. Феномен безошибочного разногласия присутствует в диалогах о вкусах, но не все споры о вкусах являются безошибочными, иначе у говорящих не возникало бы успешной коммуникации, и каждый из них лишь анонсировал бы свое мнение относительно восприятия объекта. Загадка данного феномена состоит в объяснении противоречивого содержания высказываний, которое может возникать во время беседы. При таком подходе важен даже не сам спор говорящих, ведь взгляды говорящего могут варьироваться или же вообще быть не ярко выраженными (например: «Я не знаю как мне это печенье на вкус»). Получается, что за каждым агентом закрепляется набор точек зрения, а не определенная раз и навсегда перспектива, в связи с чем представляется важным уловить и объяснить возникающее противоречие в содержании высказываний.

При этом было отмечено, что вопросы вкуса каким-то образом связаны с убеждениями и вкусовыми предпочтениями, формирующимися в нашем опыте. В таком случае необходимо понять, как суждения о вкусе могут получать обоснование, причем не только за счет непосредственного восприятия и эпистемологических норм говорящего.

На данном этапе обратимся к семантике предикатов личного вкуса, которая делает очень ясным различие между *de re* и *de dicto* прочтениями индивидуальных термов, так как эти два модуса репрезентации объектов в данном случае порождают и разные истинностные значения выражения, поскольку отражают различные способы возникновения у субъекта установки мнения [10]. Например, высказывание «*Ральф считает, что бисквитное печенье вкусное*» можно понимать двояко:

(13) «бисквитное печенье» выступает как собирательное понятие, в которое входят все печенье с бисквитом;

(14) под «бисквитным печеньем» понимается конкретный объект, который Ральф считает вкусным (например, «Мадлен» из булочной напротив его дома).

В первом случае у Ральфа нет представления о печенье, это неспецифический объект, или какой-то образ, с которым могут ассоциироваться самые разные десерты, и при этом Ральфу необязательно иметь непосредственный опыт восприятия всего бисквитного печенья в мире, чтобы высказывание его было истинным. Во втором случае, если мы читаем индивидуальный терм *de re*, Ральф концентрируется на каком-то конкретном печенье, которое он, возможно, даже пробовал. При этом даже во втором случае Ральфу необязательно иметь непосредственный опыт восприятия печенья, если он обладает определенным знанием относительно данного печенья (например, Роза сказала ему, что печенье напротив дома вкусное).

Оба прочтения показывают определенное отношение между субъектом и предметом его речи, т. е. пропозициональную установку, которая возникает в контексте чувственного восприятия. Суждения вкуса, как и суждения касательно объективных фактов, являются набором взглядов, которые варьируются в зависимости от опыта субъекта (который включает в себя непосредственный опыт, знание, установки и т. д.), организовывая определенную шкалу.

При этом, несмотря на то, что высказывания, содержащие предикаты личного вкуса, отсылают нас к конкретному ощущению, мы можем высказывать свои вкусы об объекте, не имея непосредственного опыта восприятия. Но и здесь существуют определенные границы. Получается, что, хотя в суждениях вкуса идет речь о восприятии или ощущении предмета, мы находимся в рамках пропозициональной установки, так как высказываем отношение субъекта к предмету, а не констатируем его «объективные» характеристики. Таким образом, подобно эпистемическим установкам, опыт чувственного восприятия также обладает интенциональностью и пропозициональным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Umbach C. Evaluative Predicates: Beyond Fun and Tasty // The Wiley Blackwell Companion to Semantics, 2021. P. 1–31.
2. Hirvonen S. Predicates of personal taste and perspective dependence: Ph.D. Thesis / London: Univ. College London, 2014.
3. Furey H. The Paradox of Gustatory Taste // Ergo: an open access journal of philosophy. 2017. Vol. 4, № 17. P. 481–527. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0004.017.
4. Lasersohn P. Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste // Linguistics and Philosophy. 2005. Vol. 28, № 6. P. 643–686. DOI: 10.1007/s10988-005-0596-x.
5. Coppock E. Outlook-based semantic // Linguist and Philosophy. 2018. Vol. 41. P. 125–164. DOI: 10.1007/s10988-017-9222-y.

6. Umbach C. Evaluative propositions and subjective judgments // *Subjective Meaning: Alternatives to Relativism*. Berlin: Gryuter, 2016. P. 127–168. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110402001-008>.
7. Ninan D. Taste predicates and the acquaintance inference // *Proceedings of SALT*. 2014. Vol. 24. P. 290–309. DOI: 10.3765/salt.v24i0.2413.
8. Glanzberg M. Context, content, and relativism // *Philosophical Studies*. 2007. Vol. 136. P. 1–29. DOI: 10.1007/s11098-007-9145-5.
9. Rudolph R. Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement // *Philosophical Studies*. 2018. Vol. 177, № 1. P. 197–217. DOI: 10.1007/s11098-018-1185-5.
10. Anand P., Korotkova N. How to theorize about subjective language: A lesson from 'de re' // *Linguistics and Philosophy*. 2021. Vol. 43. P. 1–56. DOI: 10.1007/s10988-021-09331-0.
11. Zeman D. Faultless Disagreement // *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism*. 2020. Vol. 48. P. 486–495.
12. Stephenson T. Judge dependence, epistemic modals, and predicates of personal taste // *Linguistics and Philosophy*. 2007. Vol. 30, iss. 4. P. 487–525. DOI: 10.1007/s10988-008-9023-4.
13. Pearson H. A judge-free semantics for predicates of personal taste // *J. of Semantics*. 2013. Vol. 30, iss. 1. P. 103–154. DOI: 10.1093/jos/ffs001.
14. Kaplan D. Demonstratives. An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals // *Themes from Kaplan* / J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). NY: Oxford Univ. Press, 1989. P. 481–563.
15. Nuspliger A. Disagreements in philosophy substantive disagreements vs. Verbal dispute: Ph. D. Thesis / Osnabrück: Universität Osnabrück, 2018.
16. Bylinina L. Judge-dependence in degree constructions // *J. of Semantics*. 2017. Vol. 34, iss. 2. P. 291–331. DOI: 10.1093/jos/ffw011.

Информация об авторе.

Павлухина Полина Андреевна – студентка (4-й курс) Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сотрудник проекта Российского общества истории и философии науки «Семантическая структура пропозициональных установок сознания». Сфера научных интересов: философия языка, формальная семантика, логика оценок и норм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.11.2021; принята после рецензирования 28.01.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Umbach, C. (2021), "Evaluative Predicates: Beyond Fun and Tasty", *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*, pp. 1–31.
2. Hirvonen, S. (2014), "Predicates of personal taste and perspective dependence", Ph. D. Thesis, Univ. College London, London, UK.
3. Furey, H. (2017), "The Paradox of Gustatory Taste", *Ergo: an open access J. of philosophy*, vol. 4, no. 17, pp. 481–527. DOI:10.3998/ergo.12405314.0004.017.
4. Lasersohn, P. (2005), "Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste", *Linguistics and Philosophy*, vol. 28, no. 6, pp. 643–686. DOI: 10.1007/s10988-005-0596-x.
5. Coppock, E. (2018), "Outlook-based semantic", *Linguist and Philosophy*, vol. 41, pp. 125–164. DOI: 10.1007/s10988-017-9222-y.
6. Umbach, C. (2016), "Evaluative propositions and subjective judgments", *Subjective Meaning: Alternatives to Relativism*, Gryuter, Berlin, pp. 127–168. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110402001-008>.
7. Ninan, D. (2014), "Taste predicates and the acquaintance inference", *Proceedings of SALT*, vol. 24, pp. 290–309. DOI: 10.3765/salt.v24i0.2413.

8. Glanzberg, M. (2007), "Context, content, and relativism", *Philosophical Studies*, vol. 136, pp. 1–29. DOI: 10.1007/s11098-007-9145-5.
9. Rudolph, R. (2018), "Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement", *Philosophical Studies*, vol. 177, no. 1, pp. 197–217. DOI: 10.1007/s11098-018-1185-5.
10. Anand, P. and Korotkova, N. (2021), "How to theorize about subjective language: A lesson from 'de re'", *Linguistics and Philosophy*, vol. 43, pp. 1–56. DOI: 10.1007/s10988-021-09331-0.
11. Zeman, D. (2020), "Faultless Disagreement", *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism*, vol. 48, pp. 486–495.
12. Stephenson, T. (2007), "Judge dependence, epistemic modals, and predicates of personal taste", *Linguistics and Philosophy*, vol. 30, iss. 4, pp. 487–525. DOI: 10.1007/s10988-008-9023-4.
13. Pearson, H. (2013), "A judge-free semantics for predicates of personal taste", *J. of Semantics*, vol. 30, iss. 1, pp. 103–154. DOI: 10.1093/jos/ffs001.
14. Kaplan, D. (1989), "Demonstratives. An essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals", *Themes from Kaplan*, in Almog, J., Perry, J. and Wettstein, H. (eds.), Oxford Univ. Press, NY, USA, pp. 481–563.
15. Nuspliger, A. (2018), "Disagreements in philosophy substantive disagreements vs. Verbal dispute", Ph. D Thesis, Univ. Osnabrück, Osnabrück, GER.
16. Bylinina, L. (2017), "Judge-dependence in degree constructions", *J. of Semantics*, vol. 34, iss. 2, pp. 291–331. DOI:10.1093/jos/ffw011.

Information about the author.

Polina A. Pavlukhina – Student (4th year) of the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Mendeleev line, 5, St Peterburg 199034, Russia. Research fellow at the project of Russian Society for History and philosophy of Science "The semantic structure of the propositional attitudes of consciousness". Area of expertise: philosophy of language, formal semantic, logic of evolution.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.11.2021; adopted after review 28.01.2022; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 165.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-18-28>

Доверие свидетельству: редукционизм и нонредукционизм

Михаил Геннадьевич Хорт

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
mikhort@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4284-6533>*

Ведение. Статья посвящена эпистемологии коммуникативного знания. Утверждается, что центральной проблемой при анализе такого знания является вопрос о статусе свидетельства. Автор обсуждает редукционизм и нонредукционизм как два традиционных подхода к решению проблемы доверия свидетельству. Цель статьи – описать аргументы обоих подходов и выявить их общие недостатки.

Методология и источники. Автор использует метод концептуального анализа для решения поставленной задачи. К первичным источникам работы относятся сочинения классиков теории познания – Д. Юма и Т. Риды. Ко вторичным источникам относятся работы современных авторов, принадлежащих к англо-американской философской традиции.

Результаты и обсуждение. Редукционизм утверждает, что, хотя свидетельские убеждения могут быть приняты на основании надежности информатора, само свидетельство не обеспечивает обоснование. В конечном итоге редукционизм сводит свидетельство к другому источнику обоснования, такому как восприятие или память. В статье объясняется, что слабым местом редукционизма является учет нормальных социальных взаимодействий, когда надежность говорящего неизвестна. Нон-редукционизм утверждает, что свидетельство не обеспечивает обоснование путем редукции к другим источникам. Само свидетельство является допустимой формой социального доказательства. Информанту не нужны дополнительные позитивные причины, чтобы принять утверждения говорящего как обоснованные. Свидетельство обоснованно по умолчанию, если не доказана его ложность или ненадежность. Однако слабым местом нон-редукционизма являются релятивистские следствия в случаях когнитивной асимметрии информатора и информанта.

Заключение. В статье высказывается предположение, что редукционизм и нонредукционизм основываются на общем тезисе, заключающемся в описании коммуникативного знания без учета характеристик эпистемических агентов, которые это знание продуцируют. Автор считает, что формирование коммуникативного знания не зависит от доверия свидетельствам информатора. Предлагается рассматривать вопрос о доверии самому информатору как эпистемическому агенту. Высказывается предположение, что подобный анализ должен отталкиваться от эпистемологии добродетелей.

Ключевые слова: коммуникативное знание, редукционизм, нонредукционизм, доверие свидетельству, эпистемология добродетелей

Для цитирования: Хорт М. Г. Доверие свидетельству: редукционизм и нонредукционизм // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-18-28.

© Хорт М. Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Trust to Testimony: Reductionism and Non-Reductionism

Mikhail G. Khort

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia,
mikhkort@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4284-6533>*

Introduction. The article is devoted to the epistemology of communicative knowledge. It is argued that the central problem in the analysis of such knowledge is the question of the status of testimony. The author discusses reductionism and non-reductionism as two traditional approaches to the problem of trust to testimony. The aim of the article is to describe the arguments of both approaches and to carry out their critique.

Methodology and sources. The author uses the method of conceptual analysis to address the task at hand. The primary sources of the paper include the works of the classics of the theory of knowledge – D. Hume and T. Reid. The secondary sources include works of modern authors, belonging to the Anglo-American philosophical tradition.

Results and discussion. Reductionism argues that although testimonial beliefs can be accepted on the basis of the reliability of the informant, the testimony itself does not provide justification. Ultimately, reductionism reduces testimony to another source of justification, such as perception or memory. The article explains that reductionism's weakness is to account for normal social interactions when the reliability of the speaker is unknown. Non-reductionism argues that testimony does not provide justification by reduction to other sources. Testimony itself is a valid form of social proof. The informant does not need additional positive reasons to accept the speaker's claims as valid. Testimony is justified by default unless it is proven false or unreliable. However, the weakness of non-reductionism is the relativistic implication in cases of cognitive asymmetry between the informant and the informant.

Conclusion. The article concludes that reductionism and non-reductionism are equally unsatisfactory theories. The author believes that the formation of communicative knowledge does not depend on trust in the informant's testimony. It is proposed to consider the issue of trust in the informant himself as an epistemic agent. It is suggested that such an analysis should start from an virtue epistemology.

Keywords: communicative knowledge, reductionism, non-reductionism, trust to testimony, virtue epistemology

For citation: Khort, M.G. (2022), "Trust to Testimony: Reductionism and Non-Reductionism", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-18-28 (Russia).

Введение. Наше знание о себе и мире в значительной степени является коммуникативным, так как зависит от того, что говорят нам другие. В отличие от эмпирического или рационального знания, коммуникативное является социально обусловленным, что затрудняет его анализ. Основной проблемой при исследовании коммуникативного знания является вопрос о доверии свидетельству. Эта проблема ставит перед эпистемологией ряд сложных вопросов. Что такое свидетельство? Какие виды актов коммуникации могут быть подведены под категорию свидетельства? Действительно ли происходит передача знаний через свидетельство или же в коммуникации мы можем обмениваться просто убеждениями, но не знанием? Каковы условия для обеспечения такой передачи? Ответы на эти вопросы подразумевают определенную теорию свидетельства. Традиционно в философии выделяют две группы таких теорий – редукционистские и нонредукционистские.

Редукционизм сводит свидетельство к «примитивным» индивидуальным источникам, а нонредукционизм считает свидетельство самостоятельным источником знания, таким же, как перцептивные эпистемические источники. Редукционизм ассоциируется с Дэвидом Юмом, а нонредукционизм – с Томасом Ридом. Обсуждая спор этих подходов, Лесли Стивенсон так суммирует их базовые тезисы: «Позиция Рида состоит в том, что любое утверждение заслуживает доверия, пока не доказано обратное; тогда как Юм подразумевает, что необходимы конкретные доказательства его достоверности» [1, р. 433]. В данной статье будут рассмотрены аргументы обоих подходов. Цель – не только показать недостатки редукционизма и нонредукционизма, но и, опираясь на анализ современных эпистемологов, поставить под вопрос имеющуюся дихотомию.

Методология и источники. В статье используется метод концептуального анализа. Этот метод позволяет выявить существенные признаки, приписываемые концепту «эпистемическое свидетельство» разными философскими подходами.

В работе используются три группы источников. В первую группу входят сочинения Дэвида Юма [2, 3] и Томаса Рида [4], которые считаются основоположниками редукционизма и нонредукционизма. Ко второй группе источников относятся работы эпистемологов, которые на современном этапе развития философии возродили интерес к проблеме доверия свидетельству и выполнили типологизацию аргументов Юма и Рида [5, 6]. Третью группу составляют критические работы, в которых подвергается сомнению имеющаяся дихотомия [7–11].

Результаты и обсуждение. Деление теорий на редукционистские и нонредукционистские было предложено Энтони Коуди в фундаментальной монографии «Свидетельство: философское исследование» [5]. При описании редукционизма Коуди отталкивается от следующей цитаты из Юма: «Достаточно заметить, что наша уверенность в любом аргументе [из свидетельства] не вытекает ни из какого другого принципа, кроме как из нашего наблюдения за правдивостью человеческих свидетельств и обычного соответствия фактов сообщениям свидетелей» [2, р. 111]. Данное утверждение Юма является следствием его более общей эпистемологической теории, которую традиционно причисляют к эмпиризму. Юм говорит, что в конечном счете фактором обоснования любого убеждения является опыт. С точки зрения данной позиции никакого особого коммуникативного знания нет. Информатор, передающий нам свидетельство, обладает основанным на опыте убеждением. Либо же он обладает убеждением, которое сам получил коммуникативным способом. В любом случае, двигаясь от одного свидетельства к другому, мы с неотвратимостью придем к тому информатору, который получил данное убеждение при помощи стандартных эмпирических процедур. То, что мы называем «коммуникативным знанием», для редукционизма лишь одна из форм эмпирического знания.

Описанная выше схема является вполне тривиальной, более того, она еще никак не отвечает на вопрос о статусе свидетельства. Скорее, она говорит о том, каков источник содержания свидетельства. Но проблема коммуникативного знания ставится относительно других вопросов: на основании чего свидетельство может стать моим убеждением и в конечном счете знанием? На основании чего я должен доверять свидетельству, что его обосновывает? Здесь Юм (по крайней мере в описании Коуди) также остается последовательным эмпиристом: опыт является причиной доверия свидетельству.

Предположим, сосед сообщает мне о произошедшем в городе убийстве. Почему я принимаю его свидетельство в качестве обоснования убеждения «в городе произошло убийство»? С точки зрения Юма, потому что у меня есть предшествующий опыт коммуникации с соседом. Если его предыдущие свидетельства соответствовали истине, то индуктивное рассуждение подсказывает мне, что я могу доверять ему и в этой конкретной ситуации. Таким образом, основывая знание на свидетельстве информатора, я все еще основываю знание на опыте. Более того, приняв тезис Юма, мы могли бы описать в терминах доверия и некоммуникативные источники обоснования убеждений. Например, могли бы сказать, что мое знание, что «этот лист бумаги красного цвета», основано на доверии моей когнитивной способности испытывать зрительные восприятия. Если предшествующий опыт формирования убеждения на основе зрительного восприятия был адекватен, то мы должны индуктивно заключить, что и обоснование конкретного зрительного восприятия тоже адекватно. Из этих рассуждений Коуди выводит то, что он называет «редукционистским тезисом»: доверие свидетельству основано на опытном знании, а значит, коммуникативное знание – не отдельный способ формирования убеждений, а одна из форм эмпирического знания.

Редукционизм Юма является строгим, он настаивает на необходимом сведении коммуникативного знания к эмпирическому. Вне этой редукции знание невозможно. Но такой ригоризм сталкивается с некоторыми серьезными проблемами. Как быть в ситуации отсутствия предшествующего опыта относительно чьих-то свидетельств? Судя по всему, в такой ситуации невозможно принять убеждения информатора в качестве обоснованных. Но если мы не можем принять убеждения как обоснованные, то не можем и осуществлять вывод на их основе. Из этого также следует, что в принципе доверие свидетельству невозможно, ведь мы всегда можем поставить под сомнение самый первый случай формирования коммуникативного знания на основе свидетельств какого-либо информатора. При такой первичной коммуникации у нас нет предшествующего опыта, а значит, мы не можем сформировать обоснованное убеждение. Если мы не можем сформировать обоснованное убеждение, то не можем проверить его истинность (например, на основе других свидетельств). Значит, любой последующий акт коммуникации с данным информатором будет считаться первым, каждый раз у нас не будет достаточного опыта, следовательно, мы каждый раз будем оказываться в ситуации отсутствия обоснования.

Можно попытаться решить данное затруднение допустив, что, столкнувшись с информатором, надежность которого нам неизвестна, мы можем обратиться к другим информаторам, надежность которых была нами установлена на основании нашего предыдущего опыта. Подобное решение предлагается некоторыми эпистемологами (например, Э. Голдманом). Такое дополнение не устраняет все возражения: в случае разногласия информаторов нам придется обращаться к третьему информатору, четвертому и т. д. Кроме того, в случае коммуникации в условиях когнитивной асимметричности экспертов и не-эксперта, у последнего зачастую нет возможности сравнить обоснования, предлагаемые спорящими экспертами. Для осуществления подобного сравнения не-эксперту придется либо самому стать экспертом в данной области (что делает экспертное знание бесполезным), либо ориентироваться по внешним показателям статуса экспертов (регалии и т. п.). Ориентация по внешним показателям ненадежна. К тому же, чтобы сравнивать регалии экспертов, нужно обладать

знанием о показателях экспертного статуса в разных областях, что зачастую крайне затруднительно для не-эксперта.

Таким образом, редукционизм тождественен скептицизму относительно коммуникативного знания [3, р. 64–65]. Дополнительно стоит отметить, что указанные возражения, относящиеся к передаче свидетельств в коммуникации, можно направить и на индивидуальное эмпирическое знание (можно задаться вопросом о причинах доверия к источникам нашего опыта). Поэтому можно констатировать, что строгий эмпиризм в целом будет приводить к скептицизму.

Кроме прочего, Коуди указывает, что, сводя обоснование к опыту, редукционисты весьма неопределенно трактуют само понятие «опыта», зачастую противореча самим себе. Действительно, к какому типу опыта сводит коммуникативное знание Юм? Выше была дана эмпирическая трактовка его теории. Но на материале текстов Юма Коуди показывает, что в некоторых случаях шотландский философ понимает под опытом что-то другое, не обязательно связанное с личным эмпирическим опытом. В таком случае под опытом подразумевается то, что соответствует общей точке зрения, т. е. «здравому смыслу». Подобное понимание опыта отражается, в частности, в следующих словах Юма: «Нет ничего удивительного в том, что человек, внешне находящийся в добром здравии, внезапно умирает: ведь такая смерть, хотя и более необычная, чем любая другая, все же часто случается» [2, р. 115]. В данной цитате высказывается некоторое знание. Мы можем задаться вопросом, откуда Юм знает то, что он говорит? Весьма сомнительно, что в личном эмпирическом опыте Юма было большое количество случаев, когда здоровый человек умирал без причины. Формируя указанное убеждение, Юм апеллирует не к своему опыту и не к опыту какого-то отдельного человека (допустим, знакомого врача), но к опыту сообщества, к которому он принадлежит. Таким образом, данное убеждение обосновано ссылкой на общее мнение, «здравый смысл».

Аргумент Коуди близок к софистике, но он действительно вскрывает важное противоречие. Большое количество убеждений, которые у нас имеются, обоснованы не личным эмпирическим опытом, а опытом сообщества в целом. Например, мы можем знать, что езда на летней резине в заморозки с большой вероятностью приведет к аварии, даже если подобных происшествий не было в нашем личном опыте или опыте близких нам людей, которые сообщили бы нам об этом в коммуникации. Мы знаем об опасности летней резины в заморозки, потому что это «коллективный опыт» нашего сообщества. Конечно, можно сказать, что за этим опытом стоит статистика происшествий, которая опубликована в научных журналах и официальных отчетах. Также субъект может путем рационального размышления прийти к выводу о необходимости использования разного типа резины в разные времена года. Но весьма сомнительно, что большинству людей необходимо ознакомиться со статистикой или исследовать состав шин, чтобы прийти к выводу о необходимости их замены. Таким образом, помимо личного опыта, мы также должны постулировать возможность коллективного опыта, что и делается Юмом, хотя не проговаривается отдельно. Но из-за этого возникает противоречие: когда мы доказываем возможность обоснования через свидетельство, то не можем апеллировать к «здравому смыслу», т. е. опыту сообщества [8, р. 399]. Ведь иначе мы были бы вовлечены в порочный круг, где возможность коммуникативного знания обосновывается ссылкой на опыт сообщества, о котором нам известно благодаря

коммуникации. Из этого следует, что редукционист должен ограничить свою аргументацию исключительно ссылкой на свой личный эмпирический опыт. Отсюда также выводится, что Юм-философ не может ничего сообщить нам относительно эпистемологии как универсальной теории знания, ведь его опыт необязательно коррелирует с опытом других людей. Даже исследование этой корреляции оказывается проблематичным. Судя по всему, строгий редукционист не может выбраться из этой ловушки радикального скептицизма. Таким образом, эпистемология Юма – это исключительно эпистемология Юма. Она остается индивидуальной, не способной дать объяснение возможности знания для других субъектов.

Ограничивая знание теми убеждениями, которые могут быть сформированы исключительно на основе личного опыта, мы приходим к нереалистичной концепции знания, поэтому тезис редукционизма должен считаться «откровенно ложным, поскольку абсурдно предполагать, что по отдельности мы проделали хоть что-то похожее на тот объем полевой работы, которого требует [редукция на основе индивидуального опыта]» [5, р. 82]. Огромное количество знаний обосновано ссылкой на коллективное свидетельство, а не личный эмпирический опыт: «Многие из нас никогда не видели, как рождается ребенок, большинство из нас не изучали ни циркуляцию крови, ни фактическую географию мира, ни все законы страны, не проводили наблюдения, которые лежат в основе нашего знания о том, что небесные светила находятся на огромном расстоянии, ни множество других наблюдений, которых, казалось бы, требует [редукция на основе индивидуального опыта]» [5, р. 82]. Таким образом, множество обоснованных убеждений, полученных на основе свидетельства, значительно больше множества свидетельств, которые мы можем актуально проверить в опыте. Из этого также следует, что количество свидетельств, поддерживающих наши убеждения, настолько широко, что мы не можем осуществить полную индукцию для формирования эмпирического закона относительно надежности свидетельства как источника знания (или, по крайней мере, обоснования) [9, р. 3–4].

Таким образом, подход, называемый редукционистским, утверждает необходимую корреляцию между доверием свидетельству и возможностью независимой проверки доказательств, которые служат для обоснования свидетельства. Для сторонников этого подхода доверие свидетельству возможно только в том случае, если информант способен (хотя бы гипотетически) самостоятельно, на основе опыта или рационального размышления, показать связь между сформированным на основе свидетельства убеждением и истиной. Для редукционистского подхода проблема доверия свидетельству сводится к более фундаментальной эпистемологической проблеме доверия нашим когнитивным способностям. Для редукционизма коммуникативное знание не представляет отдельного типа знания. Иными словами, знание независимо от свидетельства. Доверие свидетельству – это коммуникативная, а не эпистемологическая проблема.

Противоположная точка зрения – нон-редукционизм, отталкивается от идеи независимости коммуникативного знания от других типов знания. В основе этого подхода лежит философия Томаса Рида, который утверждал, что свидетельство само по себе является доказательством и не требует сведения его к другим, полученным некомуникативным способом, доказательствам [6, р. 51]. Нонредукционизм рассматривает свидетельство как равный восприятию и умозаключению источник знания. Основная цель эпистемологии Рида – противостоять

аргументу Юма, который основывается на предпосылке об эпистемическом превосходстве чувственного опыта над свидетельством.

По умолчанию мы принимаем результат нашего восприятия, если он не опровергается другими причинами. Например, я смотрю на палку и мне кажется, что она сломана. Благодаря зрению я формирую определенное знание относительно состояний палки. Но также благодаря памяти о школьных уроках физики, я знаю о траектории световых лучей в неоднородных средах (с разными показателями преломления) и делаю вывод, что мое восприятие того, что палка сломана, неверно. Но все-таки по умолчанию я принимал свои восприятия за надежные эпистемические источники. Нонредукционист обосновывает то же самое в отношении свидетельства: по умолчанию я должен принимать его, не проделывая никакой эпистемической работы.

Описанная аргументация приводит к постулированию заложенного в человеческой природе принципа доверия. Томас Рид так описывает данный принцип: «Существует гораздо большее сходство, чем принято считать, между свидетельством, данным нашими органами чувств, и свидетельством людей, данным языком. То, что мы отдаем должное обоим, поначалу является лишь следствием инстинкта. Когда мы взрослеем и начинаем рассуждать о них, доверие к человеческим свидетельствам сдерживается и ослабевает из-за частого обмана. Но доверие, оказываемое показаниям наших органов чувств, устанавливается и подтверждается единообразием и постоянством законов природы» [4, р. 285]. Рид говорит, что мы естественно доверяем свидетельствам, хотя по мере взросления можем пересмотреть некоторые из них. Поэтому для Рида важно показать, что свидетельство действительно является основным источником знаний.

Также из нонредукционистского тезиса о том, что коммуникативное знание — это самостоятельный тип знания следует, что информант должен рассматривать свидетельство как независимый довод в пользу сообщаемого убеждения. Можно сказать, что свидетельство является одним из факторов обоснования. Так как свидетельство не сводимо к опыту, информант должен доверять сообщаемому убеждению [6, р. 54]. Доверие свидетельству является необходимым элементом самого свидетельства, без которого невозможен акт коммуникации. С точки зрения нонредукционистов, коммуникация в целом строится на доверии, без него была бы невозможна референциальная связь между высказываниями, которые произносит говорящий, и фактами или положениями дел, которым произносимые высказывания соответствуют. Иными словами, без априорного доверия невозможно сохранение пропозиционального содержания сообщений, которые мы передаем в актах коммуникации.

Относительно данного тезиса можно выдвинуть возражение, заключающееся в том, что этот тезис, скорее, описывает, как устроена коммуникация, но еще не объясняет, почему отдельные субъекты должны доверять свидетельствам. Как отмечает Эдвард Хинчман, «задача нон-редукциониста в отношении свидетельства состоит не только в том, чтобы аргументировать против редукционизма, но и в том, чтобы объяснить, как свидетельство может быть источником эпистемической гарантии *sui generis*. Нонредукционист должен объяснить, что именно в свидетельстве делает его независимым источником» [10, р. 576]. Из того, что коммуникация устроена описанным образом, в целом следует релятивистское утверждение о необходимости доверия любому свидетельству. В этом отношении «строгий» нонре-

дукционизм сближается со «строгим» редукционизмом: первый приводит к релятивизму, а второй – к скептицизму. Хотя релятивизм и скептицизм часто обозначаются как противоположные теоретические позиции, тем не менее они в равной мере нивелируют возможность оценивать и сравнивать разные убеждения по их эпистемическим характеристикам: скептицизм выдвигает настолько строгие стандарты знания, что ни одно убеждение не может им соответствовать, тогда как релятивизм эти стандарты размывает, что опять же приводит к равноценности любых убеждений. Чтобы избежать релятивистских выводов, нонредукционисты «ограничивают» доверие критической позицией информанта. Это значит, что, доверяя свидетельству, мы не должны отказываться от поиска негативных доказательств, т. е. опровержений, передаваемых нам свидетельств. Пока такие опровержения актуально не обнаружены, свидетельство продолжает выполнять функцию доказательства какого-либо убеждения, оно обосновывает убеждение.

Тем не менее даже «ограниченный» нонредукционизм сталкивается с существенной трудностью. Зачастую коммуникативное знание основано на когнитивной асимметричности. Так происходит, в частности, в случае коммуникации между экспертом и не экспертом. Из-за «эзотеричности» экспертного знания оно оказывается недоступным для критики со стороны не эксперта. Нонредукционизм предлагает не эксперту выступить в качестве критика свидетельств эксперта, что (как и в случае с редукционизмом) делает экспертное знание излишним. Фальсифицировать утверждения эксперта возможно, только если для критика доступен язык эксперта и он имеет достаточное количество фоновых знаний в области экспертизы. Иными словами, критик сам должен быть в какой-то мере экспертом, чтобы осуществлять критику. Но если ради доверия свидетельствам эксперта субъекту нужно осуществлять критическую функцию, становясь самому экспертом, проще изначально быть экспертом. Подобная позиция нивелирует ценность разделения эпистемического труда, без которого невозможно представить современное общество.

В современной эпистемологии появляются подходы, пытающиеся преодолеть как редукционизм Юма, так и теории, отталкивающиеся от тезисов Рида. Во все большем количестве исследований указывается, что редукционизм и нонредукционизм имеют много общего. Для обоих подходов доказательство составляет основу коммуникативного знания. Доверие свидетельству так или иначе зависимо от внешней связи с истиной. Таким образом, изначально основным вопросом, который обсуждался в контексте проблемы коммуникативного знания, был вопрос о зависимости знания как истинного обоснованного убеждения от доверия свидетельству. Но в современной литературе такая формулировка проблемы ставится под вопрос. В частности, в статье «Свидетельство, доверие, познание» [7] Джонатан Адлер показывает, что подходы Юма и Рида рассматривают термин «зависимость» в контексте обсуждения связи знания и доверия свидетельству в одинаковом (и при этом довольно узком) смысле.

Оба подхода подразумевают под «зависимостью» фактор генезиса. Знание зависимо от доверия в этом смысле, если оно может формироваться и поддерживаться благодаря ему. Но обсуждая зависимость как фактор генезиса и поддержки, мы должны обратить внимание на то, что зачастую относительно одного убеждения у нас имеется несколько свидетельств из разных источников. Адлер приводит следующий пример [7, р. 266]. Допустим, я знаю о про-

изошедшем в городе убийстве из разговора с соседом. В этом случае мое убеждение, действительно, формируется и поддерживается благодаря доверию свидетельству соседа. Но позднее я узнаю об этом событии из других свидетельств: газет, телевидения и рассказов друзей. Что теперь поддерживает мое убеждение? Скорее, это не доверие каждому конкретному свидетельству, но имеющаяся между ними когерентность. Но так как относительно большинства (если не всех) убеждений у нас имеется более одного свидетельства, можно сказать, что сформированные таким образом убеждения обосновываются благодаря непротиворечивой связи между убеждениями разных информаторов, а не благодаря доверию каждому из них. Адлер утверждает, что теории Юма и Риды одинаковы в этом аспекте [7, р. 268]. Они пытаются решить проблему доверия конкретному единичному свидетельству, тогда как в реальной эпистемической практике мы, скорее, сталкиваемся с проблемой доверия свидетельствам (во множественном числе), которые когерентно связаны друг с другом и друг через друга. Поэтому невозможно решить проблему доверия свидетельству через обсуждение вопроса о том, какие доказательства достаточны для принятия убеждения информатора в качестве своего собственного. Вопрос, скорее, в том, почему мы вообще доверяем одним информаторам и рассматриваем их свидетельства как релевантные, но не доверяем другим [11, р. 575]. Теории Юма и Риды в равной мере не обращают внимания на субъектов коммуникативного знания – информаторов и информантов. Их интересуют только сами убеждения, точнее, проблема сохранения пропозиционального содержания этих убеждений в процессе коммуникации.

Развитие эпистемологии добродетелей открывает иную перспективу анализа коммуникативного знания, лишенного недостатков как редукционизма, так и нонредукционизма. Проблема доверия свидетельству может быть рассмотрена как проблема доверия информатору, а не его «обезличенным» свидетельствам. Такая эпистемология должна учесть интеллектуальные добродетели, которыми должны быть наделены все субъекты, участвующие в процессе передачи коммуникативного знания.

Примером подобной эпистемологии может служить теория Л. Загебски. Она утверждает, что доверие реализуется в двух модусах: как доверие самому себе и другому. Подобная структура позволяет объяснить, как возникает эпистемическая добродетель доверия авторитету. Доверие есть проявление эпистемической добросовестности. Под добросовестностью подразумевается степень стремления к истине. Эпистемические добродетели являются таковыми по причине того, что они позволяют субъекту в случае их наличия достигать истины с наибольшей вероятностью. Добросовестность в этом смысле является способностью к соотнесению целей познания с его средствами. Добросовестность невозможна без саморефлексии. Последняя, в свою очередь, должна приводить к доверию самому себе (или своим когнитивным навыкам): «Эпистемическое доверие к себе рационально [...], и оно более рационально, чем альтернативы, поскольку требует наименьших изменений в дорефлексивном "я". Саморефлексия – это то, что делает самосознающее существо, а рациональное существо делает это тщательно. Однако можно до бесконечности размышлять о том, заслуживает ли *x* доверия в отношении *y*. Доверие завершает процесс размышления, и это рационально, потому что чрезмерное размышление иррационально. Доверие предотвра-

щает чрезмерную рефлексию, и, на мой взгляд, это необходимый компонент рационально саморефлексирующего существа» [12, р. 146].

Доверие самому себе позволяет осуществлять рациональный вывод и оценку чужих способностей. Это является основой для формирования доверия другому и их свидетельств. Из этого также следует, что доверие не является «неизбежным» и бесосновным, как предполагали нонредукционисты, оно гарантируется нашей рациональностью. Подобный подход, как ожидается, позволяет избежать релятивистских следствий.

Заключение. Таким образом, мы можем видеть, что общей особенностью редукционизма и нонредукционизма является их сосредоточенность на рассмотрении причин доверия свидетельствам как убеждениям, которые предаются в актах коммуникации. Подобная установка приводит к скептицизму и релятивизму.

В противоположность редукционизму и нонредукционизму эпистемология добродетелей показывает, что в случае коммуникативного знания мы имеем дело не с доверием убеждениям информатора, но с доверием самому информатору как эпистемически релевантному агенту. Важно учитывать, что, хотя доверие позволяет удовлетворить наши сугубо эпистемические потребности, сам акт доверия является этическим действием, формирующим этическую установку. Доверять информатору, значит, осуществлять оценку данного информатора. Исходя из этой позиции, например в случае обращения к экспертам, мы имеем дело не с поиском доказательств. Скорее, мы хотим найти эпистемический авторитет в области, в которой не имеем когнитивных возможностей для самостоятельного формирования обоснованных убеждений. Принимая убеждения эпистемического авторитета в качестве своих собственных, мы обосновываем их ссылкой на доверие как отношения, имеющиеся между нами и экспертом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stevenson L. Why Believe What People Say? // *Synthese*. 1993. Vol. 94, № 3. P. 429–451.
2. Hume D. *Enquiries Concerning Human Understanding and Concerning the Principles of Morals*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1975.
3. Hume D. *A Treatise of Human Nature*. Oxford: Clarendon Press, 1896.
4. Reid T. *The Works of Thomas Reid; with an Account of His Life and Writings*. NY: Collins, 1822.
5. Coady C. A. J. *Testimony: A philosophical study*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.
6. Chakrabarti A., Matilal B. K. *Knowing from words. Western and Indian philosophical analysis of understanding and testimony*. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic, 1994.
7. Adler J. E. Testimony, trust, knowing // *J. of Philosophy*. 1994. Vol. 91, № 5. P. 264–275. DOI: <https://doi.org/10.2307/2940754>.
8. Fricker E. Telling and trusting. Reductionism and anti-reductionism in the epistemology of testimony // *Mind*. 1995. Vol. 104, iss. 414. P. 393–411. DOI: <https://doi.org/10.1093/mind/104.414.393>.
9. Moran R. Getting told and being believed // *Philosophers' Imprint*. 2005. Vol. 5, № 5. P. 1–29. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199276011.003.0013](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199276011.003.0013).
10. Hinchman E. Telling as inviting to trust // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2005. Vol. LXX, no. 3. P. 562–587. DOI: [10.1111/j.1933-1592.2005.tb00415.x](https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2005.tb00415.x).
11. Lackey J. To preempt or not to preempt // *Episteme*. 2016. Vol. 13, iss. 4. P. 571–576. DOI: <https://doi.org/10.1017/epi.2016.32>.
12. Zagzebski L. *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.

Информация об авторе.

Хорт Михаил Геннадьевич – аспирант, ассистент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, Кремлевская ул., д. 18, Казань, 420008, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: эпистемология добродетелей, метаэтика, аналитическая философия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.01.2022; принята после рецензирования 14.03.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Stevenson, L. (1993), "Why Believe What People Say?", *Synthese*, vol. 94, no. 3, pp. 429–451.
2. Hume, D. (1975), *Enquiries Concerning Human Understanding and Concerning the Principles of Morals*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
3. Hume, D. (1896), *A Treatise of Human Nature*, Clarendon Press, Oxford, UK.
4. Reid, T. (1822), *The Works of Thomas Reid; with an Account of His Life and Writings*, Collins, NY, USA.
5. Coady, C.A.J. (1992), *Testimony: A philosophical study*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
6. Chakrabarti, A. and Matilal, B.K. (1994), *Knowing from words. Western and Indian philosophical analysis of understanding and testimony*, Kluwer Academic, Dordrecht, Boston, NDL.
7. Adler, J.E. (1994), "Testimony, trust, knowing", *J. of Philosophy*, vol. 91, no. 5, pp. 264–275. DOI: <https://doi.org/10.2307/2940754>.
8. Fricker, E. (1995), "Telling and trusting. Reductionism and anti-reductionism in the epistemology of testimony", *Mind*, vol. 104, iss. 414, pp. 393–411. DOI: <https://doi.org/10.1093/mind/104.414.393>.
9. Moran, R. (2005), "Getting told and being believed", *Philosophers' Imprint*, vol. 5, no. 5, pp. 1–29. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199276011.003.0013.10.
10. Hinchman, E. (2005), "Telling as inviting to trust", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. LXX, no. 3, pp. 562–587. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2005.tb00415.x.
11. Lackey, J. (2016), "To preempt or not to preempt", *Episteme*, vol. 13, iss. 4, pp. 571–576. DOI: <https://doi.org/10.1017/epi.2016.32>.
12. Zagzebski, L. (2012), *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

Information about the author.

Mikhail G. Khort – Postgraduate, Assistant at the Department of Social Philosophy, Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlevskaya str., Kazan 420008, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: epistemology of virtues, metaethics, analytical philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.01.2022; adopted after review 14.03.2022; published online 23.06.2022.

Оригинальная статья
УДК 130.2; 177; 37.017
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-29-40>

Особенности и перспективы российского образования: специфика социально-философской рефлексии

Ирина Владимировна Яковлева

*Научный центр Российской академии образования
при Новосибирском государственном педагогическом университете, Новосибирск, Россия,
uhova2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9701-297X>*

Введение. Цель статьи – выявление в российском образовании его особенностей и перспектив, что представляется возможным через исследование образовательных целей, ценностей, идеалов в философско-аксиологическом освещении и рефлексии современных социокультурных реалий как отображение перемен в образовательном пространстве.

Методология и источники. Главные ценности и цели образования анализируются с помощью аксиологии образования, опирающейся на методологический каркас традиционных категорий «образование как ценность» и «ценность образования». Обсуждается проблема выработки нового понятия «образовательный идеал» с целью создания инновационной идеи, содержащей в себе созидательный смысл, который имеет конструктивное значение для переориентации общественного и индивидуального сознания в признании субъектности образования и субъектности в образовании, основанных на принципе самостоятельной институционализации индивида.

Результаты и обсуждение. Социокультурный процесс качественных изменений феноменологии общественно-индивидуального самосознания касается в большей степени ценностных координат: массовизации и индивидуализации (персонализации) образовательного пространства, обусловленных пониманием «образования как ценности» (всеобщий уровень) и «ценности образования» (индивидуальный уровень); свободной ценностно-ориентированной институционализации и эффективности для всех в понимании того, что достаточность или недостаточность образования определяет сам индивид. Идеальная матрица общественных и индивидуальных ценностных устремлений в получении образования концентрируется на проблеме представлений об образовательном идеале как философско-аксиологической рефлексии. Образовательная модель современного человека, обусловленная структурой и характером взаимоотношений образования с государством, производством, наукой, культурой, семьей и другими общественными рекреациями, в большей степени ориентирована на принцип свободной институционализации индивида.

Заключение. Конструктивная переориентация субъектности в образовании с государственно-образовательной парадигмы на свободную институционализацию индивида в образовательном пространстве реальна в рамках обсуждения и новой интерпретации категорий «образование как ценность» и «ценность образования».

Ключевые слова: аксиология образования, образование как ценность, ценность образования, образовательный идеал, самостоятельная институционализация

© Яковлева И. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Яковлева И. В. Особенности и перспективы российского образования: специфика социально-философской рефлексии // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-29-40.

Original paper

Features and Prospects of Russian Education: Specifics of Socio-Philosophical Reflection

Irina V. Yakovleva

*Scientific Center of the Russian Academy of Education
at the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
uhova2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9701-297X>*

Introduction. The purpose of the article is to identify its features and prospects in Russian education, which is possible through the study of educational goals, values, ideals in philosophical and axiological coverage and reflection of modern socio-cultural realities as a reflection of changes in the educational space.

Methodology and sources. The main values and goals of education are analyzed using the axiology of education, based on the methodological framework of the traditional categories of "education as a value" and "values of education". The problem of developing a new concept of "educational ideal" is discussed.

Results and discussion. The sociocultural process of qualitative changes in the phenomenology of social and individual self-consciousness relates to a greater extent to value coordinates: massovization and individualization (personalization) of the educational space, due to the understanding of "education as a value" (general level) and "values of education" (individual level); free value-oriented institutionalization; and efficiency for all (understanding that the sufficiency or insufficiency of education is determined by the individual himself). The ideal matrix of social and individual value aspirations in getting an education focuses on the problem of ideas about the educational ideal as a philosophical and axiological reflection. The educational model of a person, determined by the structure and nature of the relationship between education and the state, industry, science, culture, family and other public recreations, is more focused on the principle of free institutionalization of the individual.

Conclusion. A constructive reorientation of subjectivity in education from the state-educational paradigm to the free institutionalization of the individual in the educational space is real within the framework of the discussion and new interpretation of the categories "education as a value" and "the value of education".

Keywords: axiology of education, education as a value, values of education, educational ideal, independent institutionalization

For citation: Yakovleva, I.V. (2022), "Features and Prospects of Russian Education: Specifics of Socio-Philosophical Reflection", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-29-40 (Russia).

Введение. Моделирование в России нового типа общественно-экономических отношений, в основе которых будет заложена система ценностей государства, общества, образования и человека, во многом зависит от организации ценностно непротиворечивой и целост-

ной системы отечественного образования. Для определения позиции в отношении понятий «ценность» и «цель» в образовании следует признать философию данности того, что первопричиной целеполагания является ценность, которая не нуждается в доказательности своей значимости, она и есть то, ради чего прилагаются волевые усилия. Являясь категориями аксиологии, понятия «ценность» и «цель» расширяют возможности в прикладной определенности самой аксиологии образования, рефлексирующей и вырабатывающей новые аксиологические основания образовательной деятельности. Задают направленность и обоснованность человеческой жизни такие смыслообразующие основания человеческого бытия, как всестороннее развитие своих способностей, возможность сделать свой вклад в историю, в прогресс человечества, его культуру; интерес к жизни и людям; волеизъявление; целеустремленность; переживание своей значимости и важности; восприятие своего места в универсуме, несущего в себе определенное призвание; принятие реальности и признание ее за несомненное благо. Представленные в качестве базовых аксиологических составляющих современного образования перечисленные смысложизненные ценности сегодня ориентированы на осмысление универсальных ценностей глобализирующегося мира и характер их проявления в разнообразных образовательных традициях. Ставится цель в условиях кардинальных перемен в образовательном пространстве выявить его особенности и перспективы, исходя из социокультурных традиций, обусловленных взаимодействием общего и особенного, через исследование образовательных целей, ценностей, идеалов в философско-аксиологическом освещении.

Методология и источники. Научные основания аксиологии образования (цели, ценности, идеалы) анализируются в рамках интерпретации ее традиционных категорий «образования как ценности» и «ценности образования». Данная дихотомия позволяет обновляющейся парадигме российского образования на основе культурной модели человека выработать идеологию понимания современного образовательного идеала. Концепция свободной ценностной институционализации индивида конструируется на ценностях, выражающих предельные основания человеческого бытия, соотносящие человека с миром. В образовании – это самодидактика, оценка, результат, успех, достижение, польза, самореализация, развитие, а также цели и ценности, в которых их уровень восходит до всеобщности.

Результаты и обсуждение. На изменение аксиологических основ образования во всем мире указывают работы зарубежных исследователей, считающих, что ценностно-ориентированные принципы образования основаны на сознании и убеждениях участников образовательного процесса [1], а многочисленные проблемы качества образования имеют основанием инструментальное содержание, с помощью которого регулируется самостоятельное институциональное поведение [2]. Комплекс механизмов, реализующих самостоятельное институциональное поведение и выраженных в ценностно-ориентированном профессионализме, «функциональной грамотности», где образовательная деятельность требует постоянной реконфигурации своей институциональной онтологии, начинается с общего понимания образовательного идеала или культурной модели современного человека, т. е. того, каким он должен быть, к чему должен стремиться в новой эре цифровых, кибернетически модифицированных технологий [3–4].

Принципы логико-структурного построения иерархии ценностей в образовании (историчность, социокультурная изменчивость, взаимосвязь экосистемы и аксиосистемы и др.) имеют тесную взаимосвязь с пролегоменами обновляющейся аксиологии образования, во многом коррелирующих с постнеклассической рациональностью и новыми экономическими отношениями. Таковыми являются человеческий капитал, культурный капитал, образовательный капитал, качество образования, культурная модель человека, конкурентоспособный специалист, интеллектуально-креативный ресурс, человеческое измерение и др. [5–8].

Служащие аксиологическими индикаторами образования перечисленные феномены общественного сознания, которые демонстрируют ценности нового образовательного пространства как формы рационального прогнозирования, во-первых, имеют цель или смысл индивидуального уровня образовательной деятельности, которая могла бы замотивировать, определить и спрогнозировать развитие индивида. Во-вторых, проблематика интерпретации исходных оснований новой аксиологии образования продиктована системообразующей дихотомией двух аксиологических первооснов – «образование как ценность» и «ценность образования». Демонстрируя диалектический опыт отрицания отрицания (общественного индивидуальным, индивидуального общественным), в то же время являя единство диахронии и синхронии в образовательном пространстве, фундаментальные ценностные первоосновы образования представлены системой философско-рационального знания.

Отологические основания философии образования (образование, сфера образования, современная социокультурная ситуация, система образования, образовательное пространство и др.) и аксиологические основания философии образования («образовательные ценности» и «ядро системы социальных ценностей») более сложны, чем диалог культур или взаимодействие двух или более субъектов в образовании. В интересующем нас плане основное противоречие и сложность современной социокультурной ситуации объективируется массовой индивидуализацией социума [9], что возможно преодолеть самоопределением человека в индивидуальном порядке. Массовая индивидуализация социума сегодня приобретает особую значимость, демонстрируя ценностные координаты макроуровня образования и общества в соотношении с координатами индивидуального уровня, а также проблему структурирования образовательного идеала в рамках свободной институционализации индивида как субъекта образовательных практик.

Ценностные координаты макроуровня образования и общества.

Понятие «образование как ценность» содержит отношение к происходящим переменам в обществе и методологическую возможность определять общественное бытие образования, воспроизводящее себя не частями, но целостно. Например:

– на онтологическом уровне образование определяет универсальное соотношение с пространством, временем, материей, информацией, социальной энергией, обществом и человеком; на эпистемологическом уровне образование адекватно представлению о социальном интеллекте и его структурообразующих характеристиках, выявляющихся в различных инструментально полезных способностях, благодаря которым можно определить успешность социального взаимодействия человека. Эти способности постоянно порождают новые алгоритмы и изоморфные соотношения социального знания с производством, наукой, экономикой, культурой [10];

– на аксиологическом уровне образование ценностно отражает общество, обладая определенным влиянием на его аксиосистему, что обеспечивается благодаря исходным ценностно содержащим основаниям, удовлетворяющим одновременно и общество, и индивида. Понимание образования как ценности раскрывает свое содержание в объяснении современных образовательных процессов, например, в аспектах «незавершенных реформ крайне правых – досрочное прекращение их контрреформами, крайне левых – снова обреченные на незавершенность новые реформы» [11, с. 54].

Образование как ценность, которая ближе к реалиям жизни по своей сути, осознается и разделяется большинством активного и деятельного населения. Последние как носители общественных ценностей в новых социокультурных условиях институционализации индивида могли бы противопоставить тактике рыночной экономики стратегию творчества предпринимателей, ученых, энтузиастов русской духовности, избежать опасного упрощения образования универалистскими глобализационными процессами. Сохраняя преимущества российской (наследницы советской) системы образования, данная категория обладает потенциалом сопротивления снижению образовательной планки Болонских соглашений и массовым информационно-дистанционным консенсусом противоречий образования и общества, представленных «аксиологическим ядром».

Акцентуализация идеи создания мирового образовательного пространства обнаруживает противоречия противостояния капиталистического и социалистического способов российской экономической самоорганизации во взаимодействии правовой образовательной политики и образовательных институтов, демонстрирующих одновременно ценности кардинальные и субкардинальные, общественные и образовательные (фундаментальные и вариативные) [12]. Противоречие как часть диалектического процесса формирует инверсионный интеллектуально ценностный диссонанс, ограничивающий эффективность образования. И только новые координаты макроуровня аксиологии образования создают условия для снятия противоречий «образование – государство», «образование – общество», «образование – индивид». Главное – согласовать их взаимодействие на аксиологической основе, обеспечивающей индивиду жизненный успех как проект самого себя, заявляющего о себе в самореализации, самостоятельности и личной ответственности.

Предметом обсуждения в ценностных координатах макроуровня образования и общества становятся такие феномены, как Логос и Антилогос в обществе и образовании, демонстрирующие себя в метафорах неустойчивости целеполагания образования и общественного сознания; несовпадение уровня и качества знаний в образовании с особенностями аксиосферы; разрывы в приоритетах между государственным, общественным и индивидуальным заказом на образование; диссонанс профессионального и социального статуса учителя/преподавателя, которые все более отражаются на возможностях институционализации индивида как самостоятельного субъекта собственного образования, связанного с индивидуальными целями, ценностями и смыслом жизни. Индивидуализация социума и образования сегодня приобретает особую значимость, поскольку смещается в сферу персонализации. И от того, как в массовом образовании произойдет переориентация в понимании «персонализации для индивида» на «персонализацию у индивида», во многом зависит прогресс социального благополучия.

Ценностные координаты индивидуального уровня образования.

Ценность образования – это актуальные знания, умения, навыки, образованность, профессионализм, представленные в динамике индивидуального бытия, определяющиеся не только удовлетворением от обладания ими, но и инструментальной значимостью для достижения других более важных ценностей (увеличения собственного благосостояния, обретения власти, специализированных знаний, лучшей ориентацией в делах, престиж, слава и др.). Индивидуальный уровень ценности образования демонстрируется в повышении конкурентоспособности личного интеллектуального ресурса. Это «лифт» для восходящей социальной мобильности, включающий ценность и формальную (получение документа об образовании), и неформальную, например, возможность обрести первичный социальный капитал [7].

Исходя из образовательных целеполаганий, ценность образования определяется инновативными направлениями строительства личных перспектив. Если этого нет, то получающему образование остается усваивать и транслировать знания, в которых уже нет потребности, так как нет и потребности в философии образования, обслуживавшей когда-то теологию или индустриальный тип развития общества. Новые индивидуально ориентированные ценности образования выходят за проблему границ знания и незнания на другой уровень онтологии и эпистемологии, аксиологии и праксиологии, логики и идеологии, этики и эстетики. У человека появляется возможность выбирать для своей реализации необходимый защищенный сегмент образовательного рынка или осваивать еще не занятую территорию, изменять структуру и дислокацию, быть реалистичным в осмыслении своих преимуществ и даже стать выше уровня Болонских деклараций.

В трудной борьбе за новые формы экосистемы (жизнеобеспечения) регуляторами социальной активности человека традиционно выступают смысложизненные ценности. Современный кризис образования кроется именно в их основах, выражающих предельные состояния человеческого бытия и соотносящие человека с миром. Идеалы и ценностные ориентиры, принципы и убеждения, характеризующие профессиональное признание, назначение и смысл жизни любого человека невозможны без совершенного образования, если основы образовательного устройства стали архаичными. Являясь абстрактно всеобщим знанием, смысл жизни как свойство человеческой природы представляет ценность для выживания (в образовании это переориентация с установки «иметь» на установку «быть»).

Понимание ценностно-ориентированного индивида как субъекта образовательного взаимодействия и субстанциональное значение смысложизненных ценностей становятся сферой соприкосновения внутреннего и внешнего, коллективного и индивидуального, субъективного и объективного, единичного и всеобщего в концептуальных основах новой аксиологии образования. Рефлексия индивида по отношению к себе в целеполагании и смыслоопределении порождает механизмы и технологии конструирования личностно значимых образовательных ценностей. Образовательная ценность самостоятельной институционализации в пространстве нового образования становится наиболее высоким уровнем социальной регуляции и моментом рефлексии. В этом образовательные ценности предстают как смыслообразующие основания человеческого бытия по отношению к внешним условиям своей жизнедеятельности и развития и как предельные ориентации к внутренним условиям собственной активности, становясь моментом рефлексии и позволяя тем самым самоидентифицировать себя, в том числе в профессиональном становлении.

Формирующиеся категории новой аксиологии образования («образование как ценность» и «ценность образования») составляют матрицу российского общества и выявляются в соотношении процесса и результата двух событий – зарождения глобального образовательного пространства и функционирования историко-культурного пласта традиций. Нахождение баланса ценностных основ в случае соотношения общего и единичного становится рефлексивным компонентом, в котором ценностными приоритетами следует считать переход от затратной философии человека желающего и потребляющего к философии человека, развивающегося за счет ресурса мышления, различения ценностного сознания предпринимателей и приобретателей. Задачами аксиологии образования в этом случае становятся уточнение круга ценностей современного индивида и расстановка акцентов на его определенные смысловые ценности с возможностью их реализации в новом методологическом содержании алгоритмов ценностно-ориентированной самостоятельной институционализации.

Интеграция традиционных и инновационных ценностей в аксиологической категории «ценность образования» строится на нахождении компромиссных решений в вариативных образовательных практиках (онтологических, эпистемологических и инструментальных). Дифференцируемая содержательно-образовательная вариативность (в отличие от фундаментальности) строится на алгоритме традиционных образовательных ценностей, их новой экосистеме и самостоятельных механизмах ценностной институционализации.

Структуры ценностных систем (общественных и индивидуальных) и способы их воздействия на образование находятся в противоречивой интеграции, изменяя все сферы социальной жизни. Рефлексивное отношение к феноменологии данных событий и процессов мировоззренчески образует «жесткое ядро» и «защитный пояс» для становления самостоятельной институционализации индивида. «Жесткое ядро» вовлекает реконструкцию представлений о гражданственности, патриотизме, достоинстве, социальной зрелости в условиях поликультурности. Набирающее силу формирование киберпространства и связанная с ним киберсоциализация (наравне с информатизацией, экологизацией и этизацией) маркируются в «ядре» как новые аксиологические основы образования. В этом смысле ценность образования выступает как предельное целеполагание, а для индивида ценностно-ориентированное образование становится собственностью или капиталом, что возможно только в рамках самостоятельного получения образования, или тем, «для чего оно может работать» [13]. «Защитный пояс» для становления самостоятельной институционализации индивида становится условием и способом преодоления противоречий гуманистической несоразмерности и готовности к ситуациям неопределенности настоящего и будущего [14]. Институционализация – это опыт самостоятельной деятельности и индивидуальной ответственности, это компетентностные структуры, включающие «заботу о себе», избирательность и способность к индивидуальному и коллективному сосуществованию [15].

Ценностные координаты социума и субъекта институционального становления требуют перехода общественно значимых потребностей к смыслам индивидуального уровня в пространстве свободного вектора развития. Подобные организационные условия формируют новый образовательный идеал и новую методологию его реализации.

Проблема образовательного идеала как философско-аксиологическая рефлексия.

Опираясь не столько на внешнюю форму, сколько на сущность и законы ее существования, феноменология современной образовательной реальности обсуждает такие характерные особенности идеала, как «совершенное качество образования», «культурная модель человека», «конкурентоспособный специалист» и др. Современный образовательный идеал представляет собой рационально организованную модель общественных и индивидуальных ценностей. Сочетая в себе духовное и материальное, общее и особенное, интеллектуальное и нравственное, персональное и космическое, феномен образовательного идеала в общественном сознании представлен целостно как субъектность образовательного взаимодействия, основанного на соотношении образовательной онтологии и идеологии.

Для общества решение проблем разработки образовательного идеала становится возможным в рамках постнеклассического рационализма и модели самостоятельного развития ценностно-ориентированных индивидуально-образовательных потребностей, что сегодня становится нормой в самоорганизации и взаимодействии. Поэтому изменение ракурса образовательного процесса в онтологическом, эпистемологическом и инструментальном содержании, интеграция знаний в информационно-образовательной дидактике, ценностной оценке компетентностных подходов исключают саму возможность реализации традиционного образовательного формата.

Необходимость сделать понятие «самостоятельная институционализация» системным порядком в современном образовательном пространстве сегодня характеризуется как «социальное идеальное», «социальное нормальное» и «стратегия образования» [16], требующие акцентуации на систематизации аксиологических оснований в аспекте саморазвивающейся, гармоничной, самостоятельной, самообразующейся личности с новым представлением об образовательном идеале. Это новый экосистемный феномен образовательного пространства. Новый, потому что в современных условиях он складывается по-новому, что позволяет формировать личность в образовательном взаимодействии.

Образовательный идеал традиционно обладал функциями самовоспроизводства социума, демонстрировал не действие отдельных причин, которые определяют общее содержание, но выступал в качестве опосредованного фактора, предполагающего общее содержание для всех отдельных образовательных субъектов, входящих в социум, которые при взаимодействии становятся принадлежащими к данному социальному целому. Эти положения вытекают из постнеклассической научной рациональности, где повышение и усложнение уровня развития человека и общества являются ступенями одного процесса, подчиняющегося общим диалектическим законам. Сегодня проблема конфликтности и конкуренции традиционного и современного представления об идеале образованности постиндустриального периода особенно фиксируется на индивиде и его институционализации, уже осуществляющейся в реальном и виртуальном измерении. Причины срывов постсоветской модернизации и закомплексованность современного состояния инновационного развития российского образования коренятся в аксиологически непротиворечивой разработке образовательного идеала и идеальной модели развития ценностно-ориентированной институционализации индивида.

Свободная институционализация индивида как субъекта аксиологических образовательных практик.

Институционализация – системообразующее и самодостаточно связующее звено образовательного пространства и взаимодействия. Как синергетический процесс перехода от самоуправляющихся и самоорганизующихся явлений к организованным и управляемым институционализация организует переход от неофициальных отношений и неорганизованной деятельности к созданию системы в новых организационных структурах с иерархией власти и соответствующей регламентацией их юридической легализации [17]. Институционализация позволяет субъектам образовательного процесса действовать одновременно согласно исторической логике развития знания и логике генеральных, стратегических потребностей общества, формируя самостоятельные конструкты для необходимой деятельности. Главное в таком образовании – это вовлечение самого общества в формирование стандартов и критериев, а также создание условий для институционального становления.

Современная аксиология образования актуализирована индивидуализацией образовательных практик, передачей некоторых функций в системе образования таким субъектам образовательных взаимодействий, как семья, гражданское общество, бизнес-структуры и, соответственно, индивид, который все чаще эксплицируется в философских исследованиях как основной субъект формирования образовательного пространства. Эти процессы корректируют традиционные образовательные ценности, изменяя не только их содержание, но и вектор развития в целом.

Свободная институционализация индивида становится методологической основой новой аксиологии образования и раскрывается через вариативную систему образовательных ценностей, проектируется на идеалах человека новой эры («человек – субъект непрерывного образования», «человек – субъект культурного пространства непрерывного образования», «человек – саморазвивающаяся личность», «непрерывное образование – смысловая деятельность», «стратегия собственного развития в изменяющемся мире» и др.) и необходимости встраивания образования в индивидуальные способы бытия на рациональных основах. Это ценности непрерывного познания, обусловленного онтологическим, эпистемологическим и праксиологическим содержанием. Свободный субъект аксиологических образовательных практик не ограничен по содержанию, видам, срокам и формам обучения, в данном взаимодействии демонстрирует определенный уровень социальной зрелости, независимый от возраста, образованности и других предварительных условий. Обладая мощным потенциалом принятия на себя ответственности, социальная зрелость обоснована чувством целостности собственной индивидуальности, отличающаяся разумной независимостью, способностью отличать Логос от Антилогоса.

Самостоятельная институционализация формирует и укрепляет социальную зрелость (жизненный опыт, ответственность за свои чувства, мысли и поступки, разумная независимость, способность отличать реальность от вымысла), поэтому ее ценностное содержание (самоактуализация, самостоятельность, самореализация, приобретение социального положения и др.) требует более ранней институционализации. В отличие от социализации, представленной в педагогических, психологических, социологических интерпретациях, понимание социальной зрелости выражается языком аксиологии образования как персонификация

ценностно-ориентированного образовательного идеала в открытом поликультурном обществе на основе разносторонней реализации человеческих возможностей, обусловленных постнеклассическим рационализмом.

Возможности и перспективы возрождения институциональных практик отечественного образования обнаруживаются в ценностно антропологических позициях П. Ф. Лесгафта, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, К. Д. Ушинского, Б. Г. Ананьева, в философско-гуманитарной антропологии русской идеалистической философии и православной педагогике Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. А. Королькова [18], где целостный подход к анализу человеческой сущности и сущности существования человека раскрывается по преимуществу в рамках методологии аксиологии образования и ее ориентира на создание образовательного пространства с «человеческим лицом». Последнее отечественные классики обсуждают через доминантные ценности познавательной деятельности (знания, умения, навыки, компетенции, творчество, самостоятельную познавательную активность и др.) и факторы социокультурной среды, способствующие и препятствующие трансформации ценностных ориентаций в систему образования.

Заключение. Специфика современного развития отечественного образования актуализирует важнейшие вопросы, характерные для научного и культурного постнеклассического рационализма, а именно: возможно ли в России другое образование и готов ли к этому индивид? Специфика прогнозирования развития современного образования и анализ аксиологических проблем обновляющейся парадигмы среди многочисленных вариантов рассматривает траекторию фундаментального и вариативного деятельностно-инструментального совершенствования как субъекта (индивида), так и объекта (образования) с акцентом на систематизацию аксиологических оснований в рамках онтологической, эпистемологической методологии. Свободная институционализация индивида как субъекта образовательных практик демонстрирует свою готовность в условиях ценностных ориентаций на саморазвитие, самостоятельность, самообразование, непротиворечивое представление о новом образовательном идеале. Методологическое переосмысление категорий «образование как ценность» и «ценность образования» возможно на уровне рефлексии перемен в образовательном пространстве с необходимостью выработки нового образовательного идеала в рамках свободной ценностно-ориентированной институционализации индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Villegas-Reimers E. Teacher Professional Development: an international review of literature. Paris: International Institute of Educational Planning, 2003.
2. The Massachusetts Higher Education and Knowledge Cluster: The Microeconomics of Competitiveness // M. Porter, N. Ketelhohn, A. Artiganave et al. Cambridge: Massachusetts Press, 2010.
3. Stan L. Specialist Training in Pedagogy – A Recurring Challenge for Adult Education. Case Study: «Al. I. Cuza» University of Iași // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 142. P. 220–226.
4. Gibbs P. The three goods of higher education; as education, in its educative, and in its institutional practices // Oxford Review of Education. 2019. Vol. 45, iss. 3. P. 405–416. DOI: <https://doi.org/10.1080/03054985.2018.1552127>.
5. Черных С. И., Изгарская А. А. Тенденции и особенности образовательной миграции в современной России // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 15–28. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-15-28>.

6. Волкова Е. И., Иванов С. С. Российский проект 5-100: конкурентоспособность или совершенное качество? М.: Федеральный институт развития образования, 2015.
7. Очкина А. Образование как фиктивный капитал: кризис социальной значимости знания // Логос. 2018. Т. 28, № 6. С. 105–130. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-6-105-130.
8. Стрижакова Е. Н. Эмоциональный капитал: понятие, оценка и использование // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 48–53.
9. Колесников В. А. От изменяющегося мира – к обновляющейся парадигме образования // Философия образования. 2005. № 3 (14). С. 27–33.
10. Майер Б. О. Знание, навыки, компетенции: эпистемологический анализ // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 2. С. 67–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1902.05>.
11. Тыщенко В. П. Философия образования России на мировом рынке образовательных услуг. Какую маркетинговую войну мы ведем? (Заметки по горячим следам Конгресса) // Философия образования. 2004. № 2 (10). С. 52–63.
12. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.
13. Biesta G. On the two cultures of educational research, and how we might move ahead: Reconsidering the ontology, axiology and praxeology of education // European Educational Research J. 2015. Vol. 14, iss. 1. P. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474904114565162>.
14. Дудина М. Н. Образование в условиях неопределенности: проблемы антропологической соразмерности // Философия образования. 2019. Т. 19, № 2. С. 20–35.
15. Yakovleva I., Kosenko T. Institutionalization of the Individual in the Educational Interaction // Paideia: Philosophical E-Journal of Charles university. 2020. Vol. 17, № 3. P. 1–8.
16. Gallego J. P. Metodología y contenido axiológico de los programas de educación en valores. Methodology and Axiological Content of Values Education Programs // Foro de Educación. 2016. Vol. 14, № 21. P. 217–226. DOI: 10.14516/fde.2016.014.021.011.
17. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
18. Яковлева И. В. Аксиология образования и проблемы изучения современного человека. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2018.

Информация об авторе.

Яковлева Ирина Владимировна – кандидат философских наук (2004), доцент (2009), научный сотрудник Научного центра Российской академии образования при Новосибирском государственном педагогическом университете, ул. Вилуйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Россия. Автор 90 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.03.2022; принята после рецензирования 14.04.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Villegas-Reimers, E. (2003), *Teacher Professional Development: an international review of literature*, International Institute of Educational Planning, Paris, FRA.
2. Porter, M., Ketelhohn, N., Artiganave, A. et al (2010), *The Massachusetts Higher Education and Knowledge Cluster: The Microeconomics of Competitiveness*, Massachusetts Press, Cambridge, USA.
3. Stan, L. (2014), "Specialist Training in Pedagogy – A Recurring Challenge for Adult Education. Case Study: «Al. I. Cuza» University of Iași", *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 142, pp. 220–226.
4. Gibbs, P. (2019), "The three goods of higher education; as education, in its educative, and in its institutional practices", *Oxford Review of Education*, vol. 45, iss. 3, pp. 405–416. DOI: <https://doi.org/10.1080/03054985.2018.1552127>.

5. Chernykh, S.I. and Izgarskaya, A.A. (2020), "Trends and features of educational migration in modern Russia", *DISCOURSE*, vol. 6, no. 2, pp. 15–28. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-2-15-28>.
6. Volkova, E.I. and Ivanov, S.S. (2015), *Rossiiskii Proekt 5-100: konkurentosposobnost' ili sovershennoe kachestvo?* [Russian Project 5-100: Competitiveness or Perfect Quality], Federal Institute for the Development of Education, Moscow, RUS.
7. Ochkina, A. (2018), "Education as fictitious capital: the crisis of social importance of knowledge", *Logos*, vol. 28, no. 6, pp. 105–130. DOI: [10.22394/0869-5377-2018-6-105-130](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-6-105-130).
8. Strizhakova, E.N. (2017), "Emotional capital: concept, evaluation and application", *Management in Russia and Abroad*, no. 2, pp. 48–53.
9. Kolesnikov, V.A. (2005), "From a changing world to a renewing paradigm of education", *Philosophy of Education*, no. 3 (14), pp. 27–33.
10. Mayer, B.O. (2019), "Knowledge, skills, and competencies: an epistemological analysis", *Science for Education Today*, vol. 9, no. 2, pp. 67–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1902.05>.
11. Tyschenko, V.P. (2004), "Philosophy of education in Russia on the world market of educational services. What kind of marketing war are we fighting? (Notes hot on the heels of the Congress)", *Philosophy of Education*, no. 2 (10), pp. 52–63.
12. Rozov, N.S. (2011), *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century], ROSSPEN, Moscow, RUS.
13. Biesta, G. (2015), "On the two cultures of educational research, and how we might move ahead: Reconsidering the ontology, axiology and praxeology of education", *European Educational Research J.*, vol. 14, iss. 1, pp. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474904114565162>.
14. Dudina, M.N. (2019), "Education in the conditions of uncertainty: problems of anthropological proportionality", *Philosophy of Education*, vol. 19, no. 2, pp. 20–35.
15. Yakovleva, I. and Kosenko, T. (2020), "Institutionalization of the individual in the educational interaction", *Paideia: Philosophical E-Journal of Charles university*, vol. 17, no. 3, pp. 1–8.
16. Gallego, J.P. (2016), "Metodología y contenido axiológico de los programas de educación en valores. Methodology and Axiological Content of Values Education Programs", *Foro de Educación*, vol. 14, no. 21, pp. 217–226. DOI: [10.14516/fde.2016.014.021.011](https://doi.org/10.14516/fde.2016.014.021.011).
17. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vol.] (2010), in Stepin, V.S. (ed.), 2nd ed., rev. and add., Mysl', Moscow, RUS.
18. Yakovleva, I.V. (2018), *Aksiologiya obrazovaniya i problemy izucheniya sovremennogo cheloveka* [The axiology of education and the problems of studying modern man], Novosib. gos. ped. un-t, Novosibirsk, RUS.

Information about the author.

Irina V. Yakovleva – Can. Sci. (Philosophy) (2004), Docent (2009), Researcher at the Scientific Center of the Russian Academy of Education at the Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. The author of 90 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.03.2022; adopted after review 14.04.2022; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 316.4.051.62

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-41-55>

Научно-образовательные центры мирового уровня как драйверы формирования человеческого капитала россиян: социологический анализ проблемного поля (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)

**Роман Евгеньевич Попов¹, Иван Анатольевич Баруздин²,
Артур Андреевич Салахутдинов³, Павел Петрович Дерюгин^{4✉}**

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

⁴Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹popov_re@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4674-0867>

²barusdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1276-4131>

³artres_93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7556-0289>

^{4✉}ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

Введение. Рассматриваются научно-образовательные центры мирового уровня (НОЦ МУ) как особые социальные организации, формирующие один из перспективных социальных институтов России. НОЦ МУ становятся одной из реальных возможностей достижения синергетического эффекта в формировании человеческого капитала. Они анализируются как аналоги мозговых центров, динамично действующих на Западе и набирающих силу в странах Востока.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составили принципы анализа социальной институционализации, позволяющие изучать деятельность НОЦ МУ как складывающегося нового социального института. Другая часть методологических принципов касается рассмотрения человеческого капитала как связанного с ценностно-мотивационными установками личности. Эмпирическую базу составили данные открытой печати о структуре и проблематике деятельности, результаты авторских эмпирических исследований и экспертных интервью с руководителями НОЦ МУ.

Результаты и обсуждение. Результат первый заключается в фиксации и анализе направлений и ориентаций деятельности НОЦ МУ, которые на нормативном уровне формируют общую систему маршрутов и стратегий их развития. Второй результат исследования фиксирует векторы обращения деятельности НОЦ МУ в направлении формирования человеческого капитала россиян в регионах. Данные этого результата получены в итоге обобщения материалов авторского эмпирического исследования одного из действующих университетов, включенного в состав НОЦ МУ. Еще один

© Попов Р. Е., Баруздин И. А., Салахутдинов А. А., Дерюгин П. П., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

результат исследования, полученный в итоге экспертных интервью с руководителями и менеджерами двенадцати НОЦ МУ, показывает проблемное поле институционализации этих центров.

Заключение. НОЦ МУ как специфический социальный институт проходят стадию своего становления. Для активизации человеческого капитала регионов потребуются дополнительные усилия и потенциалы, разработка и внедрение современных методологий и технологий образовательной деятельности и информационной работы, в частности, со студенческой молодежью. Существующий разрыв между ценностно-мотивационными структурами и исключение их из системы анализа человеческого капитала научно несостоятелен, а в практическом смысле негативно сказывается на реальной деятельности.

Ключевые слова: научно-образовательные центры мирового уровня, человеческий капитал, ценности и мотивации

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»»).

Для цитирования: Научно-образовательные центры мирового уровня как драйверы формирования человеческого капитала россиян: социологический анализ проблемного поля (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета) / Р. Е. Попов, И. А. Баруздин, А. А. Салахутдинов, П. П. Дерюгин // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 41–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-41-55.

Original paper

World-Class Scientific and Educational Centers as Drivers of the Formation of the Human Capital of Russians: Sociological Analysis of the Problem Field (to the 300th Anniversary of Saint Petersburg State University)

Roman E. Popov¹, Ivan A. Baruzdin², Artur A. Salakhutdinov³, Pavel P. Deryugin^{4✉}

^{1, 2, 3, 4}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

⁴*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*popov_re@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4674-0867>*

²*barusdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1276-4131>*

³*artes_93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7556-0289>*

^{4✉}*ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

Introduction. World-class scientific and educational centers (REC MU) are considered as special social organizations that form one of the promising social institutions in Russia. REC MU are becoming one of the real opportunities to achieve a synergistic effect in the formation of human capital. They are regarded as analogues of think tanks that are dynamically operating in the West and are gaining strength in the countries of the East. The purpose of the article lies in a sociological analysis of the activities of the REC MU and the identification of the prospects for their development as drivers for the formation of the

human capital of Russians on the basis of turning to values and motivations, supporting creative and talented Russian youth.

Methodology and sources. The methodological basis of the study was formed by the principles of analysis of social institutionalization, which allow studying the activities of the REC MU as an emerging new social institution with its own rules, norms, reflection and self-regulation. Another part of the methodological principles concerns the consideration of human capital as associated with the value-motivational attitudes of the individual. The empirical base was made up of data from the open press on the structure of activity and the problems of activity, the results of the author's empirical research and expert interviews with the leaders of the REC MU.

Results and discussion. The first result is to fix and analyze the directions and orientations of the activities of the REC MU, which at the normative level form a common system of routes and strategies for their development. The data of this analysis were obtained as a result of the study of publications. The second result of the study fixes the vectors of the reversal of the activities of the REC MU in the direction of the formation of the human capital of Russians in the regions where the REC MU have been created. The data of this result were obtained as a result of summarizing the materials of the author's empirical study of one of the operating universities included in the REC MU. Another result of the study, obtained as a result of expert interviews with leaders and managers of 12 REC MU, shows the problematic field of the institutionalization of these centers.

Conclusion. REC MU as a specific social institution are going through the stage of their formation. As for the activation of the human capital of the regions, this will require additional efforts and potentials, the development and implementation of modern methodologies and technologies for educational activities and information work, in particular, with student youth. The existing gap between value-motivational structures and their exclusion from the system of analysis of human capital is scientifically untenable, but in a practical sense it negatively affects real activity.

Keywords: world-class scientific and educational centers, human capital, values and motivations

Source of financing: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07443 "Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers in accordance with the Decree of the President "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024").

For citation: Popov, R.E., Baruzdin, I.A., Salakhutdinov, A.A. and Deryugin, P.P. (2022), "World-Class Scientific and Educational Centers as Drivers of the Formation of the Human Capital of Russians: Sociological Analysis of the Problem Field (to the 300th Anniversary of Saint Petersburg State University)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 41–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-41-55 (Russia).

Введение. Доктринальные цели национальных проектов России определяют развитие науки и совершенствование образования как решающего условия их достижения [1]. В складывающейся непростой социально-политической и экономической ситуации прорыв в научной и образовательной деятельности приобретает все более актуальное значение, в том числе это становится важным для обеспечения безопасности и независимости российского общества и противостояния разного рода угрозам [2].

Для достижения поставленных целей в среднесрочной и дальней перспективе в России создана система научных (НЦ МУ) и научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ МУ), которым отведена решающая роль не только в разработке научной платформы

развития регионов, но и в интересах формирования нового типа исследователей – молодых талантливых ученых, способных осуществить научный прорыв в высококонкурентной научной среде. В этом отношении НОЦ МУ справедливо рассматриваются как *драйверы социально-экономического развития и включения россиян в эффективную научную и производственную деятельность*. В производственном отношении таким центрам отведена первостепенная роль «акселераторов инноваций». В социальном смысле НОЦ МУ нацеливаются на формирование и стимулирование развития современного человеческого капитала регионов в самом широком смысле этого понятия и обеспечение синергетического эффекта, актуального для экономического прорыва и достижения стратегических социальных задач развития страны [3].

Для развития системы НОЦ МУ выделяются существенные средства. Бюджеты этих центров составляет финансирование, которое складывается из грантовой деятельности, регионального бюджета (РБ), федерального бюджета (ФБ) и внебюджетных средств (табл. 1).

Таблица 1. Плановая структура финансирования НОЦ МУ в Российской Федерации до 2024 г.
Table 1. Planned funding structure for world-class RECs in the Russian Federation until 2024

НОЦ МУ	Гранты, млн р.	РБ, млн р.	Внебюджетные средства, млн р.	Всего, млн р.
«Кузбасс»	552,0	1 966,0	9 569,0	12 087,0
Западно-Сибирский	383,0 (до 2022)	30 561,0	10 736,0	41 680,0
«Рациональное недропользование»	420,0	1 050,0	19 530,0	21 000,0
«Техноплатформа 2035»	552,0	2 085,0	10 281,0	12 918,0
«Инновационные решения в АПК»	–	–	–	15 000,0
«Инженерия будущего»	576,0	260,4	5 252,6	6 089,0
«Передовые производственные технологии и материалы»	634,0	812,0	12 724,0	14 170,0
«Российская Арктика»	1 6937,5 (ФБ)	1 267,0	109 246,0	12 7450,5
«ТулаТЕХ»	1 056,0 (ФБ) 512,0 (грант)	139,0	10 100,0	11 295,0
«Евразийский»	15 440,3 (ФБ) 511,8 (грант)	10 334,8	14 402,1	40 186,7

Как показывают исследования В. Ю. Анисимовой и Э. П. Гаффарлы, основную долю в финансировании центров составляют региональный бюджет и внебюджетные средства. Основные затраты регионального бюджета направляются на фундаментальные, прикладные исследования, отвечающие критериям и требованиям регионального рынка, приобретение учебного и научного оборудования; поддержку и развитие производственных предприятий, являющихся участниками НОЦ, в частности обновление их приборной, материально-технической базы; повышение квалификации и дополнительное профессиональное обучение и другие направления [4, с. 12].

Помимо существенных финансовых затрат деятельность НОЦ МУ поддерживается научными разработками, способствующими развитию человеческого капитала. В частности, в 2018 г. создан «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», представляющий собой консорциум четырех организаций: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных

дел Российской Федерации и Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Многочисленные задачи Центра концентрируются вокруг проблем развития человеческого капитала и разработок фундаментальных и прикладных стратегий его совершенствования.

Наряду с этим деятельность НОЦ МУ как социальных организаций нового типа, нацеленных на развитие человеческого капитала регионов, предполагает исследование ряда научных и прикладных проблемных вопросов, а также проверку гипотез, актуальных для развития теории и практики социологии организаций. К числу таких проблем и гипотез можно отнести:

- во-первых, анализ включенности проблематики человеческого капитала в нормативно-правовую базу действующих НОЦ МУ. Здесь важно выявить и систематизировать данные, характеризующие ориентацию и направленность стратегий деятельности центров в интересах развития человеческого капитала регионов;

- во-вторых, изучение деятельности НОЦ МУ как институтов формирования человеческого капитала на основе обращения к ценностно-мотивационным структурам человеческого капитала, ориентирующим молодежь на активное, заинтересованное и творческое участие в социально-экономической деятельности регионов, т. е. выявление уровня актуальности и реализации современных представлений о природе человеческого капитала;

- в-третьих, исследование процесса институционализации НОЦ МУ, этапов и качественных характеристик их становления как социальных организаций, включенных в социальную структуру российского общества, в частности, соответствия характера внутренней среды воздействиям и характеристикам среды внешней;

- в-четвертых, изучение нацеленности образовательной деятельности университетов НОЦ МУ на формирование ориентаций и ценностей студентов, актуальных для современной социально-экономической ситуации (предпринимательство, конкурентоспособность и др.) и анализ соответствия формируемых ценностей рыночной среде.

Цель статьи – провести социологический анализ деятельности НОЦ МУ и выявить их потенциалы как драйверов формирования человеческого капитала регионов, основанного на обращении к ценностям и мотивациям, поддержке творческой и талантливой молодежи.

Методология и источники. Как показывают исследования И. В. Купцовой и Н. Е. Лактаевой, в основе концепции НОЦ МУ лежит идея создания уникальной экосреды, способствующей беспрепятственному ведению научной и инновационной деятельности [5]. В связи с этим методологические основания исследования выстроены на принципах анализа деятельности НОЦ МУ как инновационных экосистем, нацеленных на формирование человеческого капитала.

Понятие «инновационная экосистема» применительно к НОЦ МУ следует рассматривать как многогранный феномен. Основной особенностью такой системы выступают коэволюция ее участников на всем протяжении их взаимодействия. В исследованиях В. В. Акбердиной и Е. В. Василенко показаны основные элементы, обеспечивающие жизнеспособность экосистем. К ним отнесены: центральный субъект, вокруг которого выстраивается инновационная экосистема, – это может быть фирма, цифровая платформа; различные экономические агенты, являющиеся или не являющиеся членами инновационной экосистемы; связи между

членами инновационной экосистемы; дополнительные ресурсы, получаемые участниками инновационной экосистемы; общая цель участников инновационной экосистемы; совместно создаваемые ценности; взаимозависимость членов экосистемы; встроенность членов в экосистему; стратегия инновационной экосистемы; границы экосистемы; динамичность экосистемы; выгоды от экосистемы [6, с. 465–467].

В интересах социологического анализа деятельности НОЦ МУ следует особо подчеркнуть актуальность таких ее элементов, в которых социальные составляющие играют решающую роль. В частности, это относится к представлениям об общей цели участников инновационной экосистемы – это определяющий элемент для всей системы, ее называют ценностным предложением экосистемы [7, 8]; совместно создаваемым ценностям – инновационная экосистема позволяет ее участникам сообща создавать ценности, которые они не смогли бы создать поодиночке [8–10]. Взаимозависимость членов экосистемы – результат деятельности ключевых членов экосистемы – оказывает влияние и определяет успех/неуспех ее ценностного предложения и каждого члена экосистемы в отдельности [7, 8, 11]. Встроенность членов в экосистему означает наличие возможностей у них получать личные выгоды от ценности, созданной при участии других членов экосистемы [7]. Для небольших организаций участие в экосистеме – шанс быть конкурентоспособными на мировой арене [6, с. 466]. Показанные элементы инновационных экосистем для интересов настоящего исследования играют решающую роль.

Особая роль в системе отводится «цифровой экосистеме» и «региональной инновационной экосистеме». Основными факторами, которые влияют на эффективное развитие инновационных экосистем, становятся: инновационный фактор (постоянная трансформация технологий и ресурсов в новые продукты с более низкими издержками, адаптация к изменяющейся окружающей среде и создание новых ниш) [12]; стратегический фактор (развитие процессов, работа с партнерами и потенциальными последователями, создание инновационной стратегии, учитывающей присущие экосистеме риски) [9]; инфраструктурный фактор (состояние кластерного развития, сотрудничество между университетами и промышленностью, наличие культуры инноваций) [13]; человеческий фактор (наличие талантливых людей; концентрация исследователей, предпринимателей и различных институтов; наличие культуры предпринимательства, доступ к капиталу и благоприятной с точки зрения нормативного регулирования среде) [6, с. 468]. В целом, идеальной экосистемой НОЦ будет являться та, которая позволит квалифицированному заказчику найти квалифицированного исполнителя, равно как и наоборот [5, с. 75].

Другая часть методологических установок исследования непосредственно относится к представлениям о человеческом капитале как о феномене, связанном с ценностно-мотивационной основой личности. Базовые положения о характере и сущности ценностей, их природе и социодинамике формирования рассмотрены с позиций понимающей социологии М. Вебера и Г. Зиммеля. Важную роль в современном понимании ценностей сыграли идеи деятельностно-активистского подхода В. А. Ядова и П. Штомпки, объясняющие ценностно-мотивационные факторы деятельности активной части населения в достижении социально значимых целей и результатов как субъектов инновационной и модернизационной активности. В значительной мере для исследований природы человеческого капитала современного

человека использованы положения о том, что начиная с конца 1980-х гг. содержание человеческого капитала во многом определяется нематериальными факторами и информацией – информационным капиталом. В современном мире человеческий капитал формируется в связях с некогнитивными и эмоциональными навыками, важная роль отведена детскому периоду жизни, семье, дошкольному, школьному и университетскому образованию.

В совокупности представленных методологических установок исследования, НОЦ МУ рассматриваются как социальные организации, направленные на формирование человеческого капитала, организующие свою деятельность на актуальных принципах построения образования и обучения специалистов.

Результаты и обсуждение. Деятельность НОЦ МУ становится объектом анализа как специалистов государственно-административных органов, так и исследователей различных научных школ и направлений, изучающих разнообразные грани деятельности этих социальных организаций. Обобщая направленность исследований настоящей проблематики, следует подчеркнуть наличие ряда векторов: во-первых, анализ разработки нормативно-правовой базы их деятельности; во-вторых, анализ освещения проблематики деятельности НОЦ МУ в научных публикациях; в-третьих, эмпирические исследования влияния системы подготовки на обучающихся в университетах НОЦ МУ; в-четвертых, оценивание и анализ проблемного поля становления рассматриваемого социального института.

Результат первый. На нормативно-правовом уровне в целевых ориентациях и направлениях деятельности НОЦ, а также в представлениях о миссии центров проблематика формирования человеческого капитала преимущественно связывается с образовательной деятельностью и обучением – приобретением профессиональных знаний, навыков и умений. Данные настоящего анализа получены в результате изучения публикаций, в которых освещается тематика, связанная с деятельностью НОЦ МУ.

Обобщенно можно говорить, что наиболее актуальные направления деятельности научно-образовательных центров мирового уровня к настоящему моменту можно определить как четыре ориентации этой работы. Эти направления связаны: 1) с совершенствованием системы образования и обучения; 2) включением исследователей НОЦ МУ в решение экономических задач конкретных регионов; 3) развитием инновационной деятельности и разработкой новых технологий; 4) обеспечением сетевого взаимодействия науки с научными университетами и научными организациями России и зарубежья [14].

Что касается интересов трансформации системы образовательной деятельности университетов, действующих в составе НОЦ МУ, здесь наиболее актуальными выступают задачи поиска новых подходов к профессиональной подготовке кадров, включение в образовательную деятельность руководителей организаций и предпринимателей, проектных менеджеров, привлечение к участию в подготовке студентов и исследователей – зарубежных специалистов.

Включение НОЦ МУ в решение задач конкретных регионов предполагает прежде всего усилия по достижению опережающего развития регионов на основе современного технологического уклада, использование ресурсов и потенциалов регионов с учетом специфики развития пространственных комплексов.

Развитие инноваций и обеспечение технологического прорыва в НОЦ МУ рассматривается в совокупности с ускоренной цифровизацией деятельности предприятий и фирм регионов, а также коммерциализацией всех видов деятельности в интересах достижения конкурентоспособности в рыночных условиях ведения хозяйственной деятельности.

Относительно развития сетевого взаимодействия НОЦ МУ с ведущими отечественными и зарубежными университетами и научными организациями следует сказать о признании важности кооперации усилий ученых и исследователей вокруг интересов и целей деятельности предприятий и промышленных организаций регионов, а также поиск новых форм сетевой деятельности.

Миссия НОЦ МУ. Как показывает анализ нормативных документов НОЦ МУ, основными положениями заявляемых миссий центров, созданных и действующих на территории России, выступают:

1. Обеспечение лидерства в научных разработках различных видов экономической деятельности и социальной жизни с учетом региональной специфики (нефтедобыча, сельское хозяйство, машино- и роботостроение и пр. – в зависимости от ориентации региона).
2. Обеспечение конкурентоспособности в основных областях регионального развития.
3. Обеспечение роста рыночной доли и коммерциализации деятельности предприятий и организаций в социально-экономической структуре регионов, способных обеспечивать лидерство на мировых рынках в заявляемых секторах развития.
4. Формирование экосистемы, обеспечивающей технологический прорыв на основе исследований и научных разработок.
5. Самый широкий спектр научно-образовательных технологий по развитию талантов, потенциалов и активности кадров и молодежи [15, с. 138].

Таким образом, в нормативных документах НОЦ МУ сформирована общая система маршрутов и стратегий их развития, позволяющих достигать основные цели – обеспечение научного и социально-экономического прорыва России по параметрам и заданиям, обозначенным в национальных проектах РФ. При этом социальная, информационная (СМИ) и педагогическая составляющие этой работы представлены только косвенно, а формирование человеческого капитала предполагается преимущественно в процессе получаемых профессиональных знаний, навыков и умений. При этом ценностно-мотивационным стимулам развития человеческого капитала регионов уделяется значительно меньшее внимание.

Результат второй. В научных исследованиях, посвященных анализу процесса институционализации НОЦ МУ, ценностно-мотивационной проблематике формирования человеческого капитала регионов отводится второстепенная роль. Научных исследований, посвященных непосредственно этой проблематике, не выявлено.

Анализ научных публикаций осуществлялся на платформе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка», где по запросу в поисковике было выявлено 37 статей, непосредственно относящихся к исследуемой теме. Результаты исследования приведены в табл. 2.

Анализ тематики исследований показывает, что в настоящее время центры проходят этап своего становления и собственно решение задач внутривидового становления является для них наиболее актуальным. Очевидно, что научные исследования и анализ деятельности научно-образовательных центров мирового уровня преимущественно связаны

с изучением стратегий достижения инновационного характера производственной деятельности и специфики формирования инфраструктурных элементов центров. Важным направлением исследований выступает разработка направлений, стратегий и ориентиров деятельности НОЦ МУ, а также поиск адекватных индикаторов и технологий диагностики уровня их развития. Этой проблематике посвящена большая часть всех выявленных актуальных публикаций – 24 из 37.

Таблица 2. Тематика публикаций в журналах на платформе «КиберЛенинка», непосредственно освещающих деятельность научно-образовательных центров мирового уровня
Table 2. The topics of publications in journals on the Cyberleninka platform that directly cover the activities of world-class scientific and educational centers

Тематика публикаций	Количество публикаций
Характеристика НОЦ МУ как специфических социальных организаций, особенности их инфраструктуры и правовых оснований деятельности, в том числе деятельности в особых условиях	9
Финансовая деятельность НОЦ МУ	1
Международная деятельность и международные связи НОЦ МУ	3
Разработка направлений, стратегий и ориентиров деятельности НОЦ МУ, индикаторы и диагностика достигнутого уровня деятельности	6
Достижение инновационного характера деятельности НОЦ МУ	9
Анализ научных традиций, научного потенциала деятельности НОЦ МУ как достаточных для достижения поставленных целей	2
Опережающий характер образования и обучения бакалавров, магистрантов и аспирантов, подготовки кадров в университетах НОЦ МУ, готовность педагогического состава к работе в конкурентной среде	7

Что же касается проблематики развития человеческого капитала регионов, такие материалы в прямой постановке вопросов практически не изучаются или делается это «по ходу», в частности, при рассмотрении проблем обеспечения опережающего характера образования и обучения бакалавров, магистрантов и аспирантов, в целом подготовки кадров в университетах НОЦ МУ, иногда при анализе готовности педагогического состава к работе в конкурентной среде. Таких исследований меньше, всего 7 публикаций из 37. Специальных исследований, посвященных формированию и влиянию на ценностно-мотивационные основы человеческого капитала обучаемых в центрах подготовки, не выявлено.

Результат третий. Как и по данным предыдущего анализа, экспертные интервью показали, что основными проблемами НОЦ МУ выступают проблемы внутренней самоорганизации и налаживания взаимодействия между основными участниками центров: университетами, производственными структурами и государственно-административными органами. В этой триаде социальных связей эксперты подчеркнули трудности выстраивания взаимодействий между университетами и производственными структурами, занятыми в образовательном процессе. Данный вывод сформулирован по итогам обобщений экспертных интервью, проведенных с руководителями и менеджментом НОЦ МУ (всего 12 респондентов, представляющих 12 региональных НОЦ МУ, которые были собраны в процессе выставки на X Международном форуме технологического развития, прошедшем в августе 2021 г. в г. Новосибирске).

Помимо показанных проблем, в ходе интервью высказывались положения о том, что деятельности НОЦ недостает структурированности, ясных и четких ориентаций работы (в частности, это относится к пониманию мировых стандартов и уровней деятельности), обратной связи с участниками производственного и образовательного процесса. Цели деятельности участников НОЦ МУ (университет – производство – администрация) плохо стыкуются. Требуются серьезные вложения в инфраструктуру университетов, ориентированных на цифровые технологии, в том числе в приобретение сверхмощных компьютерных сервисов и технологий, способных достигать мировых стандартов обработки информации [16].

Отдельно обсуждается проблема педагогических кадров, преподавателей, включенных в цифровые технологии и способных на уровне самых высоких мировых стандартов организовывать образовательный процесс и преподавание на цифровых платформах. Это касается преподавания любых дисциплин, включая общественные и гуманитарные науки. Подчеркивалась важность умения работать с талантливыми специалистами и кадрами, готовность профессорско-преподавательского состава существенно менять систему подготовки студентов. Некоторые участники интервью подчеркивали актуальность сохранения интеллектуальной собственности и недостаточную правовую базу защищенности исследований, а отсюда – нежелание ученых делиться своими идеями, в частности, публиковаться в зарубежных журналах. Подчеркивалась важность достижения единства учебы, разработок и практики и масштабирования этих образовательных технологий.

Можно утверждать, что руководители и менеджеры НОЦ МУ глубоко включены в проблемы деятельности центров. При этом, обобщая результаты интервью о проблемном поле деятельности НОЦ МУ, можно констатировать, что проблематика ценностно-мотивационной составляющей человеческого капитала студентов отнесена к разряду менее значимых.

Результат четвертый. Слабая ориентация образовательного процесса на развитие ценности деловых качеств и предприимчивости студенчества, недооценка важности проявления самостоятельности, развития талантов, инициации поиска и творчества студенческой молодежи.

Здесь имеются в виду результаты эмпирического социологического исследования, специально проведенного в одном из университетов, включенном в состав НОЦ МУ. Более подробно результаты, методика и технологии настоящего исследования изложены в публикациях [17, 18].

Прежде всего, итоги и выводы исследования фиксируют слабую динамику развития ценностей студенчества, актуальных для практической деятельности выпускников, – ценностей делового порядка, таких как целеустремленность, рациональный подход к решению задач, конкурентоспособность, предприимчивость и др., являющихся важными ориентирами получения высшего образования в НОЦ МУ в рыночной ситуации.

Во-вторых, выявлено, что нацеленность образовательного процесса на массовое образование «всех» и «по единым меркам», как своеобразное «выравнивание» по одним стандартам подготовки, сказывается на потере заинтересованности к получению высшего образования у той части студентов, которая имеет опыт работы и предпринимательства в условиях современного рынка, уже обладает развитой ценностно-мотивационной базой для участия в производстве и коммерческой деятельности.

В-третьих, отмечен менее существенный рост мотивации к получаемой профессии у юношей на фоне социодинамики (увеличения) мотивации к профессии у девушек. В частности, такие различия характерны для освоения цифрового пространства, где изначально у студентов-юношей мотивация оказалась значительно выше, но реализация этого интереса в учебном процессе сталкивалась с проблемами организационного, технического и психолого-педагогического порядка, которые влияли на снижение уровня этой заинтересованности. Зафиксирован ряд других проблемных тенденций формирования человеческого капитала студентов, решение которых предполагает дополнительные усилия и ресурсы.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд актуальных выводов:

– научно-образовательные центры мирового уровня, созданные в пятнадцати регионах России, формирующиеся как специфический социальный институт, проходят стадию своего становления, нацелены на обеспечение научного прорыва в ряде областей хозяйственной деятельности. Что касается активизации человеческого капитала регионов, для нее потребуются дополнительные усилия и потенциалы, разработка и внедрение современных методологий и технологий образовательной деятельности и информационной работы, в частности со студенческой молодежью;

– по направленности научных и прикладных исследований НОЦ МУ ориентированы на совокупность целей, отражающих стратегические интересы России в современном мире. При этом развитие человеческого капитала, и в особенности мотивационные и ценностные структуры молодежи и студентов, остаются в пространстве слабого социального и информационного влияния;

– становление и развитие НОЦ МУ сопряжено с рядом проблем и трудностей освоения мировой практики деятельности таких центров. Среди таких проблем наиболее актуальными выступают: во-первых, ориентация преимущественно на собственные силы и ограниченность в использовании опыта других стран [19]. В текущей ситуации это положение приобретает особую актуальность. Во-вторых, ориентация преимущественно на западные стандарты ведения научной деятельности, профессиональной подготовки, образовательной и информационной работы со студентами, слабая связь с университетами и научными центрами Восточной Азии, в частности, с такими центрами в Китае, где опыт работы по формированию ценностей и мотивации молодежи заслуживает определенного внимания.

В целом, как показало исследование, ценностно-мотивационные аспекты формирования человеческого капитала участников научно-образовательных центров представляют собой значимый вопрос, требующий решения. Существующий разрыв между ценностно-мотивационными структурами и исключение их из системы анализа человеческого капитала научно несостоятелен, а в практическом смысле негативно сказывается в реальной деятельности. Преодоление такого разрыва можно считать актуальной и перспективной научной проблемой, требующей дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов С. И., Воробьева Т. Н. Государственная политика и законодательные рамки в сфере деятельности научно-производственной платформы «Рациональное природопользование» научно-образовательного центра мирового уровня «Инновационные решения в АПК» // До-стижения науки и техники АПК. 2020. Т. 34, № 9. С. 19–24. DOI: 10.24411/0235-2451-2020-10904.

2. Коростелева Л. Ю. Университеты научно-образовательных центров мирового уровня и их значение в показателях деятельности и развитии регионов // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 250–263. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8618>.
3. Формирование инновационной образовательной системы в НИУ «БелГУ» как основы подготовки кадров мирового уровня на базе НОЦ «Инновационные решения в АПК» / О. Н. Полухин, А. В. Маматов, И. В. Спичак, Н. В. Кирий // Достижения науки и техники АПК. 2020. Т. 34, № 9. С. 9–13. DOI: 10.24411/0235-2451-2020-10902.
4. Анисимова В. Ю., Гаффарлы Э. П. Анализ финансирования и роли научно-образовательных центров мирового уровня в РФ // Вестн. Самар. ун-та. Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 2. С. 7–18. DOI: 10.18287/2542-0461-2021-12-2-7-18.
5. Купцова И. В., Лактаева Н. Е. Научно-образовательные центры как драйвер развития инновационной экономики России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 70–76. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-70-76.
6. Акбердина В. В., Василенко Е. В. Инновационная экосистема: теоретический обзор предметной области // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 3. С. 462–473. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.10>.
7. A Multi-level Perspective on Innovation Ecosystems for Path-breaking Innovation / B. Walrave, M. Talmar, K. S. Podoynitsyna et al. // Technological Forecasting & Social Change. 2018. Vol. 136. P. 103–113. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.04.011.
8. Konietzko J., Bocken N., Hultink E.J. Circular ecosystem innovation: An initial set of principles // J. of Cleaner Production. 2020. Vol. 253. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652619348127> (дата обращения: 22.12.2021). DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.119942.
9. Adner R. Match your Innovation Strategy to Your Innovation Ecosystem // Harvard Business Rev. 2006. Vol. 84 (4). P. 98–107.
10. Pellikka J., Ali-Vehmas T. Managing Innovation Ecosystems to Create and Capture Value in ICT Industries // Technology Innovation Management Rev. 2016. Vol. 6, iss. 10. P. 17–24. DOI: 10.22215/timreview/1024.
11. Radziwon A., Bogers M. Open innovation in SMEs: Exploring inter-organizational relationships in an Ecosystem // Technological Forecasting & Social Change. 2019. No. 146. P. 573–587. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.04.021.
12. Iansiti M., Levien R. Strategy as Ecology // Harvard Business Review. 2004. Vol. 82 (3). P. 68–78.
13. Mercan B., Göktaş D. Components of Innovation Ecosystems: A Cross-Country Study // International Research J. of Finance and Economics. 2011. Iss. 76. P. 102–112.
14. Компетенции научно-образовательного центра: определение, перечень и структура / А. Н. Сорокин, Е. И. Яковлева, И. Ф. Фильченкова и др. // Вестн. Мининск. ун-та. 2021. Т. 9, № 1. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1182> (дата обращения: 14.01.2022). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-4.
15. Каменских М. А. Исследование сущности и особенностей научно-образовательных центров мирового уровня // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 135–141. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-4-66-135-141.
16. Куракова Н. Г., Черченко О. В. Подходы к определению ключевых функций и целевых индикаторов региональных научно-образовательных центров // Экономика науки. 2020. Т. 6, № 4. С. 212–224. DOI: <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-4-212-224>.
17. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмук и др. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. С. 139–160. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14008.
18. Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования / П. П. Дерюгин,

О. С. Баннова, Е. А. Камышина и др. // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 45–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57.

19. Купцова И. В., Лактаева Н. Е. Перспективы имплементации зарубежного опыта к формированию экосистем научно-образовательных центров мирового уровня // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 18–27. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-18-27.

Информация об авторах.

Попов Роман Евгеньевич – аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

Баруздин Иван Анатольевич – аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

Салахутдинов Артур Андреевич – аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Вклад авторов.

Попов Роман Евгеньевич – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Баруздин Иван Анатольевич – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Салахутдинов Артур Андреевич – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.04.2022; принята после рецензирования 27.04.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Voronov, S.I. and Vorob'eva, T.N. (2020), "State policy and legal framework in the field of activities of the scientific and production platform "Rational Use of Natural Resources" at the world-class Scientific and Educational Center "Innovative Solutions in the Agro-Industrial Complex", *Achievements of Science and Technology of AICis*, vol. 34, no. 9, pp. 19–24. DOI: 10.24411/0235-2451-2020-10904.

Научно-образовательные центры мирового уровня как драйверы формирования человеческого капитала...

World-Class Scientific and Educational Centers as Drivers of the Formation of the Human Capital of Russians...

2. Korosteleva, L.Y. (2021), "Universities of World-Class Scientific and Educational Centers and Their Importance in the Performance Indicators and Development of Regions", *The J. Sociological Science and Social Practice*, vol. 9, no. 4, pp. 250–263. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8618>.

3. Polukhin, O.N., Mamatov, A.V., Spichak, I.V. and Kirii, N.V. (2020), "Formation of an innovative educational system at the Belgorod State National Research University as the basis for training world-class personnel at the Scientific and Educational Center "Innovative Solutions in the Agro-Industrial Complex" in the Belgorod region", *Achievements of Science and Technology of AICis*, vol. 34, no. 9, pp. 9–13. DOI: 10.24411/0235-2451-2020-10902.

4. Anisimova, V.Yu. and Gaffarli, E.P. (2021), "Analysis of financing and role of world-class research and education center in the Russian Federation", *Vestnik of Samara Univ. Economics and Management*, vol. 12, no. 2, pp. 7–18. DOI: 10.18287/2542-0461-2021-12-2-7-18.

5. Kuptsova, I.V. and Laktaeva, N.E. (2020), "Scientific and educational centers as a driver of the Russian innovation economy", *State and municipal management. Scholar Notes*, no. 2, pp. 70–76. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-70-76.

6. Akberdina, V.V. and Vasilenko, E.V. (2021), "Innovation Ecosystem: Review of the Research Field", *Russian J. of Economic Theory*, vol. 18, no. 3, pp. 462–473. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.10>.

7. Walrave, B., Talmar, M., Podoyntsina, K.S., Romme, A.G.L. and Verbong, G.P.J. (2018), "A Multi-level Perspective on Innovation Ecosystems for Path-breaking Innovation", *Technological Forecasting & Social Change*, vol. 136, pp. 103–113. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.04.011.

8. Konietzko, J., Bocken, N. and Hultink, E.J. (2020), "Circular ecosystem innovation: An initial set of principles", *J. of Cleaner Production*, vol. 253, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652619348127> (accessed 22.12.2021). DOI: DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.119942.

9. Adner, R. (2006), "Match your Innovation Strategy to Your Innovation Ecosystem", *Harvard Business Review*, vol. 84 (4), pp. 98–107.

10. Pellikka, J. and Ali-Vehmas, T. (2016), "Managing Innovation Ecosystems to Create and Capture Value in ICT Industries", *Technology Innovation Management Review*, vol. 6, iss. 10, pp. 17–24. DOI: 10.22215/timreview/1024.

11. Radziwon, A. and Bogers, M. (2019), "Open innovation in SMEs: Exploring inter-organizational relationships in an Ecosystem", *Technological Forecasting & Social Change*, no. 146, pp. 573–587. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.04.021.

12. Iansiti, M. and Levien, R. (2004), "Strategy as Ecology", *Harvard Business Review*, vol. 82 (3), pp. 68–78.

13. Mercan, B. and Göktaş, D. (2011), "Components of Innovation Ecosystems: A Cross-Country Study", *International Research J. of Finance and Economics*, iss. 76, pp. 102–112.

14. Sorokin, A.N., Yakovleva E.I., Filchenkova, I.F., Shiryayeva, Yu.S. and Krasnopevtseva, T.F. (2021), "Competence of the research and education center: definition, list and structure", *Vestnik of Minin Univ.*, vol. 9, no. 1, available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1182> (accessed 14.01.2022). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-4.

15. Kamenskikh, M.A. (2020), "Exploring the essence and peculiarities of world-class research and education centers", *Economic Revival of Russia*, no. 4 (66), pp. 135–141. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-4-66-135-141.

16. Kurakova, N.G. and Cherchenko, O.V. (2020), "Approaches to definition of key functions and target indicators of regional research and educational centers", *The Economics of Science*, vol. 6, no. 4, pp. 212–224. DOI: <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-4-212-224>.

17. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A., Yarmak, O.V., Chikharev, I.A. and Yarmak, V.E. (2020), "Sociodynamics of human capital in Russian research and educational centers", *Sociology of science and technology*, vol. 11, no. 4, pp. 139–160. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14008.

18. Deryugin, P.P., Bannova, O.S., Kamyshina, E.A., Yarmak, V.E. and Salfetnik, K.E. (2021), "Sociodynamics of Students' Digital Capital in the Context of the COVID-19 Epidemiological Crisis: an

Experience of a Mixed Strategy of Empirical Research”, *DISCOURSE*, vol. 7, no. 4, pp. 45–57. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-45-57.

19. Kuptsova, I.V. and Laktaeva, N.E. (2021), “Prospects for the implementation of foreign experience in the formation of ecosystems of world-class scientific and educational centers”, *State and municipal management. Scholar Notes*, no. 2, pp. 18–27. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-18-27.

Information about the authors.

Roman E. Popov – Postgraduate at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 9 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic harmony, human capital.

Ivan A. Baruzdin – Postgraduate at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic harmony, human capital.

Artur A. Salakhutdinov – Postgraduate at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic harmony, human capital.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Author’s contribution.

Roman E. Popov – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Ivan A. Baruzdin – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

Artur A. Salakhutdinov – conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data.

Pavel P. Deryugin – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparing the text.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.04.2022; adopted after review 27.04.2022; published online 23.06.2022.

Оригинальная статья

УДК 316.614

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-56-69>

Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. Актуальность социологического анализа традиционных ценностей определяется необходимостью регулирования нарастающих противоречий между ними и правами человека на национальном и международном уровнях. Научная новизна состоит в том, что в статье выделены аналитические перспективы, раскрывающие связь преемственности и преобразования в деятельности общественного субъекта, и обозначены отправные точки для использования потенциала социологического понимания традиционных ценностей в социокультурном проектировании.

Методология и источники. Эмпирическую базу анализа составили официальные документы органов власти Российской Федерации, материалы Совета по правам человека ООН, экспертные оценки, результаты опросов ВЦИОМ, материалы дискуссий в российских медиа. Используется методология системного подхода, социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологическое понятие культурно-исторической традиции.

Результаты и обсуждение. В логике социокультурного анализа традиционные ценности – компоненты коллективной организации традиционного типа и отличный от идеологической индоктринации способ их передачи в двусоставном опыте. Социологическая рефлексия позволяет отличать их от ценностей «традиционного общества» как пройденной стадии социальной эволюции. Системная парадигма в социологии концептуализирует нередуцируемую сложность ценностей: они являются культурными объектами, интернализованы личностью, институционализированы в социальной системе. Общественный субъект посредством ценностного отношения к наследию рефлексивно и конструктивно учреждает культурно-исторические традиции по мере реализации в меняющихся условиях отобранных образцов своего развития. Фундаментальные права человека обеспечиваются доступом к ресурсам своей культуры. Защита прав человека включает укрепление традиционных институтов и культурного многообразия как условия гармонии межцивилизационных и внутриобщественных ценностей. Манифестация приверженности традиционным ценностям в условиях кризиса глобализации обусловлена стремлением вскрыть патологический характер и пресечь посредством правовых, военно-политических и идеологических инструментов технически достижимые способы переделки человека, которые перестали подвергаться уголовному преследованию и безоговорочному нравственному осуждению.

Заключение. Актуализация в общественно-политическом дискурсе смыслодержущих образцов культурно-исторических традиций указывает направления для социокультурного проектирования и выполняет идеологические мобилизационные задачи.

© Щербина А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: традиционные ценности, традиция и современность, права человека, культурно-историческая традиция, социальная система, рационализация, межкультурный диалог

Для цитирования: Щербина А. В. Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 56–69. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-56-69.

Original paper

Traditional Values in Analytical Perspectives of Sociology

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. The relevance of the sociological analysis of traditional values is determined by the need to regulate the growing contradictions between them and human rights at the national and international levels. The scientific novelty consists in the fact that the article highlights analytical perspectives that reveal the relationship of continuity and transformation in the activities of a public subject, and identifies starting points for using the potential of a sociological understanding of traditional values in socio-cultural design.

Methodology and sources. The empirical base of the analysis was made up of official documents of the Russian Federation, materials of the UN Human Rights Council, expert assessments, the results of surveys of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, materials of discussions in the Russian media. The methodology of the system approach, sociocultural analysis, social constructivism, the typological concept of cultural and historical tradition is used.

Results and discussion. In the logic of socio-cultural analysis, traditional values are components of a traditional type of collective organization and a way of transmitting them in a two-part experience that is different from ideological indoctrination. Sociological reflection makes it possible to distinguish them from the values of “traditional society” as a passed stage of social evolution. The system paradigm in sociology conceptualizes the irreducible complexity of values: they are cultural objects, internalized by the individual, institutionalized in the social system. A social subject, through a value-based attitude to heritage, reflexively and constructively establishes cultural and historical traditions as the selected samples of its development are implemented in changing conditions. Fundamental human rights are ensured by access to the resources of their culture. The protection of human rights includes the strengthening of traditional institutions and cultural diversity as conditions for the harmony of intercivilizational and intra-social values. The manifestation of adherence to traditional values in the context of the crisis of globalization is due to the desire to reveal the pathological nature and to stop, through legal, military-political and ideological tools, technically achievable ways of remaking a person who have ceased to be subjected to criminal prosecution and unconditional moral condemnation.

Conclusion. Actualization of meaningful samples of cultural and historical traditions in the socio-political discourse indicates directions for socio-cultural design and performs ideological mobilization tasks.

Keywords: traditional values, tradition and modernity, human rights, cultural and historical tradition, social system, rationalization, intercultural dialogue

For citation: Shcherbina, A.V. (2022), “Traditional Values in Analytical Perspectives of Sociology”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 56–69. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-56-69 (Russia).

Введение. Актуальность социологического анализа традиционных ценностей определяется необходимостью регулирования нарастающих противоречий между ними и правами человека на национальном и международном уровнях. Дискурс традиционных ценностей в России (при всем его своеобразии и чувствительности к актуально переживаемым вызовам) не уникален, он соответствует международной повестке и рассматривается в контексте разворачивающихся на международном уровне дискуссий и инициатив Совета по правам человека ООН.

Привычный для Запада дискурс ценностей как примета новейшего времени, активно развиваемый с 50-х гг. XX в. в США, распространился и у нас. В 1090-е гг. в нашей стране обсуждалась возможность приобщиться к общечеловеческим ценностям, перестроить в соответствии с ними нормативно-правовую систему, социальные институты, общественное сознание. К концу первого десятилетия XXI в. ситуация изменилась. Российские традиционные ценности заняли прочное место в дискуссиях, продемонстрировавших значительные расхождения в общественных и экспертных оценках этого феномена [1–3]. В них использовались концепты разного уровня обобщения и метафоры: национальный код, набор базовых ценностей высшего уровня, этический кодекс, основания цивилизационной идентичности, сущностные признаки цивилизации, устойчивый тип человека и общества, модели поведения в критических трансформирующих событиях, актуальные аксиологические единицы в культурном наследии. Утверждалось, что выявление, нормативно-правовое определение и классификация традиционных ценностей нужны для создания прочного фундамента государственной политики в сфере культуры, здравоохранения, образования, для модернизации законодательства и формулирования критериев предоставления государственной поддержки субъектам ценностно-ориентированной политики. Наконец, – для их защиты, включая вынесение правовых запретов на то, что им угрожает. Отмечалось, что традиционные ценности имеют не только охранительный смысл, их нужно распространять и продвигать в позитивных образах в публичных информационных полях.

Данные опросов общественного мнения свидетельствуют о приверженности граждан Российской Федерации традиционным ценностям [4], но выбор их формулировок респондентами зависит от актуальных настроений [5].

Органы государственной власти в России стали активно использовать концепты российских традиционных ценностей, духовно-нравственных традиционных ценностей, традиционных ценностей российской цивилизации в программных документах: «Основы государственной культурной политики» (2014); «Стратегия национальной безопасности России» (2015); «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (2015); «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016); «Стратегия развития информационного общества» (2017).

Публикация проекта Указа об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6] придала новый импульс дискуссиям о традиции и творчестве, каноне и самовыражении, допустимости цензуры [7]. 24 февраля 2022 г. российские традиционные ценности и извлекаемые из них актуальные смыслы стали практической проблемой...

«Традиционные ценности вряд ли могут быть полностью эксплицированы из ценностно-смыслового поля культуры, упорядочены и классифицированы. Опыт подобных экспликаций свидетельствует о том, что каждая такая экспликация производится *ad hoc*; ее конкретная конфигурация зависит от конкретики ситуации, в которой она возникает» [8, с. 2]. Разделяя в целом это суждение, обратимся к интерпретации традиционных ценностей в социогуманитарных науках. Попытаемся выделить аналитические перспективы социологии, в которых раскрывается связь преемственности и преобразования в деятельности общественного субъекта, манифестирующего свою приверженность традиционным ценностям, и наметить отправные точки для социокультурного проектирования.

Методология и источники. Эмпирическую базу исследования составили официальные документы, использующие концепт «традиционные ценности», материалы Совета по правам человека ООН, экспертные оценки, результаты опросов ВЦИОМ, материалы дискуссий в российских медиа за последние десять лет. Используется методология системного подхода, социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологическое понятие культурно-исторической традиции.

Интерпретация ценностей всегда вызывала трудности. Нравственные нормы и ценности стали предметом осмысления уже в глубокой древности. Представления о высших ценностях пронизывали размышления о мироздании в цивилизациях Древнего мира (*Благо* у Платона, *Дхарма* в древнеиндийской религиозной философии). В античную эпоху нравственные (моральные) ценности были выделены в самостоятельную область – этику. Доминировало убеждение, что они неизменны, предпосланы человеку, внеположены миру. Предметом анализа и критики были несовершенные и вариативные представления людей, мера их соответствия предустановленным трансцендентным образцам.

Ценности как своего рода знания (идеи, формы, универсалии, категории, концепты, устойчивые мысленные связи и т. д.) и их символические выражения (характерный пример – распространенные в Средние века визуальные выражения ценностей – «верности», «чести», «достоинства») – особого рода идеальные объекты. Многовековая дискуссия об идеях (три «вечных вопроса» Порфирия, к которым Абельяр добавил вопрос об «имени розы») имеет прямое отношение и к ценностям. Согласно современным воззрениям, ценности возникают эволюционно, при этом признается, что лингвистический уровень их развития уникален и специфичен для человека.

Концептуализация традиционных ценностей в социологии неоднозначна. Обратимся к объясняющему и эвристическому потенциалу социологических подходов, которые, на наш взгляд, целесообразно использовать в современных дискуссиях.

Результаты и обсуждение. В социокультурном анализе, начало которому положено Э. Дюркгеймом, традиционные ценности выступают, наряду с *нормами* и *ролями*, как *компонент* коллективной *организации* традиционного типа, связанной *механической*, основанной на сходстве индивидов, солидарностью. Это ценности, разделяемые и одобряемые коллективным сознанием традиционного социального образования. Высшая из них воплощена в самом коллективе, который господствует над интересами отдельного человека и требует от него беспрекословного подчинения. Ценностные предписания религиозно обоснованы, детально растолкованы, смыслы извлечены и символически выражены. Коллективное

сознание социальных образований, связанных *органической* солидарностью, основанной на индивидуальных различиях, содержит генерализованные ценности; они абстрактны, апеллируют к индивидуальному достоинству и равенству возможностей. Современные ценности (здесь и далее подразумеваются ценности модерна) – то, что сопровождает присвоение личного богатства и отстаивание личных целей. Они коммуникативны – открыты для обсуждения. Традиционные ценности противопоставлены современным, модерн – традиции. Заметим, и традиционные, и современные ценности принудительны по отношению к индивиду, хотя механизмы принуждения различны. В современном глобальном мире они конкурируют, вызывают аномии, нравственные дилеммы.

Традиционные ценности концептуализированы как элемент опредмеченных в традиционных социальных институтах общественных отношений, профилирующей личность. К ним новые поколения приобщаются в семье, школе, церкви. Они не отрефлексированы, а скорее подразумеваются, отличны от сознательно заимствованных (индивидуальное или коллективное обращение), конструируемых и изобретаемых представлений. Их жизненность обеспечена сплавом смыслов: возвышенного и низкого, экстраординарного и повседневного. Когда мы называем ценности традиционными, то подразумеваем не некий набор, а определенный *способ их передачи*, отличный от индоктринации, моды. Это «прямая передача» (родители-дети, учитель-ученик), непосредственные отношения старших и младших (несводимые к вербальным, например, так называемые *телесные практики* М. Мосса), в которых происходит приобщение к ценностям предшествующего поколения.

Ориентации, интегрированные в структуру личностной мотивации и направляющие ее вне зависимости от того, насколько они осознаются, отличаются от представлений об одобренных и провозглашенных в обществе ценностях, которые выступают результатом познания и ориентиром для сознательного контроля. Г. Кнабе, обсуждая характер современных идентификационных процессов, затрагивает область, где это различие выступает в наиболее сложной, тонкой и трудно наблюдаемой форме – *пережитый опыт*. Г. Кнабе анализирует его неоднородность и принципиальную *двусоставность*. «В нем различимы некоторая основа, отложившаяся в душе каждого как исходное слагаемое его органического бытия, и некоторый приобретаемый в ходе жизни непрерывно усложняющийся материал самосознания. Первая мало рефлексирована, сказывается во вкусах, привычках, склонностях, в подчас безотчетных жизненных ориентирах и образует личность как таковую, в ее естественной данности. Второй формируется общественным опытом в ходе жизненного общения, обогащается <...> впечатлениями, которые становятся содержанием рефлексированного сознания, выражаются в слове и поведении человека» [9, с. 1117]. Разумеется, разделение опыта на органический и идеологический не может быть определено однозначно, идет ли речь об отдельном человеке или об исторической индивидуальности. Начиная с В. Белинского, подчеркнувшего отличие подвижных ценностных представлений от того «остатка», который глубже и прочнее, – от убеждений, русская мысль (литература, философия, публицистика) непрестанно обращается к анализу двусоставности опыта. Г. Кнабе справедливо замечает, что «по мере усложнения общественных структур, с ростом демократии и связанной с ней необходимостью убеждать граждан в справедливости тех или иных решений, принимаемых руководством, с появлением групп идентификации, возникших не по органическим

связям, а по идеологическим мотивам, роль идеологического компонента непрерывно возрастает вплоть до появления идентификационных практик, лишенных органической базы и целиком “почерпнутых у добрых знакомых”» [9, с. 1118].

Несовпадение и сложное взаимодействие декларируемой значимости тех или иных ценностных идей и реальной побудительной силы до- и нерелексивно разделяемых ценностей – предмет исследований в социальной психологии. Методы этнолингвистики позволяют обнаружить, что «у “нетрадиционных” ценностей нередко есть “традиционное” соответствие» [10, с. 295].

Рассмотренные в социально-эволюционной перспективе, *традиция* и *современность* выступают как идеологически заряженные образы старого и нового. Палитра политических идеологий консервативного и прогрессистского (утопического) толка наглядно демонстрирует две крайние установки: превосходство старого над новым и – нового над старым. С начала Нового времени последняя установка стала господствующей, а к концу XVII в. убеждение о преодолении прошлого современностью уже превращается в распространенное социальное представление (И. Кант: мы живем в век просвещения). Решительное отрицание предшествующего исторического опыта, утопические призывы начать все сначала, отказ от традиции как тяготеющего над новыми поколениями проклятия столкнулись с традиционалистским утверждением превосходства и ценности прошлого.

Взаимная критика, новые точки зрения, привнесенные вследствие распространения идей романтизма, существенно усложнили картину этого конфликта. Обнаружение теневой стороны прогресса, с одной стороны, и живучести, изменчивости и плодотворности традиции – с другой, формировали избирательное отношение к традиции, отношение к прошлому не как к эталону, а как к ресурсу и пространству возможностей: обновление может осмысляться и как избирательное возвращение к истокам. Философская (понятия культуры, гуманности, законов природы, автономии, духа), культурологическая и социологическая рефлексия привнесла в этот спор множество новых концептуальных идей.

Наряду с эволюционистскими схемами последовательного движения от традиционных обществ к современным (включая и те, в которых однозначная оценка этого движения в качестве прогресса была поставлена под сомнение) заявила о себе точка зрения множественности культур, цивилизаций, культурно-исторических типов. Идея социальной эволюции и в данном случае была значима, только акцент переносился с поступательности на борьбу и конкуренцию. Расово-антропологические, антропосоциальные, этнологические концепции, культурно-исторические подходы привнесли в дискурс *«традиция и современность»* понятия культурных кругов, народного духа, психологии народа и т. п.

В русской социогуманитарной мысли эта тенденция проявилась очень заметно. И это не только славянофилы, но, например, лингвист А. Потебня, историки В. Ключевский и В. Соловьев, писатели Н. Чернышевский, И. Тургенев, В. Белинский и мн. др. Идеино-политические движения второй половины XIX в. (пангерманизм, панславизм, пантюркизм и т. п., национализм во всех версиях как идеология самоидентификации и объединения наций) добавили новые схемы интерпретации. Традиционное – не только и не столько прошлое в противоположность современному, сколько исторически-индивидуальное, самобытное в противоположность всечеловеческому (Н. Данилевский, К. Леонтьев).

Современное, в свою очередь, тоже исторически-индивидуально, подвержено кризису и упадку. *Кризис современности, иллюзия прогресса, мировой кризис*, – характерные темы размышлений столетней давности. Одновременно в общественно-политическом дискурсе заявляют о себе *новая эпоха всемирной истории, новая историческая общность, новый курс, третий гуманизм* – все эти идеи, вплоть до *конца истории*, позволяют переосмыслять и традицию, и современность, и старое, и новое (новейшее), питают и оптимизм, и разочарование. Традиция и современность, кажется, перестали однозначно восприниматься и оцениваться как имеющие сами по себе положительное и отрицательное значения. В концепции множественных модернов Ш. Эйзенштадта традиция не только дает обществу ресурсы для модернизации, но во многом определяет и выработку, и осуществление модернизационных проектов.

Социокультурное моделирование и проектирование позволяют себе обращаться к сколь угодно отдаленным эпохам и своей, и всемирной истории (например, к ценностям классической Греции или к любым другим – языческим, раннехристианским, средневековым и т. п.). Традиционные ценности, с одной стороны, освободились от тенденциозных оценок, поскольку перестали рассматриваться в рамках однозначно прогрессистских или консервативных идеологий и оцениваться как отсталые или передовые. Вместе с тем произошло их отслоение от «традиционного общества» как оставленной в прошлом, пройденной стадии социальной эволюции. Понятия *традиции* и *модерна* (религиозности и светскости, коллектива и автономного индивида, групповых и индивидуальных интересов, некритического принятия и рациональной рефлексии) в качестве типологических получили методологическое эвристическое значение. Схема интерпретации «*традиция и современность*» при постановке исследовательских задач в разных обликах вновь и вновь воспроизводится: она узнаваема в моделях интегральных культурных сверхсистем П. Сорокина, в типологии культурных измерений Г. Хофстеде и мн. др.

Лингвистический, коммуникативный, культуральный «повороты» в социальном познании открыли новые аналитические перспективы, но их практические приложения, основанное на них социокультурное проектирование демонстрируют волюнтаризм. На наш взгляд, избегать крайностей в осмыслении такого комплексного явления, как традиционные ценности, позволяет системный подход.

Т. Парсонс интерпретирует ценности как разновидность *образцов действия* (действия определяются как осмысленные намерения и их реализация в конкретной ситуации) и его *смыслосодержащих продуктов*. Ценности не создаются одним или несколькими людьми. Индивид может внести в них разве что побочное творческое (разрушительное или созидательное) изменение. Они связаны с познавательными элементами действия, индивид им *научается*. Ценности – не только интернализированные, разделяемые на индивидуальном уровне ориентации, но и символически организованные культурные объекты. Культура представляет собой упорядоченный и взаимосвязанный набор ценностных и когнитивных образцов – *символических универсумов* (П. Бергер, Т. Лукман).

В логике системного подхода культурная, социальная системы и система личности обладают относительной самостоятельностью, и между ними осуществляются процессы обмена. Система культуры предоставляет личности ценности и когнитивные образцы, обес-

печивая ее социализацию и *культурализацию* (К. Клакхон). Социальная система усваивает и перерабатывает культурные ценности в процессах институционализации, превращая их в принудительные нормы поведения, благодаря которым взаимодействие структурируется и легитимируется, при том что связанные с ценностями институциональные императивы могут трактоваться амбивалентно (характерный пример – анализ Р. Мертоном института науки). Культурная система принимает сигналы от социальной системы и системы личности: это социальные интересы (потребности), культурные действия личности, складывающиеся нормы. Они ассимилируются культурой, в результате чего синтезируются культурные объекты – коллективные представления, установки, образцы поведения, ценности, и, если продолжить биологическую аналогию, высвобождается энергия для целеполагания и деятельности общественного субъекта.

Нередуцируемая сложность ценностей состоит в том, что ценности частично интернализированы личностью, частично институционализированы в социальной системе, частично пребывают как культурные (символические) объекты. Они одновременно обладают и объективной фактичностью, и субъективным значением, точнее, будучи предпосылкой и результатом социального взаимодействия, – интерсубъективным значением, выраженным в знаках и знаковых системах и вырастающих на этой основе символических универсумах (мораль, религия, искусство, наука, идеология и т. п.). Ценности объективны, общезначимы, легитимны, коммуникативны. «В контексте культурной легитимизации, таким образом, общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности, ее конститутивному символизму» [11, с. 22].

Главные образцы культурных систем выражают смыслы человеческого существования – добра, страдания, смерти – и утверждают нормативность человеческой природы. Они изменяются **только** на протяжении жизни многих поколений, их **всегда** придерживаются относительно большие группы людей. Эти смыслодержающие образования в конечном счете легитимируют социальную систему и ее институциональную структуру, придавая им нормативный характер и обеспечивая их когнитивную значимость, что не устраняет проблему интегрированности социальной системы – «проблему порядка». Отметим, что ценности в данной интерпретации могут быть **только традиционными**.

В социальных представлениях о традиционных ценностях всегда присутствует мотив принятия или отвержения исторического прошлого, *своих* и *чужих* традиций. Очень ярко это проявляется в так называемом пробуждении национального сознания. Нация – продукт Нового времени, Великой французской революции, наполеоновских войн, промышленного капитализма, крушения колониального порядка. Как в свое время блестяще показал А. де Токвиль, рост национального самосознания, желание легитимизировать национальные проекты, приводит к подчеркиванию укорененности национального в историческом прошлом [12]. При всех конфликтах, неудачах и срывах, которыми сопровождаются попытки современных наций-государств утвердить канон традиции, признаваемой в качестве общенациональной, очевидно, что представление о национальной общности имеет аксиологическое наполнение. Элиты, интеллектуалы, историки, философы, идеологи национального сознания,

осуществляя отбор образов будущего в наследии (факты, зависимости, условия деятельности, границы возможного, прошедшие проверку временем образцы, авторитеты), лишают современность монополии на рациональность и вместе с тем десакрализируют традицию. Традицию теперь рассматривают с позиций секулярно-рациональных, демонстрируя сознательную установку на нее, готовность ее продолжить или порвать с ней. Сознательно выбранная, обоснованная традиция (аргумент устойчивости и стабильности) перестает быть традицией в том смысле, в котором она изначально противопоставлялась современности. Это культурно-историческая традиция. Точнее, многообразие таковых.

Для адекватной оценки дискурса традиционных ценностей в России обратимся к контексту – продолжающейся международной дискуссии о правах человека. *Права человека* – традиционные ценности в том смысле, что они принадлежат к западной, по генезису – греко-христианской традиции, имеют религиозно-догматическое вероисповедальное обоснование, представлены в многовековом морально-этическом дискурсе, обеспечившем полноту их социальных представлений и нормативно-правовое закрепление. Западная аксиологическая традиция в современном мире имеет привилегированный статус основы для интерпретации прав человека в межкультурном диалоге.

Советом по правам человека ООН предлагается следующая формулировка вопроса для международного обсуждения: каким образом традиционные ценности, лежащие в основе международных прав человека, способствуют поощрению и защите прав человека в целом [13]. Межкультурное взаимодействие, опыт восприятия других образов жизни проблематизирует понимание прав и сущности человека. Представители незападных цивилизаций полагают, что ценности их культурно-исторических традиций могут успешно конкурировать с правами человека.

Остановимся на некоторых характерных примерах. Тукуй Шими и Моника Чуй (Эквадор) отмечают, что человеческое достоинство определяется принципом «жизнь в гармонии» – «сумак кавсай», который был включен в новые конституции Эквадора и Боливии вместе с международными договорными стандартами в области прав человека. Концепция «сумак кавсай», уходящая своими корнями в мировоззрение андских коренных народов, основывается на опыте достижения благосостояния человеком в его взаимоотношениях с окружающими людьми и природой, в нахождении межобщинного и внутриобщинного баланса, в природосообразном производстве и потреблении. Сферы экономики, права, образования и морали должны быть пронизаны этим культурным кодом.

Представляя индийскую культурную традицию, Дж. Прабху замечает, что универсальность прав человека может восприниматься самыми различными способами (и без употребления этих слов). В каждой самобытной культуре есть то, что способно внести вклад в развитие глобальной культуры прав человека. Махатма Ганди, отвечая на вопросы исследования, инициированного ЮНЕСКО в связи с разработкой Всеобщей декларации прав человека, настаивал на нередуцируемом многообразии «культур прав человека», ссылаясь на классическую индийскую моральную концепцию Дхармы. Она не начинается с человека: человеческая сущность воплощается не только в личности, но и в социальной общности, которая является выражением космоса, нерушимость которого призвана защитить Дхарма. С этой точки зрения многие из посылок, лежащие в основе западного правозащитного

дискурса, можно опровергнуть. В традиции Дхармы недопустимо применять права только к индивидам, игнорируя природу и общество. Нужно отказаться от навязывания всему миру какого-либо единственного этноцентрического стандарта. Только при этом условии права человека могут претендовать на статус универсального нравственного языка человечества.

Задача международного сообщества – не преодолеть культурные различия, поставив какую-либо одну культурно-историческую традицию выше других, но вести межкультурный диалог, в котором различные идеи могут корректировать и усиливать друг друга. Правозащитный дискурс должен выйти за пределы прозападных формулировок и учитывать мнения самых разнообразных субъектов, включая организации гражданского общества. Защита культурного многообразия – условие гармонии межкультурных и внутриобщественных ценностей.

Содержательное обоснование межкультурного взаимодействия и его перспектив предполагает выявление цивилизационных ценностей и убеждений как в отстоявшихся общекультурных традициях, закрепленных в правовых институтах, так и на иных уровнях иерархии социального субъекта: личность, семья, община, статусная группа, государство, гражданское общество. Соответственно, и гарантии прав человека должны быть разноуровневыми. Формально-правовые механизмы защиты прав человека не всегда действенны. Традиционные ценности и убеждения укоренены глубже, чем закон, а потому права человека могут вырасти только внутри самобытных культурных традиций. Тогда права человека будут защищены не только из-за страха уголовного преследования, но и на уровне убеждений. Достоинство («самостояние» – А. С. Пушкин), имманентно присущее человеку как правообладателю и правоприменителю, – и индивидуальное, и общественное достояние, требующее юридических гарантий. Фундаментальное право человека – это возможность его развития за счет гарантий доступа к ресурсам своей культурной традиции. Самобытность – не особые возможности, а особые способы осуществления всеобщих возможностей.

Как отличить органический, естественно-исторический, эволюционный опыт народа от искусственного, навязанного? Можно ли говорить об упомянутой выше двусоставности опыта применительно к историческим индивидуальностям? Решительный разрыв с эволюционно-исторической предпосылкой и искоренение традиций («пережитков») – характерная особенность исторического пути России. Раздвоение образа жизни на органический и сконструированный, их неравномерное распределение в обществе («интеллигенция и народ») – предмет постоянных размышлений и реконструкций в России.

Представление о народе, носителе традиционных ценностей, и интеллигенции (образованных классах), приверженной ценностям заимствованным (насколько последние спасительны или губительны – зависит в свою очередь от аксиологических взглядов судящего), распространено и сегодня, когда интеллигенция в старом смысле слова исчезла, и узнаваемо в рассуждениях о «пятой колонне». «Но нельзя говорить об “интеллигенции” как о феномене нашей “культуры” и не спросить себя, какой природный материал подвергается в ней искусственной обработке, какая в ней перепахивается и засеивается почва; нельзя рассматривать и народ как преимущественное выражение стихийного начала нашей жизни» [14, с. 230]. Есть что-то, что позволяет соединять разорванное, – глубинная, подпочвенная традиция (Г. Федотов). Заимствованное, искусственное, однажды выбранное (выбор веры,

о котором повествует летопись) укореняется и начинает произрастать, «оестествляется» в передаче от поколения к поколению. Так было с наследием империи Чингисхана, с византийским и западноевропейским наследием, вошедшими в культурно-исторические традиции России.

Традиционные ценности, запечатленные в «текстах» культурно-исторических традиций (государственного строительства, религиозной, философской, педагогической, литературной и т. п.), доступны нашему изучению, осмыслению, сопереживанию. Эти символические образцы, зафиксированные в качестве нормативных в наследии (заповеди, идеалы, предписания, идеи как присущие историческим лицам мысленные связи) образуют и архив, и ресурсы, и смыслы, учреждаемые нами в наших устремлениях в будущее. Ценности (элементы осмысленных человеческих действий) допускают эмпирическую констатацию, рациональный анализ, но их значимость обосновывается не эмпирическим материалом или логическими аргументами. Мы отождествляемся с ними или не приемлем их. Отношение во многом зависит от ожиданий, от взгляда в завтрашний день. Преемственность и преобразование неразрывно связаны. Общественный субъект посредством ценностного отношения к наследию рефлексивно и конструктивно учреждает культурно-исторические традиции по мере реализации в меняющихся условиях отобранных в наследии образцов своего развития.

Интеллектуализация и рационализация традиции, возвращение к скрытым в ней возможностям, обнаружение актуальной функции взятых из прошлого образцов организации жизни осуществляется в социокультурном проектировании и выполняет идеологические мобилизационные задачи. Сегодня, в эпоху идеологий и мировоззрений, все (государства, корпорации, индивиды) говорят на языке ценностей, хотят опираться на их действительную силу. Это не исключает инфляции ценностей и игрового (в духе постмодерна) отношения к традиции.

Российские традиционные ценности нужно защищать не от ценностей модерна, не от западных ценностей, которые давно уже интегрированы в наши культурно-исторические традиции, и не от прав человека как исторически сложившейся консенсусной платформы для межкультурного диалога, а от ультраглобалистских идеологий, которые отказываются от исторического мира и устремлены в будущее, не возникающее эволюционно вместе с человеком, а постулируемое. Ценности используются для мировоззренческой легитимизации и продвижения экспериментальных социально-антропологических образцов (личность, собственность, пол, этничность, семья, занятость, демография, потребление). Идеалы, во имя которых ведется идеологическая борьба нового типа, не определены. Манифестация приверженности традиционным ценностям – попытка выделить, описать, вскрыть патологический характер и пресечь посредством правовых, военно-политических и идеологических инструментов те способы переделки человека, которые стали технически достижимыми, но перестали подвергаться уголовному преследованию и безоговорочному нравственному осуждению.

Заглядывая в будущее, общественный субъект осуществляет деконструкцию традиции. Преобразование не устраняет подверженности традиции, но есть ее экзистенциальная модификация, способ существования в традиции. Наше осмысление традиционных ценностей

всегда решает двуединую задачу: демонтаж традиционных понятий и категорий и возобновление традиции. У нас есть свобода выбора, но мы не можем не выбирать.

Заключение. Актуализация в общественно-политическом дискурсе смылосодержащих образцов культурно-исторических традиций указывает направления и ограничения для социокультурного проектирования и выполняет идеологические мобилизационные задачи. Обращение к традиции – способ преодолеть время, вернуться к источнику, утвердить непреходящую ценность привилегированных мотиваций (нет высшего, чем отдать жизнь за други своя) и их воплощений (святые, герои, святые герои). Традиции – посредники между временем и вечностью.

Стремление использовать традиционные (вечные) ценности нормативно, минуя «конститутивный символизм», выглядит неуклюже и напоминает печально знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность» или «моральный кодекс строителя коммунизма». Например, в статье 78 Стратегии национальной безопасности называется такая традиционная ценность: приоритет духовного над материальным. На наш взгляд, неудачная формулировка, эмоционального отклика не вызывает, а рационально ее понять трудно. Система культуры (духовное?) приоритетна только в смысле «кибернетической иерархии». А дух – на то и дух, что всегда и везде («дышит где хочет») является по мере преодоления человеком «материального».

Традиционные ценности – это образцы, которые показали свою жизнеспособность, устойчивость, воспроизводимость, эффективность. Например, обсуждаемый Г. Федотовым в «Письмах о русской культуре» тип русского человека (Федотов отказывался использовать концепт «ценности»). Образ жизни предшествующих поколений, при всех его проблемах и недостатках, отвечает имеющимся условиям (климат, ландшафт, природные ресурсы, угрозы) и созвучен нашему нравственному идеалу. Глядя в завтрашний день, мы учреждаем себя в качестве субъектов культурно-исторических традиций, продолжаем их в новых условиях. Актуальные правила и нормы дедуцировать из ценностей не получится, они – предмет рационального анализа (техническая целесообразность) и творческого поиска.

Наконец, традиционные ценности (права человека) могут использоваться для идеологического оправдания попыток непосредственно управлять идеалом нового человека, который еще только должен возникнуть. Произвольно вкладываемый смысл разрушает ценностное содержание. Ценности имеют смысл и для нас, и в себе. А если нет смыслового ядра – ничего не сцепляется, наследовать и созидать нечего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов А. С. О традиционных духовно-нравственных ценностях // Культурологический журнал. 2021. 2 (44). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (дата обращения: 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.70.34.012.
2. Выжutowич В. Мы не такие, как все? Тема с социологом Эдуардом Понариным // Российская газета. № 276 (8034). 05.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/kakova-svoia-osobaia-sistema-cennostej-v-rossii.html> (дата обращения: 30.03.2022).
3. Руднев М. Традиционные ценности и реальность // Ведомости. 17.05.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti> (дата обращения: 30.03.2022).

4. Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Аналитический обзор // ВЦИОМ. 12.02.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 30.03.2022).
5. Сулакшин С. С., Хвыля-Олинтер Н. А. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 15.06.2016. URL: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 30.03.2022).
6. Обсуждение Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей приостановлено // Министерство культуры РФ. 14.02.2022. URL: https://culture.gov.ru/press/news/obsuzhdenie_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiyskikh_ (дата обращения: 30.03.2022).
7. Швыдкой М. Кому помешали традиционные русские ценности // Российская газета. № 411 (86891). 26.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/25/shvydkoj-komu-pomeshali-tradicionnye-russkie-cennosti.html> (дата обращения: 30.03.2022).
8. Волобуев С. Г. Российская конституционно-правовая антропология как основание государственной политики в области сохранения и трансляции традиционных ценностей // Культурологический журнал. 2021. 2 (44). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (дата обращения: 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.23.14.017.
9. Кнабе Г. С. Диагноз нашего времени // Избранные труды. Теория и история культуры. М.: СПб.: Летний сад; М.: РОССПЭН, 2006. С. 883–1178.
10. Седакова И. А. Нетрадиционные ценности и их традиционные корреляты (2): карьера, самореализация, лидерство // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 294–296. DOI: 10.31168/7996-2700-3.108.
11. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1998.
12. Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Федоровой. М.: Московский философский фонд, 1997.
13. Рабочее совещание, посвященное традиционным ценностям человечества. Доклад Верховного комиссара ООН по правам человека. A/HRC/16/37. 13.12.2010 // ООН. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37_ru.pdf (дата обращения: 30.03.2022).
14. Иванов В. О русской идее // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 226–240.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.04.2022; принята после рецензирования 28.04.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.*

REFERENCES

1. Mironov, A. (2021), "On the traditional spiritual and moral values", *J. of Cultural Research*, iss. 2 (44), available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (accessed 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.70.34.012.

2. Vyzhutovich, V. (2019), "We are not like everyone else? Topic with sociologist Eduard Ponarin", *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 05.12.2019, no. 276 (8034), available at: <https://rg.ru/2019/12/05/kakova-svoia-osobaia-sistema-cennostej-v-rossii.html> (accessed 30.03.2022).
3. Rudnev, M. (2019), "Traditional values and reality", *Vedomosti*, 17.05.2019, available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti> (accessed 30.03.2022).
4. "State and society: goals, priorities, imperatives. Analytical review" (2021), *VCIOM*, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (accessed 30.03.2022).
5. Sulakshin, S.S. and Khvylya-Olinter, N.A. (2016), "The value system of Russian youth: an expert assessment", *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii)*, 15.06.2016, available at: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (accessed 30.03.2022).
6. "Discussion of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values Suspended", *Ministry of Culture of the Russian Federation*, 14.02.2022, available at: https://culture.gov.ru/press/news/obsuzhdenie_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiyskikh_ (accessed 30.03.2022).
7. Shvydkoi, M. (2022), "Who was prevented by traditional Russian values", *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], № 411 (86891), 26.02.2022, available at: <https://rg.ru/2022/02/25/shvydkoi-komu-pomeshali-tradicionnye-russkie-cennosti.html> (accessed 30.03.2022).
8. Volobuev, S.G. (2021), "Russian constitutional and legal anthropology as the basis of state policy in the preservation and transmission of traditional values", *J. of Cultural Research*, iss. 2 (44), available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/540.html&j_id=47 (accessed 30.03.2022). DOI: 10.34685/HI.2021.23.14.017.
9. Knabe, G.S. (2006), "Diagnosis of our time", *Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury* [Selected works. Theory and history of culture], Letnii sad, ROSSPEN, Moscow, SPb., RUS, pp. 883–1178.
10. Sedakova, I.A. (2019), "Non-traditional values and their traditional correlates (2): career, self-realization, leadership", *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference*, Yekaterinburg, September 9–13, 2019, Ural Publishing House Univ., Ekaterinburg, RUS, pp. 294–296. DOI: 10.31168/7996-2700-3.108.
11. Parsons, T. (1998), *The system of modern societies*, Transl. by Sedov, L.A. and Kovalev, A.D., Aspekt-Press, Moscow, RUS.
12. Tocqueville, A. (1997), *L'Ancien Régime et la Révolution*, Transl. by Fedorova, M., Moskovskij filosofskij fond, Moscow, RUS.
13. "Workshop dedicated to the traditional values of humanity. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights", (2010), A/HRC/16/37, 13.12.2010, *United Nations*, available at: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37_ru.pdf (accessed 30.03.2022).
14. Ivanov, V. (1992), "About the Russian idea", *Russkaya ideya* [Russian idea], comp. Maslin, M.A., Respublika, Moscow, RUS, pp. 226–240.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy) (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.04.2022; adopted after review 28.04.2022; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 316.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-70-81>

Жизнь в современном городе: цифровые практики бездомных людей в Санкт-Петербурге

Анна Сергеевна Черноиванова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
st097647@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-884X>*

Введение. В статье описывается влияние глобальной тенденции цифровизации на самую уязвимую категорию населения. Изучение цифрового разрыва является достаточно новым направлением исследований в социальных науках. Современные технологии являются частью нашей жизни и влияют на социальные процессы – в частности, они могут усиливать или сокращать социальное неравенство. Современные исследователи находят все больше доказательств роста относительных неравенств в интернет-навыках и использовании интернета. Если «набор» типичного пользователя – это смартфон, интернет и ноутбук (или компьютер), то «набор технологий» бездомного может отличаться или вовсе отсутствовать. Исследования цифрового разрыва уже проводились в крупных городах социально и экономически развитых стран.

Методология и источники. Объектом исследования является группа с низким социально-экономическим статусом, бездомные, в том числе вернувшиеся из мест лишения свободы. В исследовании приняли участие 15 респондентов из 24 проживающих на момент проведения интервью.

Результаты и обсуждение. В результате анализа собранных данных удалось выявить некоторые особенности восприятия цифровых технологий и практик их использования. Особенности восприятия объединены в группу дискурсивных паттернов, практики использования цифровых технологий – в группу поведенческих паттернов. Хорошим результатом социологического исследования является опровержение стереотипов, сложившихся в обществе. Так, представляется возможным выделить два основных стереотипа. Считалось, что у бездомных в большинстве своем нет сотовых телефонов, а если есть – для них это скорее статусная вещь. Второй стереотип был связан с репертуаром цифровых технологий: бездомные скорее пользуются неперсонифицируемыми технологиями в виду их маргинального положения. Оба стереотипа были опровергнуты. Неожиданный результат исследования указывает на его безусловную актуальность и на перспективу дальнейшего изучения, в том числе уязвимых групп населения.

Заключение. Перспективой будущих исследований становится продолжение исследования на примере других организаций и изучения других категорий бездомных (обращающихся за ночлегом на одну ночь или не посещающих социальные организации). Также можно обратить внимание на возможность разработки новых практик социальной работы с учетом полученных результатов исследования.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровой барьер, цифровые практики, бездомные люди, социальная эксклюзия

© Черноиванова А. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 21-18-00125 «Цифровизация как социальная рутина в суперурбанизированных анклавах дополненной современности»).

Для цитирования: Черноиванова А. С. Жизнь в современном городе: цифровые практики бездомных людей в Санкт-Петербурге // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 70–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-70-81.

Original paper

Living in a Modern City: Digital Practices of Homeless People in St Petersburg

Anna S. Chernoiwanova

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
st097647@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-884X>*

Introduction. The article describes the impact of the global trend of digitalization on the most vulnerable category of the population. The study of the digital divide is a fairly new area of research in the social sciences. Modern technologies are a part of our lives that influence social processes – in particular, it can increase or reduce social inequality. Modern researchers are finding more and more evidence of the growth of relative inequalities in Internet skills and Internet use. In case if the typical user's "set" is a smartphone, the Internet and a laptop (or computer), the homeless person's "set of technologies" may be different or not at all. Studies of the digital divide have already been conducted in large cities of socially and economically developed countries.

Methodology and sources. The object of the study is a group with a low socio-economic status, homeless people, including those who have returned from prison. The study involved 15 respondents from 24 living in the social center at the time of the interview.

Results and discussion. As a result of the analysis of the collected data, some features of the perception of digital technologies and practices of their use were identified. The peculiarities of perception are combined into a group of discursive patterns, the practice of using digital technologies – into a group of behavioral patterns. A good result of sociological research is the refutation of stereotypes that have developed in society. So, it seems possible to identify two main stereotypes. It is believed that mostly the homeless do not have cell phones, but if they do, it is likely a status thing for them. The second stereotype is associated with the repertoire of digital technologies: homeless people likely use non-personalized technologies due to their marginal position. Both stereotypes have been refuted. The unexpected result of the study indicates its absolute relevance and the prospect of further study, including vulnerable groups of the population.

Conclusion. The prospect of future research is the continuation of the study on the example of other organizations and the study of other categories of homeless people (applying for overnight accommodation for one night or not visiting social organizations). It also should be noted, that the possibility of developing new social work practices taking into account the results of the study.

Keywords: digital divide, digital practices, homeless people, social exclusion

Source of financing: the work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00125 "Digitalization as a social routine in super-urbanized enclaves of augmented modernity").

For citation: Chernoiwanova, A.S. (2022), "Living in a Modern City: Digital Practices of Homeless People in St Petersburg", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 70–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-70-81 (Russia).

Введение. Статья посвящена изучению практик использования цифровых технологий людьми, находящимися в уязвимом положении и являющимися самой уязвимой категорией населения.

Бездомные представляют интерес, поскольку традиционно являются группой, исключенной из социального взаимодействия. Для благополучного развития российского общества важно принимать во внимание все категории населения. Признание за малоимущими и обездоленными было значимой частью общественно-политической жизни России на протяжении многих веков, и сейчас Россия считается социально-ориентированным государством (ст. 7 Конституции РФ).

Бездомные, как наиболее уязвимая группа населения, тоже являются участниками глобального процесса технологизации жизни. Для исследования были подобраны две категории респондентов: бездомные, вернувшиеся из мест лишения свободы, и бездомные, проживающие в доме ночного пребывания. Важно отметить, что все респонденты являются получателями социальных услуг и в настоящее время проживают в социальных центрах. Эта дефиниция очень важна, потому что обращение за социальной помощью свидетельствует о готовности предпринимать действия для улучшения жизненной ситуации. Для исследования демографические характеристики не были определяющими, но респонденты образовали группу одиноких мужчин в возрасте от 37 до 74 лет. Средний возраст респондентов – 48 лет. Предмет исследования: цифровые практики и отношение к ним в обозначенной группе респондентов. Исследование основывается на реляционном подходе. С позиции реляционного подхода неравенство проявляется в категориальных различиях между группами людей, имеющих определенные отношения.

Феномен цифрового неравенства активно изучают специалисты в социально и экономически развитых странах. Специальные исследования проводили в Австралии, Великобритании и США. Исследования, посвященные цифровому разрыву в России, пока немногочисленны, но заметно активное развитие темы. В статье описываются результаты первого исследования цифровых практик бездомных людей в Санкт-Петербурге.

Результаты проведенного исследования опровергают стереотипы, сложившиеся в обществе. В данном случае стереотип поддерживает общественное размежевание и косвенно влияет на социальную эксклюзию. Принимая во внимание возможности людей, находящихся на социальном обслуживании, можно указать на перспективу обновления социальных услуг с учетом требований современного мегаполиса.

Методология и источники. Цифровизация (цифровая трансформация) общества – это глобальная тенденция постиндустриального общества. Менеджеральный дискурс последних 10–15 лет представляет цифровизацию как комплекс инновационных процессов, кардинально меняющих функционирование социальных институтов и общественную жизнь. Более того, ожидается, что цифровые технологии способны объединить людей по всему миру, упростить социальное взаимодействие и в целом сделать нашу жизнь проще и комфортнее. В статье предлагается рассмотреть процесс цифровизации и его влияние на повседневную жизнь людей с позиции более критической и радикальной. Во-первых, развитие цифровых технологий в социокультурной среде крупнейших российских городов уже не является для жителей крупных городов трансформацией, для большинства населения – это воспроизвод-

ство рутинных практик. Об этом свидетельствуют результаты многих эмпирических исследований и в том числе данные опроса жителей Москвы и Санкт-Петербурга в феврале – марте 2020 г.: более 80 % взрослого населения – ежедневные пользователи Интернета, более 50 % – создатели цифрового продукта в социальных сетях [1]. Во-вторых, цифровые технологии, уже ставшие неотъемлемой частью нашей жизни, могут влиять на социальные процессы, в частности, усиливать социальное неравенство.

Цифровое неравенство можно определить как новую форму социального неравенства, обусловленную технологическими, социально-экономическими, демографическими факторами использования современных технологий. О цифровом разрыве как о социальной проблеме начали говорить 25 лет назад. За это время созданы модели осмысления цифровых технологий в контексте социальной жизни.

В первую очередь стоит отметить работу Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996–2000 гг.). М. Кастельс является последователем теории постиндустриального общества [2], где анализ, генерирование и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. Развитие информационных технологий как технологий производства и распространения знания оказало значительное влияние на развитие общества. Часть работы М. Кастельса посвящена проблеме «цифрового разрыва». На фоне увеличения значимости Интернета в повседневной жизни М. Кастельс разделяет людей на «интернет-имущих» и «интернет-неимущих» и пишет: «Цифровой разрыв не будет сокращаться, потому что, когда массы получают доступ к Интернету, “элиты” уже окажутся в более высоких сферах киберпространства» [3, с. 303].

Новый подход к концептуализации социальных изменений предлагает Дмитрий Владимирович Иванов, доктор социологических наук из Санкт-Петербургского государственного университета. «Возникает тенденция поствиртуализации: в современном обществе сетевые структуры превратились в доминирующие социальные структуры. Поствиртуализация связана, в том числе, и с рутинизацией цифровых практик». Современные технологии: мобильные телефоны, платежные устройства и приложения, QR-коды, проездные карты – стали привычной частью жизни человека в мегаполисе [4].

Исследования цифрового разрыва трансформировались за последние десятилетия из экономического разрыва между группами, имеющими и не имеющими доступа к цифровым технологиям, в культурный и социальный разрыв между различными группами пользователей цифровых технологий. Ключевые работы по новым измерениям цифрового неравенства недавно были опубликованы [5–12].

Степень распространенности медиасетей и цифровых технологий в современном обществе велика настолько, что «отсутствие позиции в этих сетях, или маргинальная позиция (стратегия дистанцирования) влечет социальное исключение». Ян ван Дейк, почетный профессор коммуникативных наук в университете Твенте в Нидерландах, выделяет три особенности информации:

1. Информация считается базовым благом. Базовые блага – это материальные и нематериальные блага, столь существенные для выживания и самоуважения индивидов, что их нельзя обменять на другие блага, это, например, базовый (для выживания) уровень дохода,

жизненные шансы, свободы и базовые права. Информация стала базовым благом в современном обществе в качестве особого – и растущего – необходимого минимума для участия в нем.

2. Информация как статусное благо. Статусные блага по определению дефицитные. Несмотря на феномен перегруженности общества информацией, она может быть дефицитной в определенных обстоятельствах.

3. Третий усиливающий эффект исходит из информации как источника навыков. Все чаще имеет значение не материальный или физический доступ к цифровым медиа, а возможность их использовать и получать из этого использования выгоду. Как обсуждалось ранее, современные исследователи находят все больше доказательств роста относительных неравенств в интернет-навыках и использовании интернета [13].

Ведущими странами в исследовании цифровых практик бездомных являются Австралия, Великобритания и США. В исследованиях авторы указывают на цифровой сдвиг в сфере предоставления государственных услуг. Агентство цифровой трансформации, специализированное подразделение правительства Австралии, разработало «Digital First» – стратегию перевода всех государственных услуг в цифровую среду к 2018 г. [14]. Аналогичные общегосударственные преобразования проводятся и в других странах.

В Соединенном Королевстве стратегия «Digital-by-default» была разработана в ответ на рекомендации Марты Лейн Фокс, британской интернет-предпринимательницы, филантропа и консультанта правительства Великобритании по цифровым вопросам, в ее докладе «Directgov 2010 and beyond: revolution not evolution» [15]. Стратегия трансформации правительства Великобритании на 2017–2020 гг. расширяет эти цели, чтобы «преобразовать отношения между гражданами и государством – передать больше власти в руки граждан и стать более внимательным к их потребностям» [16, с. 74].

Аналогичным образом при президенте Бараке Обаме правительство Соединенных Штатов представило свою «Стратегию Цифрового Правительства» с главной целью: «Предоставить американскому народу и все более мобильной рабочей силе доступ к высококачественной цифровой правительственной информации и услугам в любом месте, в любое время и на любом устройстве». В связи с этими изменениями людям, в том числе бездомным, все чаще требуется доступ к услугам в онлайн-среде.

Результаты международных социологических исследований 2014–2015 гг. в крупных городах Австралии, Великобритании и США выявили высокий уровень владения мобильными телефонами у бездомных. Согласно представленным результатам не менее 90 % бездомных имеют сотовый телефон, и не менее половины из них – смартфон [17].

В Австралии сотовые телефоны помогали бездомным поддерживать связь с друзьями и семьей, обращаться в различные службы и обучаться новым навыкам [18].

В Великобритании бездомные пользовались Интернетом не реже одного раза в неделю, обычно проводя от 1 до 3 часов за сессию, а также высказывали жалобы на ограниченный доступ и время в Интернете (компьютеры предоставлялись в социальных центрах). Ограниченный доступ к Интернету усложнял процесс решения их проблем: поиск жилья и работы, подачи заявлений и т. п. [19].

В России реализуются программы по цифровизации правительства и экономики. Стремительное развитие цифровых технологий приводит к инфраструктурному и технологическому

цифровому разрыву, который проявляется в увеличении неравенства в различных сферах жизни, потому что индивидуальное и общественное благополучие все больше зависит от способности использовать информационные и коммуникационные технологии для доступа к информации и знаниям [20]. В ноябре 2021 г. Правительство России утвердило проекты по цифровой трансформации социальной сферы [21]. Стоит отметить, что цифровые практики в социальной сфере начали активно применяться в период изоляции, связанный с пандемией COVID-19. Вместе с тем существуют определенные сложности в цифровизации социальных услуг: «Помимо инфраструктурных проблем, у граждан, прежде всего социально уязвимых слоев, необходимо выделить социально-психологические барьеры: непонимание и недоверие отдельных социальных групп – прежде всего старших возрастных – к цифровым технологиям. То есть существует недостаточный цифровой капитал» [22, с. 132].

Бездомные как социальная группа представляют интерес, поскольку традиционно являлись исключенными из социального взаимодействия. Объект исследования – группа с низким социально-экономическим статусом – бездомные, включая вернувшихся из мест лишения свободы.

В исследовании приняли участие бездомные двух категорий: вернувшиеся из мест лишения свободы и проживающие в доме ночного пребывания. Если все респонденты первой группы имеют травмирующий опыт исключения из общества и, как следствие, – лишения цифровых технологий, то респонденты второй группы имели возможность самостоятельно принимать решения, в том числе и в вопросах цифровых практик. Респонденты проживают в разных отделениях, но подведомственны одному учреждению – «Центру учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства». Отделение социальной адаптации граждан, вернувшихся из мест лишения свободы, единственное в г. Санкт-Петербурге работает только с бывшими заключенными. Отделение ночного пребывания ориентировано на граждан трудоспособного возраста, поэтому проживающие не могут находиться в отделении с утра и до вечера.

Исследование проводилось методом структурированного интервью. Интервью с респондентами получилось разной продолжительности – от 3 до 20 минут. Полученные данные анализировались по схеме: в какой период и какие цифровые технологии впервые появились в жизни респондента, был ли перерыв в использовании цифровых технологий или травмирующий опыт, который заставил отказаться от них и как это отразилось на отношении к цифровым технологиям в жизни респондентов. Другой блок вопросов в интервью был направлен на изучение цифровых практик респондентов: репертуар устройств и цель их использования.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показали, что люди в уязвимом положении, относящиеся к специфической и даже проблемной категории населения, пользуются цифровыми технологиями, но существуют некоторые особенности восприятия ими цифровых технологий и практик их использования. Анализ результатов исследования позволил выделить некоторые дискурсивные и поведенческие паттерны.

Дискурсивные паттерны выражаются в отношении к цифровым технологиям. Результаты исследования показали, что на отношение влияют возраст, когда цифровые технологии появились в жизни человека, и наличие (или отсутствие) периода, когда они были

недоступны для использования. Первые семь респондентов – люди, вернувшиеся из мест лишения свободы. Особенностью этой группы является факт превентивного исключения из общества. После возвращения из мест лишения свободы люди могут диаметрально противоположно реагировать на окружающий их мир. Люди с более высоким адаптивным потенциалом легче находят работу и начинают автономную жизнь, для других интеграция в общество, взаимодействие с разными системами оборачивается огромным стрессом. В срезе изучения цифровых практик освоение гаджетов становится источником дополнительного стресса.

Только один респондент указал на неудобства, связанные с необходимостью постоянно контролировать телефон (заряжать его вовремя, не оставлять дома): «раньше проще было». Вместе с тем респондент пользуется сервисами доставки товаров и электронными часами, что нехарактерно для остальных пользователей. Только респонденты, рано освоившие цифровые технологии, указывали на удобство получения подсказок в цифровом формате. Но большинство респондентов указали на готовность осваивать цифровые технологии на специальных образовательных курсах.

В интервью с респондентами, столкнувшимися с цифровыми технологиями после 30 лет (а несколько человек только в возрасте 47–50 лет), некоторые вопросы о цифровых технологиях вызвали затруднения, волнение, иногда возмущение. Освоение цифровых технологий вызывает сложности, а потребность в нем продиктована необходимостью, идущей из внешнего мира. Интересными представляются практики из жизни одного респондента. Мобильный телефон он использует для звонков по работе и поддержания контактов с друзьями. А смартфон респонденту нужен для работы в службе доставки товаров. Через смартфон он получает заказы в приложении, слушает музыку в машине, использует в нем навигатор. Респондент опасается других сервисов: «Там одни мошенники в интернете! Всем надо бабла!», а за помощью обращается к приятелю: «Я даже не знаю: пароль, имейл, аккаунт (смеется) – я это ничего не знаю, он за меня все делает». В самом уязвимом положении оказываются люди, никогда прежде не взаимодействовавшие с цифровыми технологиями: «Когда появились цифровые технологии, я уже отбывал срок. Это было в 2002 г., я не застал этого. Мне сейчас очень тяжело дается эта техника: везде эти кнопки тыкать, меня уже гонят, говорят: “Не нажимайте кнопки никакие, мы сами нажмем”, я просто их тыкаю и там что-то происходит». Сложности начинаются с самых простых для обычных пользователей вещей: написания смс, пополнения счета сим-карты. Обучение навыкам использования цифровых технологий тоже дается с трудом: некоторые вещи сложно запомнить – нужно записать, далеко не все готовы повторно что-то объяснять. Для респондента вопрос овладения цифровыми технологиями связан и с ощущением себя в обществе: «Я бы, конечно, хотел овладеть навыками... чтобы не быть таким отстающим или, например, немножко понимать вот эту всю технологию. Хотя бы чтоб мне стало полегче, чтобы в дальнейшем я мог этим уже легко пользоваться».

Вторая группа респондентов – это люди, добровольно ушедшие из дома или потерявшие его в силу трагических обстоятельств. Существенного перерыва в использовании цифровых технологий у них не было. В этой группе тоже прослеживается влияние возраста, когда первые цифровые технологии появились в жизни, на отношение к ним. Несколько

респондентов указали, что на протяжении всей жизни часто теряли, меняли телефоны. Значительным отличием респондентов группы является появление компьютера раньше, чем появился телефон (у 5 из 8 респондентов). Все респонденты указали, что им несложно осваивать новые цифровые технологии.

Респонденты старше 60 лет и начавшие использовать цифровые технологии в 40 лет сошлись во мнениях, что для жизни в современном обществе использование цифровых технологий необязательно. Некоторые респонденты отказались от цифровых технологий: «Я пользовался и смартфоном с интернетом, и банковскими картами, и скидочными картами – толку от них нет!». Респонденты, считающие современные технологии важной частью современной жизни, указывают на желание пройти обучающие курсы. Один респондент указал, что «особенно хотелось бы освоить фотопроцессор и вернуться к занятиям фотографией».

Только у двух респондентов есть друзья, готовые помогать с настройкой телефона. Трое респондентов, в силу развитости собственных компетенций, предпочли бы цифровые подсказки. Двое респондентов не заинтересованы в развитии навыков и не готовы обращаться за помощью. Остается группа из 8 человек трудоспособного возраста (от 48 до 61 года), не имеющих возможности обратиться за помощью и получить объяснения: «У меня даже представления нет, как туда ходить, как оплачивать услуги вот эти, по договору. Для меня это очень тяжело. И действительно для меня это очень сложно. Раньше я пришел в кассу, деньги дал, сказал за что, – все: деньги забрали, чек мне дали, – я оплатил и пошел. Сейчас же вот эти вот все кнопки, эти приложения... Для меня это совсем чужое, я не могу это уловить сразу».

Поведенческие паттерны – это репертуар цифровых сервисов и гаджетов, которые используют респонденты в повседневной жизни. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о «пользовательском наборе»: электронный проездной, платежные терминалы, скидочные карты, мобильный телефон, банковская карта, Единая карта петербуржца (ЕКП), смартфон. Значимость перечисления именно в таком порядке позволяет дифференцировать цифровые технологии по степени персонификации пользователя.

В исследовании группы респондентов из числа получателей социальных услуг не выявился паттерн предпочтения обезличенных сервисов и технологий. Можно предположить, что использование банковской карты необходимо для получения пенсий, пособий, так как многие работают неофициально. Только у одного респондента не было ни банковской карты, ни смартфона, еще у трех – либо банковская карта, либо смартфон.

Типичным «набором пользователя» является банковская карта (13 чел.), электронный проездной (13 чел.), смартфон (12 чел.).

Далеко не все пользуются скидочными картами (8 чел.), платежными терминалами (7 чел.), ЕКП пользуются 5 респондентов (они же пользуются и смартфоном, и практически всеми вышеперечисленными технологиями). Мобильные телефоны были у пяти человек, планшеты – у троих, ноутбук – у одного.

Нетипичный «набор пользователя» был у пяти респондентов. Первый респондент рассказал, что ему нравятся электронные сигареты, он часто пользуется плеером, а летом катался на электросамокате. Второй респондент во время интервью получил посылку из онлайн-магазина, в ней были: портативный аккумулятор, электронные часы и триммер.

Третий респондент пользуется портативным аккумулятором, беспроводными наушниками и копит деньги на ноутбук. Четвертый респондент пользуется банковской кэшбэк-программой и изучает английский на бесплатных онлайн-курсах. Пятый респондент (самый молодой) не использует пластиковые карты (проездные, скидочные, банковские) – хранит всю информацию в смартфоне и пользуется всеми сервисами через него.

Заключение. Результаты первого российского исследования оказались во многом неожиданными. Во-первых, развеян стереотип, что все бездомные дистанцированы от мира настолько, что не имеют доступа к цифровым технологиям. Во-вторых, отвергнуто предположение, что бездомные если и пользуются, то предпочитают неперсонифицированные технологии и сервисы по причине своего маргинального положения.

Анализ результатов исследования показал, что даже люди в уязвимом положении, относящиеся к специфической и даже проблемной категории населения, пользуются цифровыми технологиями.

В типичный «набор пользователя» входят банковская карта (13 чел.), электронный проездной (13 чел.), смартфон (12 чел.).

Бездомные из числа получателей социальных услуг владеют смартфонами, и для них это не просто статусная вещь: многим смартфоны и доступ в Интернет помогали в трудных жизненных ситуациях и являются важной частью жизни для поддержания социальных связей и профессиональной деятельности.

Прослеживаются следующие закономерности: если цифровые технологии появились в возрасте до 30 лет, то респондентам представляется, что они упрощают их жизнь, и далее чем старше респондент и чем дольше цифровые технологии были ему недоступны, тем сложнее дается их освоение. Особенно это заметно на группе респондентов, вернувшихся из мест лишения свободы. Для них освоение навыков использования цифровых технологий связано с необходимостью интеграции в общество и ориентацией в пространстве мегаполиса и становится внешней необходимостью.

Результаты исследования группы бездомных, проживающих в социальных центрах, можно считать достоверными, поскольку социально-демографический портрет проживающих практически не меняется в отделениях подобного типа. Перспективой будущих исследований становится продолжение исследования на примере других организаций и изучения других категорий бездомных (обращающихся за ночлегом на одну ночь или не посещающих социальные организации). Также можно обратить внимание на возможность разработки новых практик социальной работы с учетом полученных результатов исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социол. исслед. 2021. № 1. С. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.
2. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. NY: Basic Books, 1976.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе / под ред. В. Харитоновой; пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

4. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социол. исслед. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
5. Becker B. Virtualisierung des Sozialen: Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung / B. Becker, M. Paetau (Hrsg.). Frankfurt am Main: Campus Verlag Frankfurt, 1997.
6. Bühl W. L. Historische Soziologie: Theoreme und Methoden. Münster: LIT, 2003.
7. van Dijk J. A. G. M. Inequalities in the network society // Digital Sociology. 2013. С. 105–124. DOI: 10.1057/9781137297792_8.
8. Excerpts from "Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use" / P. Dimaggio, E. Harittai, C. Celeste, S. Shafer // Inequality in the United States: A Reader. London: Routledge, 2020. С. 98–113. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003071709>.
9. Haddon L. Information and communication technologies in everyday life. Oxford: Berg, 2004.
10. Ragnedda M., Ruiu M. L., Addeo F. Measuring digital capital: an empirical investigation // New Media Society. 2020. Vol. 22, iss. 5. P. 793–816. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819869604>.
11. Silverstone R., Hirsch E. Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces. London: Routledge, 1992.
12. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>.
13. van Deursen A., van Dijk J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2010. Vol. 13, iss. 6. С. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.
14. Chen J. Breaking Down Barriers to Digital Government How can we enable vulnerable consumers to have equal participation in digital government? // ACCAN. 2017. URL: <https://accan.org.au/our-work/research/1439-breaking-down-barriers-to-digital-government> (дата обращения: 24.03.2022).
15. Lane Fox M. Directgov 2010 and beyond: Revolution not evolution // Gov.uk. 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/directgov-2010-and-beyond-revolution-not-evolution-a-report-by-martha-lane-fox> (accessed 24.03.2022).
16. Government transformation strategy 2017 to 2020 // Gov.uk. 09.02.2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/government-transformationstrategy-2017-to-2020> (accessed 24.03.2022).
17. No Digital Divide? Technology Use among Homeless Adults / H. Rhoades et al. // J. of social distress and the homeless. 2017. Vol. 26, iss. 1. P. 73–77. DOI: 10.1080/10530789.2017.1305140.
18. Humphry J. "Digital First": homelessness and data use in an online service environment // Communication Research and Practice. 2019. Vol. 5, iss. 2. P. 172–187. DOI: 10.1080/22041451.2019.1601418.
19. Lemos G., Frankenburg S. Trends and Friends: access, use and benefits of digital technology for homeless and ex-homeless people. London: Lemos&Crane, 2015.
20. Сафиуллин А. Р., Моисеева О. А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602.
21. Распоряжение от 6 ноября 2021 г. № 3144-р. 2021 // Правительство РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZIA968CdCPuk916nh8WX.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).
22. Бородкина О. И., Сибирев В. А. Цифровой капитал потребителей социальных услуг: факторы влияния и потребность в инвестициях // The J. of Social Policy Studies. Vol. 19, no. 1. P. 129–142. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.

Информация об авторе.

Черноиванова Анна Сергеевна – магистрант (1 курс) факультета социологии, кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 11 научных публикаций.

Сфера научных интересов: социология в цифровом обществе, цифровые практики, цифровой разрыв, уязвимые группы населения.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.04.2022; принята после рецензирования 29.04.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Asochakov, Yu.V., Bogomiagkova, E.S. and Ivanov, D.V. (2021), "New dimension of social development: Activities and creativity in the internet communications", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.
2. Bell, D. (1976), *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, Basic Books, NY, USA.
3. Castells, M. (2004), *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*, in Haritonov, V. (ed.), Transl. by Matveev, A., U-Faktoriya, Ekaterinburg, RUS.
4. Ivanov, D.V. (2020), "Augmented modernity: effects of post-globalization and post-virtualization", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
5. Becker, B. (1997), *Virtualisierung des Sozialen: Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung*, Becker, B., Paetau, M. (Hrsg.), Campus Verlag Frankfurt, Frankfurt am Main, GER.
6. Bühl, W.L. (2003), *Historische Soziologie: Theoreme und Methoden*, LIT, Münster, GER.
7. van Dijk, J.A.G.M. (2013), "Inequalities in the network society", *Digital Sociology*, pp. 105–124. DOI: 10.1057/9781137297792_8.
8. Dimaggio P., Harittai E., Celeste C. and Shafer, S. (2020), "Excerpts from "Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use"", *Inequality in the United States: A Reader*, Routledge, London, UK, pp. 98–113. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003071709>.
9. Haddon, L. (2004), *Information and communication technologies in everyday life*, Berg, Oxford, UK.
10. Ragnedda, M., Ruiu, M.L. and Addeo, F. (2020), "Measuring digital capital: an empirical investigation", *New Media and Society*, vol. 22, iss. 5, pp. 793–816. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819869604>.
11. Silverstone, R. and Hirsch, E. (1992), *Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces*, Routledge, London, UK.
12. Martynenko, T.S. and Dobrinskaya, D.E. (2021), "Social inequality in the age of algorithms: from digital to algorithmic divide", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>.
13. van Deursen, A. and van Dijk, J. (2010), "Internet skills and the digital divide", *New Media & Society*, vol. 13, iss. 6, pp. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.
14. Chen, J. (2017), "Breaking Down Barriers to Digital Government How can we enable vulnerable consumers to have equal participation in digital government?", ACCAN, available at: <https://accan.org.au/our-work/research/1439-breaking-down-barriers-to-digital-government> (accessed 24.03.2022).
15. Lane Fox, M. (2010), "Directgov 2010 and beyond: Revolution not evolution", *Gov.uk*, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/directgov-2010-and-beyond-revolution-not-evolution-a-report-by-martha-lane-fox> (accessed 24.03.2022).
16. "Government transformation strategy 2017 to 2020" (2017), *Gov.uk*, 09.02.2017, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/government-transformationstrategy-2017-to-2020> (accessed 24.03.2022).
17. Rhoades, H. et al. (2017), "No Digital Divide? Technology Use among Homeless Adults.", *J. of social distress and the homeless*, vol. 26, iss. 1, pp. 73–77. DOI: 10.1080/10530789.2017.1305140.
18. Humphry, J. (2019), "'Digital First': homelessness and data use in an online service environment", *Communication Research and Practice*, vol. 5, iss. 2, pp. 172–187. DOI: 10.1080/22041451.2019.1601418.

19. Lemos, G. and Frankenburg, S. (2015), *Trends and Friends: access, use and benefits of digital technology for homeless and ex-homeless people*, Lemos&Crane, London, UK.

20. Safiullin, A.R. and Moiseeva, O.A. (2019), "Digital Inequality: Russia and other countries in the Fourth industrial revolution", *St. Petersburg State Polytechnical University J. Economics*, vol. 12, no. 6, pp. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602.

21. "Order dated November 6, 2021, no. 3144-r. 2021", *The Russian Government*, available at: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZIA968CdCPuk916nh8WX.pdf> (accessed 24.03.2022).

22. Borodkina, O.I. and Sibirev, V.A. (2021), "The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment", *The J. of Social Policy Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 129–142. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.

Information about the author.

Anna S. Chernoiivanova – Master's Degree student (1st year) of the Faculty of Sociology, Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: sociology in a digital society, digital practices, digital divide, vulnerable groups of the population.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.04.2022; adopted after review 29.04.2022; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 314

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-82-91>

Original paper

The Sociological Approach to the Values of the Manager

Elena S. Gurenko^{1✉}, Elena H. Karpova²

^{1,2}*The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia*

^{1✉}*ges1000@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4033>*

²*pedagogikanet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4062-8957>*

Introduction. This article explores the system of values of the modern manager in the context of social processes, social structure, and the sociology of management. The authors set the task to determine the degree of importance of such “parameters” as gender, age, the length of management activity, etc. in management systems and processes, paying particular attention to the professional priorities and values that contribute to success in business.

Methodology and sources. Based on quantitative and qualitative studies of the works of various authors the management mechanism in the context of modern science is analyzed and the relationship between personality and management style is established through values and the system of values of the person – the theoretical basis of the study. The empirical basis of the study consisted in the data obtained during an in-depth interview in which active managers of different age, length of employment and employment status were interviewed to form an idea of the manager's activity in modern Russian organizations and to determine their professional priorities and values influencing their success.

Results and discussion. As a result of the study, it was found that, since the formation of the manager values is influenced by various social factors and peculiarities of individual development, it is necessary to consider the management activity in the light of sociology. The range of values significant for the manager, personal and those for achieving success in business, is as follows: family, health, systems thinking, implementation of ideas and constant self-development.

Conclusion. The authors conclude that the basis for the modern manager success is not only a good state of internal talent, including with similar values but also his ability to be responsive to all changes and be ready to clearly reorganize and adapt the parts of his business. The inclusion of the systems thinking as a priority value in his management function structure will give an additional advantage in this regard.

Keywords: sociological approach, management sociology, values, system of values of a manager, systems thinking

For citation: Gurenko, E.S. and Karpova, E.H. (2022), “The Sociological Approach to the Values of the Manager”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 82–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-82-91.

© Gurenko E. S., Karpova E. H., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Социологический подход к ценностным ориентациям руководителя

Елена Сергеевна Гуренко^{1✉}, Елена Григорьевна Карпова²

^{1,2}Российский государственный университет

им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия

^{1✉}ges1000@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4033>

²pedagogikanet@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4062-8957>

Введение. В данной статье рассматриваются ценностные ориентации современного руководителя с точки зрения социальных процессов, социальной структуры, социологии управления. Авторами ставится задача определить степень значимости таких «параметров», как пол, возраст, стаж управленческой деятельности и другие в системах и процессах управления, уделяя особое внимание профессиональным приоритетам и ценностям, которые способствуют достижению успеха в бизнесе.

Методология и источники. На основании исследований трудов различных авторов анализируется непосредственно механизм управления в контексте современной научной базы и устанавливается связь между личностью и стилем руководства через ценности и ценностные ориентации человека, что определяет теоретико-методологическую базу исследования. Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в ходе глубинного интервью, в рамках которого были опрошены действующие руководители разного возраста, стажа и статуса в занятости, с целью формирования представления о деятельности руководителя в современных российских организациях, а также для определения их профессиональных приоритетов и ценностей, влияющих на успех.

Результаты и обсуждение. В результате исследования было установлено, что, поскольку на формирование ценностей руководителя влияют различные социальные факторы и особенности индивидуального развития, то рассматривать его управленческую деятельность необходимо сквозь призму социологии социальных процессов. Диапазон значимых для руководителя ценностей, личностных и необходимых для достижения успеха в бизнесе, выглядит следующим образом: семья, здоровье, системное мышление, реализация идей и постоянное саморазвитие.

Заключение. Авторы делают вывод о том, что основой успешной деятельности современного руководителя является не только хороший кадровый потенциал, в том числе со схожими ценностями, но и его способность чутко реагировать на все изменения и быть готовым к четкой реорганизации и адаптации частей своего бизнеса. Дополнительное преимущество в связи с этим руководителю может обеспечить добавление в структуру его управленческой роли системного мышления как приоритетной ценности.

Ключевые слова: социологический подход, социальные процессы, ценности, ценностные ориентации руководителя, управление, системное мышление

Для цитирования: Гуренко Е. С., Карпова Е. Г. Социологический подход к ценностным ориентациям руководителя // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 82–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-82-91.

Introduction. Management activity takes one of the central places in human consciousness today. It is varied and manifests itself in different forms. That is why there are many discussions, including in the business community, about who is a manager and by what criteria he can be considered good and effective. The fact remains indisputable – management activity is necessary

for the success of groups, organizations, and companies. But if the majority of disciplines studying this concept focus primarily on the personality of the manager himself, examining it in the context of his personal characteristics, qualities and behavior styles (for example, psychology) and in the context of his knowledge, competence and financial productivity (for example, management), then from the sociological point of view the study of management activity is based on understanding how a manager achieves success in groups, organizations, and society. And here such “parameters” as gender, age, education, marital status, range of management authority, etc. become relevant. In other words, the sociological view of management activity includes the aspects of business, psychology, economics, and sociological analyses of different years that describe the mechanism of social changes and relations, as well as regularities of social actions and behavior in the management systems and processes [1].

This approach entails additional research, the results of which are reflected in our work and will be useful not only to young employees who are interested in career development but also to managers with experience, as they give a more holistic comprehension of management activities and orient them to success.

Methodology and sources. This paper contains the most interesting results of our theoretical and empirical research. The purpose of the work was to describe the system of values and system of values of the manager from a sociological point of view, as well as to determine the degree of significance of the value of operational mindset in the social structure of the role of the manager. To realize the above goal, the following tasks were set:

1) to identify the range of tasks solved by managers of different levels of the management hierarchy;

2) empirically determine the system of system of values of the managers according to several criteria;

3) to conduct a comparative analysis of the results and determine the degree of significance of systems thinking in the hierarchy of managers' values. The object of the study was the system of system of values of the manager of the Russian organization.

Domestic and foreign practice the term is used “manager” [2], in our study we differentiated these concepts in relation to the functions performed by specialists, and used the term “manager”, because it is based on the human factor:

– a manager is a person officially charged with managing and organizing the staff and is legally responsible for the functioning of the group (collective) to the authority which appointed (elected, approved) it and has strictly defined opportunities to punish and encourage subordinates to influence their productive activity.

As a theoretical basis of research, we used the relevant works, publications, theories and classifications of various authors. If we turn to history, we will see that the management science as such was formed through the efforts of scientists from different countries, including such American classics as R.L. Ackoff, F.W. Taylor, F.J. Roethlisberger, and our national researchers A. Bogdanov, A. Gastev, P. Anokhin, N. Lapin, V. Yadov [3], and Japanese businessmen, who have a high degree of commitment to their companies and a sense of the importance of their contribution to collective success [4]. The penetration of sociology into management has made it possible to study this process in more detail by incorporating additional and specific information

about various social objects. Currently, the effectiveness of any management environment is largely determined by how deep is its scientific rationale, in this regard, the actual task is to achieve the best combination of theoretical scientific knowledge and practical expediency (compliance with the realities. The article emphasizes the idea that theoretical concepts must be deeply embedded in all stages of management environment. It is about integrating sociological knowledge into the structure of management environment. Integration of sociology and social sciences in management processes, as a variety of social processes, will allow to determine the main directions and means of implementation of socially important goals on the basis of specific research, to give scientific justification, forecast the consequences of decisions made, evaluate the implemented measures in accordance with clear criteria of effectiveness [5].

Sociology also examines the nature of relationships in a management structure headed by a manager. We are primarily interested in management in the business sphere – the organizational level, so let's consider it in more detail. Since the number of managers, as well as the degree of division of labor and specialization in this segment is constantly growing, we distinguish between) [6]:

- 1) senior management (defines strategies, allocates resources across enterprises, etc.);
- 2) middle management (production and development control, marketing, human resources, reporting, and finances);
- 3) operations managers (control over executive personnel activity).

As you can see from this classification, the structure of the functions of the leader may include systems of legal and other social norms, the system of expectations imposed on the manager by others, higher or lower in status [7]. All of them, in their turn, determine the manager's responsibilities and duties. At the same time, the leadership role gives a person the right to take certain actions with regard to his/her subordinates to effectively manage their activity and the business as a whole. And from this, we can deduce that the personality and the leadership role assigned to it have a mutual influence on each other [8]. In other words, not only the personality can influence the leadership style but also the leadership role structure can contribute to the formation of specific characteristics and qualities of a personality. For example, the role of a top manager implies a large number of multilateral situations, which, in turn, require not only good communication skills but also developed systems thinking to understand how the other party thinks [9]. This means that in this case we can say that the role of the manager is a means of embodying his values and system of values.

The mechanism of such values and value orientations' formation was discussed in detail in his works by Talcott Parsons, the classic American sociologist. He wrote that value standards penetrate into the personality system in two ways and regulate the relationship of the subject (in our case, the manager) with the group (in our case, the professional team). The first way is performed through socialization (in our case – the training system of the future specialist), the second – through the inclusion of values in the system of actions that are associated with roles in the social structure [10] (in our case – with leadership roles in the group, organization).

The empirical research was conducted in two stages. The first stage was an in-depth interview with executives of different employment status at the age of 40–48, the purpose of which was to form an idea of managers' activities in modern companies, as well as to determine their professional priorities and the system of values that contribute to the achievement of success.

30 managers of various Russian organizations (from owners to managers of departments, structural subdivisions) were interviewed from September to October 2021. Territorial boundaries of the study: the Russian Federation. The sample is represented by the criteria of “employee's place in the management hierarchy of the company”.

The second stage of the empirical study was a comparative analysis of the data obtained, their interpretation and reduction to a unified system.

The following facts were taken into account in our research:

1) All participants of empirical research are included in production relations (acting managers), which allowed to obtain reliable data on the specifics of management processes in the Russian organizations.

2) The managers who participated in the research are representatives of different types of companies and different activity areas, which nevertheless allowed us to identify some common patterns in their activities.

3) Obtaining a consistent and true picture required the involvement of several groups of respondents – the representatives of different levels of management hierarchy (from owners to heads of departments and divisions of organizations), who were asked the same questions.

Results and discussion. The results of the structured in-depth interview highlighted the following trends:

1) The majority of mid-level managers moved to this position from a position of average executive, i.e., career changes were made vertically within the same organization. At the same time, some of them initially were not after this position. *“They said you'll be in his place”*, says Sergei, the manager of a large industrial equipment manufacturing company (46 years old, 9 years of experience in a management position). *“I was the most efficient manager and held more than 80 % of the company's turnover. They must have decided that I could do it”*. High-level managers are predominantly from the 45+ age group, usually have family and children. On the other hand, it is difficult for a manager to grow vertically without expanding his professional knowledge and skills. This means that he develops in two directions - horizontal and vertical, at least in the initial stages of his formation.

2) Despite different corporate profiles, almost half of the respondents adhere to the democratic style of management in their work as the most effective. *“I'm more of a democratic leader, let's put it this way. I adjust to the structure; I understand what people are like. I select a new team and hone it for me”*, says Andrey, the Director of a large electrotechnical company cooperating with the state supervisory authorities (49 years, about 25 years of management experience). *“I am not driving hard. I try to negotiate with people”*. In other words, today the managers do not manage the work of individual employees but the work of the entire team by leading it to success through the satisfaction of individual needs. They not only give instructions but also explain how to perform them, not just supervise but support.

3) A manager's system of values includes the value of family, health, systems thinking, implementation of ideas and continuous self-development. According to 18 respondents, these values help to move towards the goal. At the same time, some managers identify the value of family with the value of love or even money, explaining that *“<...> without love you cannot have a family, children <...> everything we do is for the family: money, status – everything home”*

(Mikhail, 48 years old, 5 years of experience – the Director of a small metal construction factory). Accordingly, when ranking the categories of values (economic, social, spiritual, family) almost all put family values in the first place. It is interesting that the focus on family changes for some respondents not only with age but also with the transition of the company to a new stage of development. Andrey, the owner of a small construction business (47 years old, 4 years of management experience) says that “<...> *today family values are the basis of everything for me but a couple of years ago, at the startup stage, I would have probably named other values*”. Hence there is a new trend – the business is also becoming more flexible to the needs of employees, their family obligations, which in turn ensures the effective work of the entire organization and the loyalty of people. This trend was especially evident during the pandemic and now, against the background of aggravation of the situation around Ukraine, which is quite predictable. Crisis situations, force majeure and instability in the world expose the very value of physical life.

4) The system of values of managers in the context of their business activities, characterizing the principle of usefulness, which is based on the focus on achieving results and success in business, can be represented as an operational mindset – honesty (integrity) – responsibility – stress resistance.). These values were named by 17 of the respondents. According to the results of our survey, some executives also associate success with a team (“*Manager is not alone. It's a team and the ability to create a team*”, says Alexey, 46 years old, 7 years of experience, the owner of a consulting company), the ability to change and healthy competition. Speaking about healthy competition, we mean primarily cooperation, not competition, which in any case causes loss of time, effort, physical and emotional health (“The most important thing should be the ability to change yourself and people, but not by force, but by example, so that they stretch, trying to get ahead of you. This I call a healthy competition, which guarantees profits”, – explains his position Sergey, 46 years, 9 years of management experience, manages an enterprise for the production of industrial equipment).

5) As we indicated above, the positions of the majority of respondents regarding the main values for them personally and for achieving success in business coincided. Systems thinking is among them (14 respondents indicated it). Or “... *systems thinking is like playing chess. If you make a move, you need to understand what actions your partners (competitors) will take in some time, and be prepared. You have to rely on statistics, do analyses*”, Alexander, the manages of sales at the leasing company (45 years, 7 years of management experience), explains this concept. “*When you think systematically, you save a lot of your own, people's, the company's time (resources) to implement goals <...> The system makes life easier*”, argues Mikhail, the owner of a small business in the service sector (47 years, 10 years of management experience). This interpretation speaks not only about a fairly strong theoretical background (game theory: Nash equilibrium, prisoner's dilemma, etc. [11] of modern managers but also about their ability and desire to mobilize this knowledge in practice, and about the willingness of experienced (and more senior) managers to go beyond traditional business and adjust to the realities of a rapidly changing modern world. That is, systems thinking, based on basic skills, helps managers understand how to get the most out of them and thereby lead the business to success.

From the above we can see that it is safe bet that management in a business environment brings stability. That is, no change in a group, department, or company will occur without

a manager, who is an important social agent in the entire organization. This is one of the main reasons why management environment should be viewed through the lens of sociology, which is precisely the focus on the individual as the main element of society and relationships.

Conclusion. An important conclusion of our study was the identification of the main content of the value principles that Russian managers adhere to in relation to their employees – the belief that good human resources (including those with similar values and value orientations), is the basis of their successful business activities, and compliance with ethical standards in interaction with employees.) That is, we can see that the balance has shifted precisely in the direction of employees, and their value orientations and attitudes (family, private life, a positive atmosphere in the team, rather than high earnings) have become a definite advantage, which must now be respected. This is confirmed by the results of a recent global Edelman Trust Barometer study, conducted by the US international public relations and strategic communications agency Edelman, in the summer of 2021 in the midst of the next pandemic wave [12].

But since most modern organizations operate in systems full of interconnections and constant responsiveness, managers today need a separate “tool” to plan such complex systems and navigate strategies [13]. Moreover, the result will depend on the manager's ability to be sensitive to all changes and be prepared for precise reorganization and adaption of their business constituents. With such an understanding of management activity, adding the systems thinking as a priority value to the manager role structure can provide him with obvious advantages – to formulate complex tasks and goals, to show alternative directions for improving the company's internal and external connections, to ensure the business sustainability [14]. And although the latter requires special skills and a deeper understanding of the management process, systems thinking can be successfully implemented and used to strengthen any business. Many open sources data demonstrate that the main values that constitute today the manager's personality are also material welfare, career development, social status, and the family [15]. In spite of the fact that the values can be considered as independent categories of the personality's individual relation to the reality according to the fluctuation theory developed by P. Sorokin [16] or as components of some structure formations under T. Parsons's theory of normative functionalism [17], the very question of the value orientations of the modern manager in the management process remains debatable and requires further study, because over the past two years the world has faced unprecedented challenges and is forced to adapt to conditions in which no one has been before. Increasing the status of scientific knowledge in the process of management environment is not just a necessity for Russia, but a result of the dynamics of socio-economic relations in management environment, dynamic external social environment, development of social processes and structures in society.

REFERENCES

1. Bushkova-Shiklina, E.V. (2016), *Tsennostnye indikatory lichnosti i deyatel'nosti rukovoditelya* [Value indicators of the personality and activities of the leader], Infra-M, Moscow, RUS.
2. Konichev, V.A. (2012), “The effectiveness of the manager & the success of the enterprise”, *Vestnik OSU*, no. 2 (138), pp. 308–313.
3. Bogatyrev, M.A. (2009), “Development of management in Russia. Features of the development of modern Russian management”, *Terra Economicus*, vol. 7, no. 2 (Part 3), pp. 85–90.
4. Mazur, I.I. and Shapiro, V.D. (2011), *Osobennosti menedzhmenta pokoleniya* [Generation Management Peculiarities], Piter, SPb., RUS.

5. Osipov, G.V. (2015), "Historical Mission of Russian Sociology: Problems and Prospects", *Materials All-Russian Scientific and Practical Conference "Society and Sociology in Modern Russia": in 3 vol.* ISED T RAS, Vologda, RUS, 13–15 November 2014, vol. 1, pp. 18–26.
6. Korneva, E.V., Eremina, I.Yu. and Chuprova, I.Yu. (2020), "Organizational structure as the basis for effective enterprise management system", *Regional problems of transforming the economy*, no. 6, p. 92–99. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-06-92-100.
7. Tikhonova, E.V. and Zaitseva, O.A. (2017), *Upravlencheskaya svoboda v sisteme sovremennoi organizatsii* [Managerial freedom in the system of modern organization], Izd. dom GUU, Moscow, RUS.
8. Sherwood, D. (2016), *Seeing the Forest for the Trees: A Manager's Guide to Applying Systems Thinking*, Albina Publisher, Moscow, RUS.
9. Poleyaya, E.V. (2019), "Evolution of organizational structures of management and their classification in the modern world", *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 9, iss. 5A, pp. 436–447.
10. Parsons, T. (2002), *Structura of Social Action*, 2nd ed., Transl. by Bakshtein, I., Belyaeva, G., Sedova, L. and Chesnokova, V., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
11. Dovbenko, M.V. and Osik, Yu.I. (2011), *Sovremennye ekonomicheskie teorii v trudakh nobeliantov* [Modern economic theories in the works of Nobelists], Akademiya estestvoznaniya, Moscow, RUS.
12. Eddelman, R. (2021), "The Belief-Driven Employee", *Edelman*, available at: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer/belief-driven-employee/new-employee-employer-compact> (accessed 06.02.2022).
13. Halecker, B. and Hartmann, M.H. (2013), "How can Systems Thinking add Value to Business Model Innovation?", *The XXIV ISPIM Conference – Innovating in Global Markets: Challenges for Sustainable Growth in Helsinki*, FIN, available at: https://www.researchgate.net/publication/263045917_How_can_Systems_Thinking_add_Value_to_Business_Model_Innovation (accessed 06.02.2022).
14. Gurenko, E.S. and Karpova, E.G. (2021), "Value orientations of the Modern Manager", *II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society*, Krasnoyarsk, RUS, May 19–21, 2021, pp. 2421–2429. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.270.
15. Florovskii, S.Yu. (2003), "Value-oriented regulation of the joint managerial activity of leaders: dynamics in the transition period", *Upravlenie sistemoi sotsial'nykh tsennostei lichnosti i obshchestva v mire izmenenii* [Managing the system of social values of the individual and society in a world of change], vol. 2, KGU, Moscow; Kostroma, RUS, pp. 208–212.
16. Sorokin, P.A. (1942), *Society, culture, and personality: their structure and dynamics, a system of general sociology*, Haper & Bros, NY, USA.
17. Parsons, T. (1951), *The social system*, Lowe and Brydone Ltd., London, UK.

Information about the authors.

Elena S. Gurenko – Postgraduate at the Department of Social Studies and Advertising Communications, The Kosygin State University of Russia, 33 Sadovnicheskaya str., bld. 1, Moscow 117997, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: sociology, management sociology.

Elena H. Karpova – Dr. Sci. (Pedagogy) (2007), Professor (2010), Head of the Department of Social Studies and Advertising Communications, The Kosygin State University of Russia, 33 Sadovnicheskaya str., bld. 1, Moscow 117997, Russia. The author of more than 170 scientific publications. Area of expertise: marketing sociology, education sociology, other social institutions.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.02.2022; adopted after review 22.03.2022; published online 23.06.2022.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушкова-Шиклина Э. В. Ценностные индикаторы личности и деятельности руководителя. М.: Инфра-М, 2016.
2. Конышев В. А. Эффективность менеджера – успех деятельности предприятия / Вестн. ОГУ. № 2 (138). 2012. С. 308–313.
3. Богатырев М. А. Развитие управления в России. Особенности развития современного российского менеджмента // Terra Economicus. 2009. Т. 7, № 2 (ч. 3). С. 85–90.
4. Мазур И. И., Шапиро В. Д. Особенности менеджмента поколения. СПб.: Питер, 2011.
5. Осипов Г. В. Историческая миссия российской социологии: проблемы и перспективы: мат. Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России»: в 3 т., г. Вологда, 13–15 нояб. 2014 г. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. Т. 1. С. 18–26.
6. Корнева Е. В., Еремина И. Ю., Чупрова И. Ю. Организационная структура как основа эффективной системы управления предприятием // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 6. С. 92–99. DOI: 10.26726/1812-7096-2020-06-92-100.
7. Тихонова Е. В., Зайцева О. А. Управленческая свобода в системе современной организации. М.: Изд. дом ГУУ, 2017.
8. Шервуд Д. Системное мышление для руководителей. Практика решения бизнес-проблем / пер. с англ. И. Окунькова. М.: Альпина Паблишер, 2016.
9. Полевая Е. В. Эволюция организационных структур управления и их классификация в современном мире // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 5А. С. 436–447.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. / пер. с англ. И. Бакштейн, Г. Беляевой, Л. Седова, В. Чесноковой. М.: Академический Проект, 2002.
11. Довбенко М. В., Осик Ю. И. Современные экономические теории в трудах нобелиантов. М.: Академия естествознания, 2011.
12. Edelman R. The Belief-Driven Employee // Edelman. 2021. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer/belief-driven-employee/new-employee-employer-compact> (дата обращения: 06.02.2022).
13. Halecker B., Hartmann M. H. How can Systems Thinking add Value to Business Model Innovation? // The XXIV ISPIM Conference – Innovating in Global Markets: Challenges for Sustainable Growth in Helsinki, Helsinki. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/263045917_How_can_Systems_Thinking_add_Value_to_Business_Model_Innovation (дата обращения: 06.02.2022).
14. Gurenko E. S., Karpova E. G. Value orientations of the Modern Manager // II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society, Krasnoyarsk, May 19–21, 2021 / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, 2021. P. 2421–2429. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.270.
15. Флоровский С. Ю. Ценностно-ориентированная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей: динамика в условиях переходного периода // Управление системой социальных ценностей личности и общества в мире изменений. Москва; Кострома: КГУ, 2003. Т. 2. С. 208–212.
16. Sorokin P. A. Society, culture, and personality: their structure and dynamics, a system of general sociology. NY: Harper & Bros, 1942.
17. Parsons T. The social system. London: Lowe and Brydone Ltd., 1951.

Информация об авторах.

Гуренко Елена Сергеевна – аспирантка кафедры социологии и рекламных коммуникаций Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, Москва, 117997, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология, социология управления.

Карпова Елена Григорьевна – доктор педагогических наук (2007), профессор (2010), заведующая кафедрой социологии и рекламных коммуникаций Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, Москва, 117997, Россия. Автор более 170 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология маркетинга, социология образования, других социальных институтов.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.02.2022; принята после рецензирования 22.03.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 811.11

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-92-104>

Репрезентация «мягких навыков» в англоязычных и русских песнях

**Марина Валерьевна Петрова^{1✉}, Станислава Васильевна Приступа²,
Григорий Александрович Рожков³, Александра Павловна Туманова⁴**

^{1, 2, 3, 4}Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}petrova.marina@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0000-0002-5001-617X>

²stanislava.pristupa@spcpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1137-8044>

³grigory.rozhkov@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0000-0002-4403-3993>

⁴aleksandra.tumanova@spcpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3222-3888>

Введение. Целью данного исследования является анализ песен британской группы «Битлз», а также песен русского артиста, поэта и исполнителя В. Высоцкого на предмет репрезентации в них «мягких навыков». Актуальность работы обуславливается всеобщим пристальным интересом к процессу формирования и совершенствования социальных компетенций как основы развития успешных межличностных отношений в XXI в. Новизна исследования заключается в том, что впервые изучение «мягких навыков» было произведено на материале творчества ярких представителей российской и британской музыкальной культуры прошлого столетия.

Методология и источники. В связи с тем, что музыкальное творчество группы «Битлз» и В. Высоцкого рассматривалось, прежде всего, с позиции языкового материала, в основу методологии исследования легли принципы лингвистического анализа текста, такие как методы компонентного, когнитивного и дискурсивного анализа. Кроме того, в работе проанализированы труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные основным принципам формирования и развития «мягких навыков» современного человека.

Результаты и обсуждение. Статья демонстрирует новый, нестандартный подход при работе с овладением и тренировкой «мягких навыков». Развитие творческих способностей человека напрямую зависит от эмоционального отклика, который вызывает материал. Музыкальные композиции обладают более интенсивным воздействием, так как совмещают в себе две составляющие: текст и мелодию. Поэтому разбор и анализ песен могут служить дополнительным источником совершенствования креативного мышления. Сравнение репрезентации «мягких навыков» в русских и англоязычных музыкальных произведениях не выявило ярких отличительных национальных признаков рассматриваемых навыков, что еще раз доказывает их универсальность.

Заключение. Исследование художественных образов и метафор, представленных в текстах песен как русских, так и зарубежных исполнителей, может лечь в основу нового методологического подхода, направленного на развитие нестандартного,

© Петрова М. В., Приступа С. В., Рожков Г. А., Туманова А. П., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

творческого мышления, который может применяться на различных уровнях образовательного процесса.

Ключевые слова: «мягкие навыки», «Битлз», В. Высоцкий, креативное мышление, англоязычные песни, русские песни

Для цитирования: Репрезентация «мягких навыков» в англоязычных и русских песнях / М. В. Петрова, С. В. Приступа, Г. А. Рожков, А. П. Туманова // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 92–104. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-92-104.

Original paper

Soft Skills Representation in English and Russian Songs

**Marina V. Petrova^{1✉}, Stanislava V. Pristupa², Grigory A. Rozhkov³,
Alexandra P. Tumanova⁴**

^{1, 2, 3, 4}*Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*petrova.marina@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0000-0002-5001-617X>*

²*stanislava.pristupa@spcpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1137-8044>*

³*grigory.rozhkov@pharminnotech.com, <https://orcid.org/0000-0002-4403-3993>*

⁴*aleksandra.tumanova@spcpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3222-3888>*

Introduction. This paper is aimed at analyzing the songs of the British group "The Beatles", and the songs of the Russian artist, poet and singer V. Vysotsky for the purpose of their soft skills representation. The relevance of the work is determined by the general, keen interest to the formation and development of social competences as the foundation of improving successful interpersonal relations in the 21st century. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the study of soft skills was carried out on the basis of the creative work of the prominent representatives of the Russian and British musical culture of the past century.

Methodology and sources. Due to the fact that the musical creativity of "The Beatles" and V. Vysotsky was considered primarily from the standpoint of linguistic material, the research methodology was based on the principles of linguistic text analysis, such as methods of component, cognitive and discourse analysis. In addition, the paper analyzes the works of domestic and foreign scientists devoted to the basic principles of the formation and development of soft skills of a person today.

Results and discussion. The article demonstrates a new, non-standard approach when working with the mastery and training of soft skills. The development of creative abilities directly depends on the emotional response that the material evokes. Music compositions have a more intense impact on a person, because they combine two components: lyrics and tune. Therefore, the analysis of songs can serve as an additional source of improving creative thinking. Comparison of soft skills representation in Russian and English songs did not reveal any clear distinctive national features of the skills under consideration, which once again proves their universality.

Conclusion. The study of artistic images and metaphors presented in the lyrics of both Russian and English singers can form the basis of a new methodological approach aimed at developing non-standard, creative thinking, which can be applied at various levels of the educational process.

Keywords: soft skills, "The Beatles", V. Vysotsky, creative thinking, English songs, Russian songs

For citation: Petrova, M.V., Pristupa, S.V., Rozhkov, G.A. and Tumanova, A.P. (2022), "Soft Skills Representation in English and Russian Songs", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 92–104. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-92-104 (Russia).

Введение. В настоящее время важность «мягких навыков» как совокупности знаний и умений решения жизненных задач и эффективного взаимодействия с другими людьми уже не ставится под сомнение. По данным ученых из Гарварда, Стэнфорда и Фонда Карнеги, «жесткие навыки» (hard skills) составляют только 15 % профессионального успеха личности, в то время как «мягкие навыки» (soft skills) отвечают за оставшиеся 85 % [1]. «Мягкие навыки» являются универсальными компетенциями и личностными качествами, которые формируются с детства и связаны с эмоциональным интеллектом. Они востребованы в любой сфере деятельности, независимо от места обучения и проживания [2, 3]. Кроме того, как показывают события последних нескольких лет, именно «мягкие навыки» могут помочь человеку жить, учиться и работать в условиях неопределенности и постоянно меняющихся внешних обстоятельств [4, 5].

На сегодняшний день существует множество техник развития «мягких навыков», начиная со специальных курсов и заканчивая самообучением [6, 7]. К нетривиальным методам, по нашему мнению, можно отнести совершенствование «мягких навыков» при работе с песнями. Отличительными чертами такого метода являются:

- развитие творческого мышления;
- исследование материала, который приносит удовольствие;
- новое прочтение уже знакомого произведения и т. д.

В предлагаемой работе на примере анализа творчества британской группы «Битлз» и русского исполнителя В. Высоцкого анализируются общие подходы репрезентации «мягких» навыков в англоязычных и русских песнях. Выбор этих исполнителей не случаен. Как известно, 2022–2023 г. объявлен перекрестным годом знаний между Россией и Великобританией. В период вынужденной изоляции и пандемии это стало очень важной инициативой правительств наших стран, так как совместные проекты содействуют лучшему взаимопониманию и сближению народов. Кроме того, на наш взгляд, интересным и значимым является тот факт, что лучшие образцы поэтического и песенного творчества 60–70-х гг. прошлого века популярны в наше время и находят отклик у поколения Z. Песни тех лет звучат в молодежных программах радио и телевидения, их часто выбирают для аранжировки [8, 9] при создании новых хитов, а также представляют на различных конкурсах. Так, студенты Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета в апреле 2021 г. получили диплом I степени за творческое видео «Beatles and Soft Skills» на IX международном конкурсе презентаций на английском языке «Leaders of a New World: the Skills, Vision, and Mindset of Change», организованном СамГТУ при поддержке университета Texas A&M University Texarkana (США).

Обзор литературы. Как известно, первые разработки в области обучения навыкам межличностных отношений, которые еще не получили название soft skills, появились в США в конце 1950-х г. как курсы улучшения рабочего процесса для конкретных армейских должностей. В деловую среду термин “soft skills” вошел в конце 1990-х по аналогии с компьютерными понятиями “hardware” (аппаратная часть) и “software” (программное обеспечение) [10]. Перечень «мягких навыков» весьма разнообразен и определяется учеными по-разному [11–15]. Однако к основным и наиболее востребованным пунктам можно отнести следующие:

- умение адаптироваться, заключающееся в способности меняться и действовать в новых условиях;

- навыки эффективной коммуникации в различных форматах и на разных уровнях;
- самоорганизация, включающая в себя умение управлять своим временем и ресурсами, а также глубокое знание своего эмоционального интеллекта и способность социализироваться с учетом этого знания;
- критическое мышление – умение анализировать поступающую информацию, принимать решения и мыслить нестандартно;
- навыки командной работы.

В настоящее время формирование и развитие «мягких навыков» происходит на всех этапах и во всех сферах образовательного процесса: от младшей школы до системы дополнительного профессионального образования; как для онлайн, так и для офлайн деятельности [16–20].

Методология и источники. Для реализации цели работы, заключающейся в выявлении ситуаций, репрезентирующих «мягкие навыки», были исследованы песни британской группы «Битлз» и русского артиста, поэта и певца В. Высоцкого, написанные им для мюзикла «Алиса в стране чудес». Расцвет творчества этих музыкантов приходится на 60–70-е гг. XX в. – период экономического и социального подъема, активного внедрения реформ и технологического прогресса [10]. Это время, когда, с одной стороны, сексуальная революция и философия хиппи поставили на первое место чувство свободы, духовную общность и изменение внутреннего строя души. С другой стороны, создание Всемирного экономического форума в Давосе в 1971 г. привлекло всеобщее внимание к глобальным проблемам партнерства, а так называемые встречи и переговоры «без галстуков» поставили задачу совершенствования социальных и коммуникативных навыков. Все это, очевидно, нашло отражение в музыкальной культуре того периода.

В исследовании были использованы методы компонентного, когнитивного и дискурсивного анализа текста. В основе данной методологии лежит анализ через языковые единицы таких психических и когнитивных процессов, как воображение, креативное мышление, чувственное восприятие и т. д.

Результаты и обсуждение. Проанализировав песни группы «Битлз», можно отметить, что в своих текстах исполнители обращаются к аудитории напрямую, создавая тем самым эффект диалога и доверия. Так, например, в песне «Hey Jude», написанной в 1968 г., солисты группы утешают персонажа по имени Джуд, призывая его трансформировать негативный опыт в нечто позитивное [21, р. 114]:

*Hey Jude, don't make it bad.
Take a sad song and make it better.
Remember to let her into your heart,
Then you can start to make it better.*

Наличие адресата высказывания и повелительное наклонение создают у слушателя впечатление неформального, дружеского общения. Одним из основных смыслов этих строк является развитие позитивного мышления, которое помогает пережить тяжелые, кризисные моменты. Исполнители советуют сначала впустить ситуацию в свое сердце, а уже потом начать менять ее в лучшую сторону. Утверждение «You can start to make it better» выражает

уверенность со стороны исполнителей, что у героя достаточно внутренних сил это сделать. Навык позитивного мышления является неотъемлемой частью эмоционального интеллекта, так как он помогает конструктивно реагировать на внешние обстоятельства.

Позитивное мышление тесно связано с другим «мягким навыком» – креативным мышлением. В песне «Битлз» «Hey Jude» эти два умения переплетаются, так как любое преобразование, особенно неблагоприятных обстоятельств в положительные эмоции, требует сознательного внутреннего усилия, чтобы воспринимать ситуацию по-новому. А в «Первой песне Алисы» (1973 г.) В. Высоцкого главной героине необходимы необычные внешние условия для развития креативного мышления [22]:

*Я странно скучаю, я просто без сил.
И мысли приходят – маня, беспокоя, –
Чтоб кто-то куда-то меня пригласил
И там я увидела что-то такое!..
Но что именно – право не знаю.*

<...>

*Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому –
И вдруг оказаться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи, – где все по-другому.*

Строки этой песни показывают, что Алисе неинтересно жить в привычных условиях со стандартным мышлением, где все известно наперед и нет места новому и творческому. Игра слов, состоящая из обстоятельств места с противоположным значением: «вверху», «в глубине», «внутри», «снаружи», с одной стороны, свидетельствует об отчаянии главной героини, которой крайне необходимы перемены. Но, с другой стороны, в этих словах заключается один из возможных путей выхода из сложившейся ситуации: изменение внешних условий может способствовать преобразению образа мышления. Этот совет будет актуален во все времена: для того чтобы преодолеть состояние стагнации или творческий кризис, необходимо просто «выйти из дому» или попросить, «чтоб кто-то куда-то» вас «пригласил».

Развитие креативного и позитивного мышления является составной частью более значительных «мягких навыков»: эффективного решения проблем и разрешения конфликтов. «Битлз» представили наглядный пример работы с этими навыками еще в 1965 г. в своей песне «We can work it out» [21, p. 290]:

*Try to see it my way,
Do I have to keep on talking till I can't go on?
While you see it your way
Run the risk of knowing that our love may soon be gone.
We can work it out.
We can work it out.*

Здесь демонстрируется довольно действенный метод разрешения практически любого конфликта – постараться взглянуть на ситуацию глазами оппонента: «Try to see it my way». При таком подходе снижается риск узкого взгляда на проблему или конфликт («While you

see it your way»)), который, в свою очередь, может привести к потере чего-то значимого, например, любви: «The risk of knowing that our love may soon be gone». Еще одним важным качеством для разрешения противоречий, по мнению «Битлз», является вера, которая выражается в тексте песни модальным глаголом «can». Местоимение первого лица множественного числа «we» указывает на вовлеченность исполнителей в ситуацию.

В «Песне Мартовского Зайца» В. Высоцкого предлагается другой способ разрешения конфликтов и эффективного решения проблем – умение управлять своими эмоциями [22]:

*Миледи! Зря вы обижаетесь на Зайца!
Он, правда, шутит неумно и огрызается,
Но он потом так сожалеет и терзается!
Не обижайтесь же на Мартовского Зайца!*

Обида является одним из самых сильных негативных эмоциональных состояний, которое может спровоцировать конфликтную ситуацию. Кроме того, обидчивость свидетельствует о низком уровне эмоционального интеллекта. Для того чтобы научиться управлять этим чувством, автор песни советует разобраться в другом человеке, а не судить его по внешним проявлениям. Даже если кто-то «шутит неумно и огрызается», он потом может сожалеть об этом и терзаться. Поэтому важно не обижаться, а понять и принять другого человека, даже если его поведение отличается от общепринятых норм.

Еще одним важным «мягким навыком» в современном мире является навык командной работы. Сообща люди могут добиться гораздо больших результатов, чем в одиночку. Работа в команде учит эффективно взаимодействовать с разными людьми, проявлять эмпатию, делает человека более открытым и терпимым. Для того чтобы стать успешным командным игроком, необходимо развивать умение просить о помощи. Солисты группы «Битлз» заявили об этом в песне «Help» в 1965 г. [21, р. 104]:

*Help! I need somebody, help! Not just anybody,
Help! You know I need someone, help!
<...>
Help me if you can, I'm feeling down,
And I do appreciate you being 'round.
Help me get my feet back on the ground,
Won't you please, please help me?*

Обычно носители английского языка для выражения просьбы используют вопросительные предложения, как, например, в последней строке этого отрывка из песни: «Won't you please, please help me?», так как такая форма является более вежливой. Однако, как видно из основного текста, в данной песне повторяется побудительное предложение «Help!», что может свидетельствовать о высоком уровне стресса героя, который игнорирует правила вежливости и косвенные конструкции и напрямую заявляет, что ему нужна помощь. Такая тактика представляется более действенной в отличие от различного рода иносказаний и намеков на помощь. В русской культуре часто вместо того, чтобы напрямую попросить о помощи, люди начинают жаловаться на внешние обстоятельства и свою судьбу. Подтверждение этому можно найти в «Песне Белого Кролика» В. Высоцкого [22]:

*«Эй, кто там крикнул “Ай-ай-ай?” – «Ну я! Я, Кролик Белый».
«Опять спешишь?» – «Прости, Додо, так много важных дел!
У нас в Стране Чудес попробуй что-то не доделай...
Вот и ношусь я взад-вперед, как заяц угорелый, –
За два кило пути я на два метра похудел.
Зачем, зачем, соорудане, зачем я Кролик – белый?
Когда бы был я серым – я б не бегал, а сидел.
Все ждут меня, всем нужен я – и всем визиты делай,
А я не в силах отказать: я страшно мягкотелый, –
Установить бы кроликам какой-нибудь предел!»*

Белый Кролик сам признает, что он не способен никому отказать и берет на себя слишком много обязательств. Вместо того, чтобы попросить кого-нибудь помочь ему, он сокрушается над своей долей: «Зачем, зачем... я Кролик – белый?». Использование сослагательного наклонения также говорит о том, что герой не в силах справиться с проблемами самостоятельно и предпочитает бежать от действительности в вымышленный мир: «Когда бы был я серым – я б не бегал, а сидел». Возможными путями выхода из такой ситуации могли бы стать открытая просьба о помощи или развитие такого «мягкого навыка», как самоорганизация. Самоорганизация включает в себя множество различных умений, одним из которых является грамотное планирование. В. Высоцкий описал важность этого навыка в «Песне Алисы о планах» [22]:

*Чтобы не попасть в капкан,
Чтобы в темноте не заблудиться,
Чтобы никогда с пути не сбиться,
Чтобы в нужном месте приземлиться, приводниться, –
Начерти на карте план.*

<...>

*И шагай, и пой безопасно,
Тири-тири-там-там, тирам!
Встреча обеспечена –
В плане все отмечено
Точно, безупречно и пунктиром,
Тири-тири-там-там, тирам,
Жирненьким пунктиром.*

Композиция песни построена на противопоставлении: первый куплет демонстрирует, какие негативные события могут произойти в жизни, если в ней нет места планированию, а второй куплет, напротив, изображает легкость и оптимистический настрой, когда все идет по плану. В языковом отношении автор ставит в оппозицию слова с отрицательной семантикой, такие как наречие «никогда» и частицу «не» в первой части песни, и конструкции с положительной коннотацией «пой безопасно», «тири-тири-там-там, тирам!» – во второй, для того чтобы добиться максимального воздействия на слушателя.

Еще одним важным «мягким навыком» является эмпатия. Эмпатия – это осознанное сопереживание эмоциональному состоянию других людей, умение сочувствовать и выра-

жать сострадание. Эмпатия особенно необходима человеку, когда он переживает трудные времена. Даже такие простые слова поддержки, как «Пусть так и будет», которые «Битлз» спели в 1970 г., могут ободрить и утешить [21, p. 182]:

*When I find myself in times of trouble, Mother Mary comes to me
Speaking words of wisdom, let it be.
And in my hour of darkness she is standing right in front of me
Speaking words of wisdom, let it be.
Let it be, let it be.
Let it be, let it be.
Whisper words of wisdom,
Let it be.*

Рефрен «let it be» звучит как молитва. Кроме того, указание на присутствие девы Марии наделяют строчки глубоким сакральным смыслом. Возможно, именно этого эффекта хотели добиться солисты группы, когда сочиняли эту песню. Данный пример говорит о том, что если рядом нет человека, готового поддержать, то сострадание и помощь можно найти в молитве или лиричной песне.

Наконец, один из самых востребованных «мягких навыков» 2020-х г. – умение адаптироваться, которое заключается, прежде всего, в быстрой смене поведенческих паттернов в зависимости от условий внешней среды. Для развития этого навыка необходимы осознанность и принятие. Осознанность помогает быстро оценить новые внешние условия, даже если они кардинально отличаются от привычных, а принятие ускорит процесс адаптации к этим непривычным условиям. Так, например, сюрреалистическая жизнь на желтой подводной лодке, которую группа «Битлз» вообразила в далеком 1966 г. в песне «Yellow submarine», можно воспринимать как аллереорию сегодняшнего положения дел в мире [21, p. 304]:

*And our friends are all aboard,
Many more of them live next door,
And the band begins to play.
We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.
We all live in a yellow submarine,
Yellow submarine, yellow submarine.*

Таким образом, анализ песен британской группы «Битлз» и русского исполнителя В. Высоцкого показал, что в их лирике представлены ситуации, репрезентирующие «мягкие навыки». При этом исследование не выявило ярких отличительных национальных признаков этих навыков, что еще раз доказывает их универсальность.

Заключение. Сегодня, как и во все времена, молодежь ищет новые пути и подходы к решению сложных жизненных проблем, стремится к самостоятельности, независимости, и лучшие образцы художественной культуры могут содействовать в поиске. Лирический герой первой четверти XXI в. отличается от персонажей песен «Битлз» и В. Высоцкого, но необходимые для успешного решения целого ряда жизненно важных задач «мягкие навыки», востребованные сегодня, широко представлены в поэтическом и песенном творчестве этих

авторов. На их художественные образы и метафоры можно опираться в процессе формирования «мягких навыков», а данное исследование может лечь в основу нового методологического подхода развития креативного и позитивного мышления.

Наличие у представителей гуманитарной и технической интеллигенции хорошо сформированных «мягких навыков», таких как коммуникабельность, умение выступать на публике, эмоциональный интеллект (умение распознавать эмоции и мотивы других людей), гибкость и принятие критики, креативность, работа в команде и ряда других, будет способствовать процессу взаимопонимания и, как следствие, достижению положительных результатов в любой сфере деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The soft skills disconnect // National Soft Skills Association. 13.02.2015. URL: <https://www.nationalskills.org/the-soft-skills-disconnect/> (дата обращения: 13.09.2021).
2. Hyder H., Mahmood Z., Hasan S. H. Soft skills: a research study on outdoing academics and conquer the world // Palarch's J. of Archaeology of Egypt / Egyptology. 2020. Vol. 17, no. 7. P. 7805–7815.
3. Developing soft skills: exploring the feasibility of an Australian well-being program for health managers and leaders in Timor-Leste / K. Tsey, S. M. Lui, M. Heyeres et al. // SAGE Open. 2018. Vol. 8, iss. 4. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244018811404>.
4. Dewi J. R. Open and distance education systems: do they enhance graduates' soft skills? The results from 2009 Universitas Terbuka Tracer study // Open Praxis. 2013. Vol. 5, iss. 4. P. 289–299. DOI: [10.5944/openpraxis.5.4.85/](https://doi.org/10.5944/openpraxis.5.4.85/).
5. Lau Y. Soft skills are essential to the future of work // Forbes. 20.01.2021. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbeshumanresourcescouncil/2021/01/20/soft-skills-are-essential-to-the-future-of-work/?sh=9c0ff5813416> (дата обращения: 13.09.2021).
6. Abraham T. H., Stewart G. L., Solimeo S. L. The importance of soft skills development in a hard data world: learning from interviews with healthcare leaders // BMC Med Educ. 2021. Vol. 21: 147. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02567-1>.
7. Clark S. Why soft skills matter and how to develop them // Reworked. 07.07.2021. URL: <https://www.reworked.co/leadership/why-soft-skills-matter-and-how-to-develop-them/> (дата обращения: 13.09.2021).
8. Boyce Avenue. Imagine (J. Lennon piano acoustic cover) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qrpvq6xf2A> (дата обращения: 13.09.2021).
9. Cooper J.P. Let it be (The Beatles cover) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mjZjumldZ0A> (дата обращения: 13.09.2021).
10. Рощина А. А. Автор и его персонажи. Проблема соотношения ролевого и лирического героев в поэзии В. Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы, альманах. Вып. 2. М.: Гос. культур. центр-музей В. С. Высоцкого, 1997. С. 122–135.
11. Ивашкова А. А. К вопросу об изучении формирования soft skills в зарубежных исследованиях // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. 2021. № 1. С. 13–17. DOI: <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-1/02>.
12. Andrews J., Higson H. Graduate employability, "soft skills" versus "hard" business knowledge: a European study // Higher Education in Europe. 2008. Vol. 33, № 4. P. 411–422. DOI: [10.1080/03797720802522627](https://doi.org/10.1080/03797720802522627).
13. Key soft skills in the orientation process and level of employability / A. R Martinez, V. S. Sanchez, C. F. Linares, C. L. Cosculluela // Sustainability. 2021. Vol. 13: 3554. DOI: [10.3390/su13063554](https://doi.org/10.3390/su13063554).
14. Perna M. C. The top 25 soft skills remote workers need in 2021 – and 3 ways to get them // Forbes. 12.01.2021. URL: [https://www.forbes.com/sites/markcperna/2021/01/12/the-top-25-soft-](https://www.forbes.com/sites/markcperna/2021/01/12/the-top-25-soft-skills-remote-workers-need-in-2021-and-3-ways-to-get-them/)

skills-remote-workers-need-in-2021-and-3-ways-to-get-them/?sh=6ceb288fd78b (дата обращения: 13.09.2021).

15. Rockwood K. The hard facts about soft skills // SHRM. 28.05.2021. URL: <https://www.shrm.org/hr-today/news/hr-magazine/summer2021/pages/why-soft-skills-are-important.aspx> (дата обращения: 13.09.2021).

16. Василиженко М. В. Формирование soft skills у студентов при обучении иностранному языку посредством внедрения технологии проектной деятельности // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Т. 12, № 1. С. 137–148. DOI: 10.7442/2071-9620-2020-12-1-137-148.

17. Дю Е. В. Формирование soft skills студентов-международников на основе кейс-метода в рамках компетентностного подхода // Образование. Культура. Общество: сб. ст. междунар. науч. конф. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 25–27.

18. Рожков Г. А. Моя твоя понимает: практическое пособие по обучению искусству бизнес-коммуникаций и переговорному процессу в поликультурной среде. СПб.: АНО РОССИКА «Лики», 2021.

19. Шрайбер А. Н. Методика формирования soft skills (мягких навыков) у студентов вузов через систему дополнительного профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 145–147.

20. Яркова Т. А., Черкасова И. И. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные исследования. Humanities. 2016. Т. 2, № 4. С. 222–234. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-222-234.

21. The Beatles. Complete lyrics of all songs. URL: <https://media.oaipdf.com/pdf/f13a110b-f61e-4e28-8549-182f3bb95de8.pdf> (дата обращения: 13.09.2021).

22. Высоцкий В. С. Песни из дискоспектакля Алиса в стране чудес // World Art. 1973. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=857> (дата обращения: 13.09.2021).

Информация об авторах.

Петрова Марина Валерьевна – старший преподаватель НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Проф. Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика.

Рожков Григорий Александрович – кандидат педагогических наук (1989), директор НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Проф. Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и практика формирования у студентов межкультурных компетенций на иностранном языке в ходе внеаудиторной работы в неязыковом вузе.

Пристupa Станислава Васильевна – студентка (4-й курс) факультета промышленной технологии лекарств Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Проф. Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Соавтор 5 научных публикаций, член языкового клуба Linguapharm. Сфера научных интересов: химическая технология, иностранные языки, мотивация студентов, межкультурная коммуникация.

Туманова Александра Павловна – студентка (4-й курс) факультета промышленной технологии лекарств, лаборант НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации

Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Проф. Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Соавтор 6 научных публикаций, член языкового клуба Linguapharm. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, иностранные языки, мотивация студентов, химическая технология.

Вклад авторов.

Петрова М. В. – разработка и проведение теоретической части исследования, методологии исследования, эмпирической части исследования.

Рожков Г. А. – разработка концепции и структуры исследования, заключение.

Пристupa С. В. – проведение эмпирической части исследования.

Туманова А. П. – проведение эмпирической части исследования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.11.2021; принята после рецензирования 21.12.2021; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. "The soft skills disconnect", *National Soft Skills Association*, 13.02.2015, available at: <https://www.nationalskills.org/the-soft-skills-disconnect/> (accessed 13.09.2021).
2. Hyder, H., Mahmood, Z. and Hasan, S.H. (2020), "Soft skills: a research study on outdoing academics and conquer the world", *Palarch's J. of Archaeology of Egypt/Egyptology*, vol. 17, no. 7, pp. 7805–7815.
3. Tsey, K., Lui, S.M., Heyeres, M. et al. (2018), "Developing soft skills: exploring the feasibility of an Australian well-being program for health managers and leaders in Timor-Leste", *SAGE Open*, vol. 8, iss. 4, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244018811404>.
4. Dewi, J.R. (2013), "Open and distance education systems: do they enhance graduates' soft skills? The results from 2009 Universitas Terbuka Tracer study", *Open Praxis*, vol. 5, iss. 4, pp. 289–299. DOI: [10.5944/openpraxis.5.4.85/](https://doi.org/10.5944/openpraxis.5.4.85/).
5. Lau, Y. (2021), "Soft skills are essential to the future of work", *Forbes*, 20.01.2021, available at: <https://www.forbes.com/sites/forbeshumanresourcescouncil/2021/01/20/soft-skills-are-essential-to-the-future-of-work/?sh=9c0ff5813416> (accessed 13.09.2021).
6. Abraham, T.H., Stewart, G.L. and Solimeo, S.L. (2021), "The importance of soft skills development in a hard data world: learning from interviews with healthcare leaders", *BMC Med Educ*, vol. 21: 147. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02567-1>.
7. Clark, S. (2021), "Why soft skills matter and how to develop them", *Reworked*, 07.07.2021, available at: <https://www.reworked.co/leadership/why-soft-skills-matter-and-how-to-develop-them/> (accessed 13.09.2021).
8. "Boyce Avenue. Imagine (J. Lennon piano acoustic cover)", *YouTube*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=qrpvq6xef2A> (accessed 13.09.2021).
9. "Cooper, J.P. Let it be (The Beatles cover)", *YouTube*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=mjZjumldZ0A> (accessed 13.09.2021).
10. Roshchina, A.A. (1997), "The author and his characters. The problem of the ratio of role and lyrical heroes in the poetry of V. Vysotsky", *Mir Vysotskogo: issledovaniya i materialy, al'manakh. Vyp. 2* [World of Vysotsky: research and materials, almanac. Vol. 2], Gos. kul'tur. tsentr-muzey V.S. Vysotskogo, Moscow, RUS, pp. 122–135.
11. Ivashkova, A.A. (2021), "On the formation of soft skills in foreign research", *Bulletin of Nizhnevartovsk State Univ.*, no. 1, pp. 13–17. DOI: <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-1/02>.
12. Andrews, J. and Higson, H. (2008), "Graduate employability, "soft skills" versus "hard" business knowledge: a European study", *Higher Education in Europe*, vol. 33, no. 4, pp. 411–422.

13. Martinez, A.R., Sanchez, V.S., Linares, C.F. and Cosculluela, C.L. (2021), "Key soft skills in the orientation process and level of employability", *Sustainability*, vol. 13: 3554. DOI: 10.3390/su13063554.
14. Perna, M.C. (2021), "The top 25 soft skills remote workers need in 2021 – and 3 ways to get them", *Forbes*, 12.01.2021, available at: <https://www.forbes.com/sites/markcperna/2021/01/12/the-top-25-soft-skills-remote-workers-need-in-2021-and-3-ways-to-get-them/?sh=6ceb288fd78b> (accessed 13.09.2021).
15. Rockwood, K. (2021), "The hard facts about soft skills", *SHRM*, 28.05.2021, available at: <https://www.shrm.org/hr-today/news/hr-magazine/summer2021/pages/why-soft-skills-are-important.aspx> (accessed 13.09.2021).
16. Vasilizhenko, M.V. (2020), "Students soft skills formation via project activities technologies in learning foreign languages", *Contemporary higher education: innovative aspects*, vol. 12, no. 1, pp. 137–148. DOI: 10.7442/2071-9620-2020-12-1-137-148.
17. Diu, E.V. (2020), "Developing soft skills of international relations students as part of the skills approach on the basis of case-studying", *Education. Culture and Society*, Themed collection of papers from International scientific conference, GNII "Natsrazvitie", SPb., RUS, pp. 25–27.
18. Rozhkov, G.A. (2021), *Moya tvoya ponimaet: Prakticheskoe posobie po obucheniyu iskusstvu biznes-kommunikatsii i peregovornomu protsessu v polikul'turnoi srede* [Mine Yours Understands: A Practical Guide to Teaching the Art of Business Communication and Negotiation in a Multicultural Environment], ANO ROSSIKA "Liki", SPb., RUS.
19. Shrayber, A.N. (2018), "Methods to form soft skills among university students through a system of additional vocational education", *The world of science, culture and education*, no. 2 (69), pp. 145–147.
20. Yarkova, T.A. and Cherkasova, I.I. (2016), "Forming soft skills of students in the implementation of professional standard of a teacher", *Tyumen State Univ. Herald Humanities Research. Humanitates*, vol. 2, no. 4, pp. 222–234. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-222-234.
21. *The Beatles. Complete lyrics of all songs*, available at: <https://media.oaipdf.com/pdf/f13a110b-f61e-4e28-8549-182f3bb95de8.pdf> (accessed 13.09.2021).
22. Vysotsky, V.S. (1973), "Songs from Alice in Wonderland musical", *World Art*, available at: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=857> (accessed 13.09.2021).

Information about the authors.

Marina V. Petrova – Senior Lecturer at Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: intercultural (cross-cultural) communication, cognitive linguistics.

Grigory A. Rozhkov – Can. Sci. (Pedagogy) (1989), Director of Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 25 scientific publications. Area of expertise: developing of cross cultural communications competences and soft skills in the course of extracurricular activities.

Stanislava V. Pristupa – Student (4th year) of the Faculty of Industrial Technology of Drugs, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Co-author of 5 scientific publications; member of the Lingvapharm language club. Area of expertise: chemical technology, foreign languages, student motivation, intercultural communication.

Alexandra P. Tumanova – Student (4th year) of the Faculty of Industrial Technology of Drugs, Laboratory Assistant of Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg

197022, Russia. Co-author of 6 scientific publications; member of the Lingvapharm language club.
Area of expertise: intercultural communication, pharmaceutical industry.

Author's contribution.

Marina V. Petrova – development and conducting the theoretical part of the research, methodology and empirical part of the research.

Grigory A. Rozhkov – development of the research concept and structure, conclusion.

Stanislava V. Pristupa – conducting the empirical part of the research.

Alexandra P. Tumanova – conducting the empirical part of the research.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 19.11.2021; adopted after review 21.12.2021; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 81-23

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-105-116>

Использование и адаптация немецких заимствований в социальном дискурсе норвежского языка (на материале цифровых источников)

Анна-Мария Владимировна Гринчель

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
angrinchel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6558-2625>*

Введение. Статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного анализу немецких заимствований в социальном дискурсе норвежского языка. В работе анализируются фонетические и морфологические типы адаптации заимствований, заимствования на морфологическом и лексико-семантическом языковых уровнях.

Методология и источники. Материалом для исследования послужили тексты, размещенные на официальных сайтах норвежских городов (Осло, Тронхейма, Бергена, Санн-вика и Тромсё). При исследовании использовались описательный и сравнительный методы, а также элементы статистического анализа количественного подсчета.

Результаты и обсуждение. Были проанализированы около 50 информационных статей, объявлений и постов на сайтах коммун вышеперечисленных городов. В результате было выделено 60 наиболее частотных слов-заимствований из немецкого языка. Общее число проанализированных лексических единиц в исследованных текстах – 60 524. Автором были проанализированы тексты, написанные в период с 2016 по 2021 гг.

Заключение. Несмотря на то, что немецкие заимствования пришли в норвежский язык в основном в IX–XV вв., они по-прежнему активно используются в современном норвежском языке в социальной сфере. Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на наблюдаемый рост числа английских заимствований в норвежском языке, социальный дискурс до сих пор находится под влиянием немецкого языка.

Ключевые слова: заимствование, типы адаптации, межъязыковая интерференция, языковой дискурс, немецкий язык, норвежский язык

Для цитирования: Гринчель А. В. Использование и адаптация немецких заимствований в социальном дискурсе норвежского языка (на материале цифровых источников) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 105–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-105-116.

© Гринчель А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Types of Adaptation of German Loanwords in the Social Discourse of the Norwegian Language (on the Material from Public Digital Sources)

Anna-Mariia V. Grinchel

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
angrinchel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6558-2625>*

Introduction. The article is a fragment of the research dedicated to the analysis of the German loanwords in the Norwegian language. The adaptation types of German borrowings are considered. The adaptation process is analyzed at the phonetic, morphological, and semantic levels of the language.

Methodology and sources. The research material are the texts from the official websites of the Norwegian cities (Oslo, Trondheim, Bergen, Tromsø and Sandvika). We used descriptive and comparative methods of research and elements of quantitative methods.

Results and discussion. Altogether we analyzed more than 50 articles published on the official webpages of the cities. Using the method of quantitative calculation, we extracted 60 most common German loanwords in these texts for analysis. The total number of words in these articles amounts to 60 524. We analyzed the texts written in the period from 2016 to 2021.

Conclusion. German loans are frequently used in the social sphere of the modern Norwegian language. That's why we can conclude that despite the increase in the number of English loan-words in the Norwegian language, social discourse is still influenced by German.

Keywords: borrowing, types of adaptation, linguistic interference, language discourse, German, Norwegian

For citation: Grinchel, A. V. (2022), "Types of Adaptation of German Loanwords in the Social Discourse of the Norwegian Language (on the Material from Public Digital Sources)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 105–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-105-116 (Russia).

Введение. Заимствование – это процесс перехода слов из языка-донора в язык-реципиент. Попадая в язык, заимствованное слово претерпевает ряд изменений. Процесс изменений, происходящий со словами при попадании в другой язык, называют адаптацией или ассимиляцией [1, с. 38]. Когда заимствованная лексическая единица попадает в язык, она подвергается фонологической и грамматической адаптации [2]. Адаптация включает в себя изменение слова или словарного элемента согласно законам языка-реципиента на фонетическом, морфологическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях [1, с. 38]. Адаптация заимствованной лексики может сопровождаться графической адаптацией к существующим в языке системе письма и правилам орфографии.

Процесс заимствования проявляется на лексическом уровне, поскольку есть необходимость в номинации ранее несуществующих понятий, явлений и реалий в принимающем языке. В. М. Аристова [3, с. 6–10] выделяет три этапа изменений заимствований в языке-реципиенте: проникновение (сохранение графической и фонетической формы слова), усвоение (изменение графической и фонетической формы слова по правилам принимающего языка), укоренение (полная адаптация слова под нормы языка-реципиента).

В норвежском языке заимствования проходят адаптацию на следующих языковых уровнях – фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом.

Методология и источники. Материалом настоящего исследования послужили тексты, опубликованные на официальных и общедоступных сайтах городов Норвегии (Осло, Тронхейма, Бергена, Саннвика и Тромсё). Общее число лексических единиц в привлеченных к анализу статьях – 60 524. Кроме того, в текстах, посвященных помощи населению и различной социальной тематике, наряду с немецкими заимствованиями было обнаружено большое количество английских заимствований (25 436).

При исследовании использовались описательный и сравнительный методы, а также элементы статистического анализа и количественного подсчета. Подсчет лексических единиц осуществлялся при помощи опции поиска по сайту, где частота слов выдается автоматически. Для проверки источников заимствования привлекались норвежские [4] и датские [5] словари, в которых присутствует информация об этимологии анализируемых слов.

Результаты и обсуждение.

1. Заимствования единиц разного уровня.

1.1. Заимствование единиц морфологического уровня языка.

В. П. Берков [6, с. 282] выделил список из 10 словообразовательных аффиксов, заимствованных из немецкого языка в норвежский. К ним относятся: *an-*, *be-*, *bi-*, *for-*, *ge-*, *-bar*, *-else*, *-het*, *-inne*, *-ske*. Однако отмечается [7, с. 155], что в современном норвежском языке наиболее распространены только 4 словообразовательных аффикса: *-an*, *-be*, *-for*, *-het*.

В исследуемом материале было обнаружено 43 примера с вышеперечисленными 10 аффиксами.

Префикс *an-*

Наглядными примерами употребления префикса *an-* являются глаголы *anbefale* – «советовать» от нем. *anbefehlen*, *anbringe* – «поставить» от нем. *anbringen*, *avfall* – «мусор, отходы» от нем. *Abfall* [8]. В норвежском языке от слова *avfall* встречается много производных. Например, *avfallsavgassing* – «дегазификация отходов», *avfallsbalanse* – «баланс отходов», *avfallsbruk* – «использование отходов», *avfallscontainer* – «контейнер для мусора», *avfallsfyrt kraftverk* – «электростанция, работающая на отходах», *avfallsløsning* – «решение проблемы отходов». Например:

(1) *Moderne byer krever moderne avfallsløsninger.* – Современным городам требуются современные методы решения проблемы отходов [9].

Префикс *be-*

В норвежском языке префикс *be-* был впервые зафиксирован лишь в 1376 г. [5]. Он входит в состав ряда глаголов: *befri* от нем. *befreien* – «освободить», *begynne* от средненем. *beginnen* – «начинать», *bestemme* от нем. *bestimmen* – «решать», *bevege* от *bewegen* – «двигаться», *betale* от *betalen* – «платить», *et bevis* от нем. *der Beweis* – «доказательство, свидетельство, лицензия».

Рассмотрим два примера с заимствованиями *betale* и *begynne*:

(2) *Er boligen du bor i verdt mindre enn 5,7 millioner kroner, skal du sannsynligvis ikke betale eiendomsskatt for 2020.* – Если недвижимость, в которой вы живете, стоит менее 5,7 млн норвежских крон, вы, вероятно, не будете платить налоги на недвижимость в 2020 г. [10].

(3) *Det er flest ledige plasser i august når de eldste barna i barnehagen begynner på skole.* – Большинство свободных мест есть в августе, когда старшие дети из детского сада начинают ходить в школу [11].

Префикс bi-

Данный префикс встречается в следующих глаголах из исследованного материала: *bistå* от нижненем. *bestān* – «помогать».

(4) *Vi bistår også politi, brannvesen og ambulanse ved ulykker og hendelser.* – Мы также оказываем помощь полиции, пожарной службе и «скорой помощи» в случае несчастных случаев и инцидентов [10].

(5) *Pedagogisk-psykologisk tjeneste (PPT) for voksne skal bistå personer som ønsker opplæring på grunnskolens område.* – Педагогико-психологическая служба (ППС) для взрослых будет оказывать помощь лицам, желающим получить образование в сфере начальной школы [12].

Префикс for-

Префикс *for-* также имеет иностранное происхождение. По мнению К. Браунмюллера [13, р. 1311], в некоторых случаях он может частично совпадать с исконно норвежским суффиксом *fore-*. С другой стороны, существует альтернативная версия происхождения данного префикса от немецких *vor-/ver-* [14, р. 1279].

Займствованные слова с данным префиксом в исследуемом материале – это *forslag* – «предложение» от нем. *Vorschlag*, *fordel* – «преимущество» от нем. *Vorteil*, *forbruk* – «расход» от нем. *Verbrauch*, *forbanne* – «проклинать» от нижненем. *vorbannen*:

(6) *Vi har ønske om å legge ut relevante forslag til miljølekser i forkant av hvert halvår.* – Мы хотим размещать важные предложения по экологическому обучению заранее, каждые полгода [12].

(7) *Det er en fordel med erfaring innen fagområdet du søker stilling og du bør ha anledning til å jobbe minimum 2–3 dager i uken.* – Это преимущество – опыт работы в той сфере, где вы ищете работу, но вы должны иметь возможность работать минимум 2–3 дня в неделю [9].

Префикс ge-

Префикс *ge-* также является распространенным в скандинавских языках [15]. В нашем материале были выявлены следующие слова, его содержащие: *gebyr* – «налог», «штраф» от нем. *Gebühr*, *gebiss* – «протез» от нем. *Gebiss*, *gevinst* – «прибыль», «польза» от нем. *Gewinn*.

В текстах, размещенных на сайтах коммун, встречаются статьи, посвященные оплате налогов и разных квитанций, поэтому заимствование *gebyr* является достаточно частотным (584 случая употребления):

(8) *Gebyr for tinglysing av seksjoneringen er 585 kroner.* – Плата за регистрацию секции составляет 585 норвежских крон [10].

(9) *Å få folk ut av bilene og opp på sykkelsetet gir nemlig ikke bare gevinst for folkehelse og miljøet.* – Переход людей от автомобилей к велосипедам приносит пользу не только общественному здоровью, но и окружающей среде [10].

Суффикс -bar

Суффикс *-bar* «придает прилагательным значение пассивности, возможности действия над объектом при основах переходных глаголов» [16, с. 80]. Суффикс *-bar* встречается в

прилагательных: *hørbar* – «слышимый» от нем. *hörbar*, *farbar* – «судоходный» от нем. *befahrbar*, *brukbar* – «пригодный» от нем. *brauchbar*:

(10) *Ombruk: dette inkluderer brukbare møbler, sykler, sportsutstyr, bøker, leker, småelektronikk og ubrukte byggevarer.* – К предметам для повторного использования относятся: мебель в хорошем состоянии, велосипеды, спортивный инвентарь, книги, игрушки, небольшая электроника и неиспользованные строительные материалы [10].

Суффикс -skap

Данный суффикс описывает абстрактные существительные (*vitenskap* – «наука», *kunnskap* – «знание», *ekteskap* – «брак») [13, р. 1446]. Он происходит от немецкого *-schaft*. В выявленных немецких заимствованиях мы видим упрощение немецкого буквосочетания *sch* на *sk* [17]. Например, *vitenskap* /vi:ˈt(ə)nskap/ – «наука» от нижненем. *Wetenschop* (сейчас *Wissenschaft* /vitənʃaft/) [18]. В этом же случае видны и фонетические изменения: суффикс *-schaft* /ʃaft/ трансформировался в *-skap* /skap/:

(11) *Bøkernes verden beskrives som vitenskapen flankert av teknikken og lyrikken.* – Мир книг описывается как «наука, окруженная техникой и лиризмом» [10].

(12) *På privaten har det blitt ekteskap og to barn som begge er tenåringer.* – В частном порядке был заключен брак, и оба участника являются несовершеннолетними [12].

Суффикс -het

Так же, как и *-skap*, данный суффикс описывает абстрактные существительные [2, р. 9]. Норвежский суффикс *-het* представляет собой трансформировавшиеся немецкие суффиксы *-heit* и *-keit*. Суффикс *-het* был зафиксирован в 1353 г. [8]. Данный суффикс считается одним из самых продуктивных для словообразования [13, р. 2050]. Например, *enkelthet* – «деталь» от нем. *Einzelheit*, *gyldighet* – «действительность», «законность», «срок действия» от нем. *Gültigkeit* и др. Например:

(13) *Autorisasjonsbevis med utløpsdato i 2015 får forlenget gyldighet fram til 1. januar 2016.* – Водительские права с истекшим сроком действия в 2015 г. продлеваются до 1 января 2016 г. [12].

Суффикс -inne

Считается, что данный суффикс пришел из нижненемецкого, и он определяет существительные женского рода [4]. Здесь мы видим тенденцию увеличения количества букв и фонем в норвежском слове. Например, *lærerinne* – «учительница» от немецкого *Lehrerin*:

(14) *Den tidligere skolebygningen ble da bolig for læreren/klokkeren og en lærerinne.* – Бывшее здание школы стало домом для учителя/коридорного и учительницы [11].

Суффикс -ing

Det norske akademis orbdok (Норвежский академический словарь) представляет данный суффикс как заимствованный и трансформировавшийся от немецкого *-ung* [4].

Этот суффикс, в норвежском языке в настоящее время, как правило, встречается в английских заимствованиях, но в немецких он тоже распространен [13, р. 1176]. Например, *endring* «изменение» от нем. *ändern* + суффикс *-ing*, *handling* – «покупка» от нем. *handeln* + *-ing*:

(15) *Kontoen kan brukes eksempelvis ved handling i kaféen, frisør, fotpleie, samt ved klessalg og lignende.* – Счет может использоваться, например, при покупке в кафе, в парикмахерской, на педикюре, а также при покупке одежды и т. п. [12].

1.2. **Заемствования на лексическом уровне языка.**

Различают полные заимствования, когда заимствуется и форма слова, и его значение, и кальки (лексические заимствования). Отметим, что заимствование слов может сопровождаться изменением их значений (см. 2.3). Например, *glasur* – «глазурь» от нем. *Glasure*; *sprit* – «спирт» от нем. *Spirit*:

(16) *Skjenking av sprit til person mellom 18 og 20 år.* – Употребление алкоголя людьми от 18 до 20 лет [10].

(17) *Kurset går over to dager, med en uke imellom for å inkludere tørking, ovnsbrenning, farging og glasur.* – Курс длится два дня с неделей между ними, включая сушку, обжиг в духовке, окрашивание и глазирование керамических изделий [9].

1.3. **Словообразовательные кальки.**

Помимо полных заимствований, в исследованном материале имеются словообразовательные кальки:

barnehage

К подобным калькам относится немецкое заимствование *barnehage*, которое прочно вошло в норвежский язык. Данное заимствование создано по образцу немецкого *Kindergarten*. Здесь мы видим слияние основ: по аналогии с немецким *Kind* – «ребенок» + *garten* – «сад» составляется норвежское слово *barn* – «ребенок» + *hage* – «сад». Например:

(18) *Bergen kommune tilbyr tospråklige assistenter til kommunale og private barnehager.* – Муниципалитет Бергена предлагает помощников, говорящих на двух языках, в муниципальных и частных детских садах [19].

eiendom

Другой пример заимствования подобного рода – это *eiendom* – «собственность». Слово произошло от немецкого *Eigentum*. Мы снова видим поморфемный перевод: на основе немецкого слова с помощью исконно норвежских основ создается новое слово, таким образом, данное заимствование можно отнести к словообразовательным калькам:

(19) *Du må sende inn en søknad til oss om du planlegger å felle trær på kommunal eiendom.* – Вы должны написать и отправить заявление, если планируете вырубать деревья, находящиеся в муниципальной собственности [11].

Суффикс *-dom* имеет немецкое происхождение и используется для описания группы чего-либо [20, р. 68].

jordbruk

Еще одним примером словообразовательной кальки является заимствование *jordbruk* – «земледелие». Здесь мы видим комбинацию норвежского слова *jord* (от древнескандинавского *jǫrð*) и заимствования *bruke* – «использовать», которое произошло от нижненем. *brauchen*. Аналогичная ситуация наблюдается со словом *skogbruk* – «лесоводство»: норвежское слово *skog* – «лес» от древнесканд. *skógr* + *bruke*. Здесь наблюдается заимствование словообразовательного элемента:

(20) *Flatbrenning i skogbruk eller halmbrenning i jordbruk.* – Сжигание отходов в лесу или сжигание соломы в сельском хозяйстве [9].

2. Типы адаптации заимствований.

2.1. Фонетическая адаптация заимствований.

Фонетическая адаптация заимствований – тип адаптации, в результате которой фонемы слов языка-донора меняются на соответствующие фонемы, типичные для языка-реципиента [13]. Фонетическая адаптация может сопровождаться графической адаптацией, которая подразумевает трансформацию графической формы слова. Степень изменения графической формы в исследованном материале зависит от соответствия немецкого буквосочетания норвежскому. Рассмотрим некоторые примеры.

Фонетическая адаптация характеризуется оглушением немецкого начального звука /z/. Например, *sats* /sats/ – «ставка» от нем. *Satz* /zats/:

(21) *Du betaler en fast sats per time, men aldri mer enn et fastsatt maksbeløp.* – Вы платите фиксированную ставку за час, но не более установленной максимальной суммы [10].

Другим примером фонетической адаптации является глагол *benytte* – «использовать» от немецкого глагола *benutzen* с тем же значением. Слово подверглось как фонетическим, так и графическим изменениям: произошла замена немецкого буквосочетания *tz* /tsɥ/ на *tt* /tt/:

(22) *Du har mange muligheter til å benytte deg av et variert friluftsliv i Bergen.* – У вас есть много возможностей принять участие во всевозможных видах активного отдыха на воздухе в Бергене [9].

Кроме того, при фонетической адаптации часть фонем в немецком заимствованном слове заменяется на более подходящие для норвежского языка или сокращается. Например, заимствование *skjerm* – «ширма», «монитор» от нем. *Schirm* является весьма характерным для данного уровня языка. Мы видим сохранение начального согласного звука, транскрибирование его графической формы *sch* /ʃ/ → *sk* /ʃ/ и изменение гласного звука на двух уровнях *i* /i/ → *je* /æ/:

(23) *Søknaden registreres og du får opp en kvittering på skjermen.* – Заявка регистрируется, и вы получаете квитанцию на экране [10].

2.2. Морфологическая адаптация заимствований.

Морфологическая адаптация подразумевает изменения заимствований согласно грамматическим правилам, которые существуют в норвежском языке. Морфологическая адаптация может затрагивать категории рода существительного, склонения прилагательных и существительных, спряжения глагола, изменения формы множественного числа и др.

Мы подробно изучили 12 заимствований подобного типа. Существительные в немецком и норвежском языках могут относиться к трем родам – мужскому, женскому и среднему. В большинстве случаев, как отмечает Е. Петтерсен [21], немецкие заимствования сохраняют в норвежском языке свой род. Например, *et regnskap* – «счет» от нем. *das Rechnungswesen*:

(24) *Alle som mottar støtte, må levere rapport og regnskap i ettertid.* – Каждый, кто получает поддержку, должен после этого отправить отчет и счета [11].

Однако в исследуемом материале встречаются примеры немецких существительных, которые, попадая в норвежский язык, как сохранили, так и поменяли свой род:

$m > n$

Кроме того, при заимствовании слова может происходить замена мужского рода на средний. Например, *et forslag* – «предложение» от нем. *der Vorschlag*:

(25) *Forslag til planprogram for trafikksikkerhetsplan 2020–2024*. – Предложение по программе плана обеспечения безопасности дорожного движения на 2020–2024 гг. [12].

$f > n$

Замена женского рода на средний встречается, например, в следующем случае: *et verksted* – «мастерская» произошло от немецкого слова *die Werkstatt*:

(26) *Det finnes en rekke fritidsklubber/sosiale møteplasser og kreative verksteder tilrettelagt for utviklingshemmede*. – Здесь есть множество развлекательных клубов/общественных мест для встреч и творческих мастерских, адаптированных для людей с ограниченными возможностями развития [9].

Изменение формы множественного числа.

Кроме того, при адаптации немецких заимствований может происходить изменение формы множественного числа. Например, *et bidrag* – «вклад» от нем. *der Beitrag*. В данном примере видим также изменение рода – мужской меняется на средний. В немецком языке форма множественного числа будет обозначаться через изменения артикля и гласных: *der Beitrag* – *die Beiträge*. В норвежском языке существительные среднего рода в неопределенной форме множественного числа сохраняют свою форму, но в определенной форме добавляется окончание *-ene* или встречаются случаи окончания на *-a*: *bidrag* – *bidrag* – *bidragene/bidraga*.

В исследуемом материале *bidrag*, как правило, встречается с предлогом *fra* (от) и *til* (для чего-либо) и чаще всего фигурирует в двух значениях – «пожертвование» (пример 27) или «взнос» (пример 28):

(27) *Vi setter særlig pris på innsendte bidrag fra leserne!* – Мы особенно ценим пожертвования от читателей! [11];

(28) *Tilskudd til arrangement er et økonomisk bidrag til gjennomføringen av mindre arrangement innen idrett*. – Гранты на проведение мероприятий являются экономическим вкладом в реализацию небольших мероприятий в области спорта [11].

Изменение форм спряжения заимствованных глаголов.

Следующий случай морфологической адаптации – это изменение форм спряжения заимствованных глаголов. В немецком языке, как и в норвежском, различаются слабые и сильные глаголы, которые могут спрягаться по-разному. Однако в немецком языке глагол изменяется не только по временам, но и по лицам и числам, а в норвежском языке глагол меняется только по временам.

Рассмотрим глагол *bidra* – «вносить вклад» от нем. *beitragen*. В норвежском языке данный глагол является слабым и изменяется, как слабый глагол, который оканчивается на долгую гласную: *bidra* – *bidrog* – *har bidratt*, а в немецком глагол спрягается совсем другим способом: *beitragen* – *beitragend* – *beigetragen*. Например:

(29) *Hvem kan bidra?* – Кто может внести вклад? [9].

2.3. Семантическая адаптация заимствований.

Семантическая адаптация заимствований представляет собой процесс прохождения иноязычным словом этапов освоения лексического значения. В статье представлены 15 заимствований, где наблюдается изменение значений. Рассмотрим примеры:

anledning

Одним из примеров изменения значения заимствованного слова является *anledning* от нем. *Anleitung*, от *anleiten* – «руководить» + суффикс *-ing*. Данное слово пришло в норвежский язык через датский [4]. *Anleitung* обозначает «руководство», «инструкция», а на норвежском *anledning* переводится как «возможность»:

(30) *Det er anledning til å delta på åpen halvtime og som tilhører under møtet via teknisk løsning.* – Существует возможность присутствовать на открытом получасовом заседании и участвовать во встрече, благодаря техническим решениям [10].

Примером расширения значения является заимствования *ledig* – «незанятый», «свободный», «обладающий свободным временем» от нем. *ledig* – «свободный», «незамужняя», «неженатый». То есть мы видим пример расширения значения («свободный от брачных уз» → «свободный» (в широком значении)). Например:

(31) *De ledige plassene er oppgitt per bydel, men du kan søke om barnehageplass i hele Oslo.* – Свободные места есть в каждом районе, но вы можете подать заявку в детский сад в любом районе Осло [10].

landbruksmyndigheten

Отдельного внимания заслуживает составное слово *landbruksmyndighet* – «сельскохозяйственный надзор». *Land* – норвежское слово, *bruke* относится к нижненемецким заимствованиям, *myndighet* – «правительство» – также представляет собой заимствование из нижненемецкого (*Mündigkeit*):

(32) *Har du tenkt å dele en eiendom du benytter eller kan benytte til jordbruk eller skogbruk, må landbruksmyndighetene godkjenne delingen.* – Если вы намерены вместе пользоваться имуществом или эксплуатировать его для земледелия, сельскохозяйственный надзор должен одобрить совместное владение [10].

Здесь происходит трансформация немецкого суффикса *-keit* в *-het* и норвегизация гласных: *-münd* становится *mynd*. В норвежском языке, как уже упоминалось, присутствуют слова с суффиксом *-het* (*leilighet* – «жилье», *storhet* – «величие» и др.). Данный суффикс был впервые зафиксирован в скандинавских языках в 1353 г. [22].

(33) *Du kjøper eller leier egen leilighet, og får hjelp til å bo og organisere livet ditt.* – Вы покупаете или снимаете собственную квартиру, но также можете получить помощь для покупки или съема жилья [12].

В немецком языке слово *Mündigkeit* среднего рода, а в норвежском оно приобретает мужской род. Кроме того, поменялось значение слова. В современном немецком языке оно переводится как «совершеннолетие», а в норвежском обозначает «правительство», «авторитет», «полномочие».

Заключение. В современном норвежском языке, несмотря на увеличение количества английских заимствований, по-прежнему широко используются заимствования из немецкого языка. Если английские заимствования применяются в сфере цифровых технологий и экономики, то немецкие заимствования представляют собой более абстрактные понятия и описывают явления, происходящие в социальной сфере.

В настоящей статье рассматриваются случаи использования заимствований из немецкого языка в норвежском социальном дискурсе, а также способы их адаптации.

На морфологическом уровне были проанализированы 43 слова с 10 наиболее распространенными заимствованными аффиксами. В изученных примерах наблюдается замена ряда немецких фонем или сочетаний в соответствии с фонотактическими нормами норвежского языка. Также отмечается изменение графического облика заимствованных слов.

На лексическом уровне языка были проанализированы: семантические кальки, полные заимствования (подразумевающие сохранение внешней формы заимствованного слова и его значения), словообразовательные кальки, состоящие наполовину из исконно норвежских слов вместе с частичным использованием немецких корней или словообразовательных аффиксов.

Кроме того, были рассмотрены случаи фонетической и морфологической адаптации заимствований. Морфологическая адаптация немецких заимствований характеризуется изменением существительных мужского рода на средний, а также женского рода на средний. При заимствовании существительных форма множественного числа немецкого языка не сохраняется, и существительные, заимствованные из немецкого языка, склоняются согласно грамматическим правилам норвежского языка. Глаголы также не сохраняют немецких форм спряжения.

Семантическая адаптация заимствований представляет собой включение слов в лексическую систему принимающего языка. Подобная адаптация может включать как расширение, так и сужение или полное изменение значения заимствованного слова. При вступлении заимствованных слов в контакт с уже имеющимися лексическими единицами образуются новые лексические единицы и выражения.

Таким образом, можно сказать, что немецкие заимствования распространены в социальной сфере и на данный момент представляют собой неотъемлемую часть норвежского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л. П., Виноградов В. В. Иноязычные слова в современном русском языке. Л.: Наука, 1965.
2. Grant A. P. Lexical Borrowing // The Oxford Handbook of the Word / John R. Taylor (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 431-444.
3. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
4. Naob Det Norske Akademis Ordbok. URL: <https://naob.no/> (дата обращения: 12.12.2021).
5. Den Danske Ordbok. URL: <https://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 12.12.2021).
6. Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
7. Særheim I. Low German influence on the Scandinavian languages in late medieval times – some comments on loan words, word-forming, syntactic structures and names // *AmS-Skrifter*. 2020. № 27. P. 153–161. DOI: <https://doi.org/10.31265/ams-skrifter.v0i27.270>.
8. Store norske leksikon. URL: <https://snl.no/> (дата обращения: 13.12.2021).
9. Bergen kommune. URL: <https://www.bergen.kommune.no/> (дата обращения: 13.12.2021).
10. Oslo kommune. URL: <https://www.oslo.kommune.no/> (дата обращения: 13.12.2021).
11. Tromsø kommune. URL: <https://www.tromso.kommune.no/> (дата обращения: 13.12.2021).
12. Trondheim kommune. URL: <https://www.trondheim.kommune.no/> (дата обращения: 13.12.2021).
13. The Nordic Languages: An International Hand-book of the History of the North Germanic Languages / O. Bandle, K. Braunmüller, Ernst H. Jahr et al. Berlin: Mouton De Gruyter, 2002.

14. Historical Linguistics 2003. Selected papers from the 16th International Conference on Historical Linguistics / M. Fortesque, E. Jensen, J. Mogensen, L. Schøsler. Vol. 257. Copenhagen: John Benjamins Publishing Company, 2003. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.257>.
15. Smith E. Mainland Scandinavian: Loans from Middle Low German. 2000. URL: <https://germanic-studies.org/Middle-Low-German-loanwords-in-the-Scandinavian-languages.htm> (дата обращения: 14.12.2021).
16. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов, М. Д. Степанова. М.: Русский язык, 2000.
17. Bokmålsordboka. Nynorskordboka. URL: <https://ordbok.uib.no/perl/ordbok.cgi?ordbok=begge/> (дата обращения: 14.12.2021).
18. Берков В. П. Норвежско-русский словарь. URL: <http://norsk.dicts.aulismedia.com/> (дата обращения: 14.12.2021).
19. Bærum kommune. URL: <https://www.baerum.kommune.no/> (дата обращения: 14.12.2021).
20. Holmes P., Enger H. Norwegian. A Comprehensive Grammar. London: Routledge, 2018. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351059831>.
21. Pettersen E. Språkbrytning i Vest-Norge 1450-1550. Bergen, Oslo: Tromsø, 1975.
22. Bach H. Der niederdeutsche Einfluß auf die dänische Standardsprache / H. Kolb, H. Lauffer et al. (Hrsg.) // Sprachliche Interferenz. Festschrift für Heinrich Betz zum 65. Geburtstag. Tübingen: Niemeyer, 1977. P. 526–531.

Информация об авторе.

Гринчель Анна-Мария Владимировна – магистр лингвистики (2020) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: межъязыковые контакты, заимствования в норвежском языке, межъязыковая и межкультурная интерференция.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.12.2021; принята после рецензирования 24.01.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Krysin, L.P. and Vinogradov, V.V. (1965), *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian], Nauka, L., USSR.
2. Grant, A.P. (2015), "Lexical Borrowing", *The Oxford Handbook of the Word*, John R. Taylor (ed.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 431-444.
3. Aristova, V.M. (1978), *Anglo-russkie yazykovye kontakty (anglitsizmy v russkom yazyke)* [English-Russian lingual contacts (anglicisms in the Russian)], Izd-vo LGU, L., USSR.
4. *Naob Det Norske Akademis Ordbok*, available at: <https://naob.no/> (accessed 12.12.2021).
5. *Den Danske Ordbok*, available at: <https://ordnet.dk/ddo> (accessed 12.12.2021).
6. Berkov, V.P. (2011), *Raboty po yazykoznaniyu* [Works on linguistics], SPb., SPbSU, RUS.
7. Særheim, I. (2020), "Low German influence on the Scandinavian languages in late medieval times – some comments on loan words, word-forming, syntactic structures and names", *AmS-Skrifter*, no. 27, pp. 153–161. DOI: <https://doi.org/10.31265/ams-skrifter.v0i27.270>.
8. *Store Norske Leksikon*, available at: <https://snl.no/> (accessed 13.12.2021).
9. *Bergen kommune*, available at: <https://www.bergen.kommune.no/> (accessed 13.12.2021).
10. *Oslo kommune*, available at: <https://www.oslo.kommune.no/> (accessed 13.12.2021).
11. *Tromsø kommune*, available at: <https://www.tromso.kommune.no/> (accessed 13.12.2021).
12. *Trondheim kommune*, available at: <https://www.trondheim.kommune.no/> (accessed 13.12.2021).
13. Bandle, O., Braunmüller, K., Ernst, H. Jahr et al. (2002), *The Nordic Languages: An International Hand-book of the History of the North Germanic Languages*, Mouton De Gruyter, Berlin, GER.

14. Forteskue, M., Jensen, E., Mogensen, J. and Schøsler, L. (2003), *Historical Linguistics 2003. Selected papers from the 16th International Conference on Historical Linguistics*, vol. 257, John Benjamins Publishing Company, Copenhagen, DNK. DOI: <https://doi.org/10.1075/cilt.257>.
15. Smith, E. (2000), *Mainland Scandinavian: Loans from Middle Low German*, available at: <https://germanic-studies.org/Middle-Low-German-loanwords-in-the-Scandinavian-languages.htm> (accessed 14.12.2021).
16. Zuev, A.N., Molchanova, I.D., Muryasov, R.Z. and Stepanova, M.D. (2000), *Slovar' slovoobrazovatel'nyh elementov nemeckogo yazyka* [Dictionary of word-formation elements of the German language], Russian language, Moscow, RUS.
17. Bokmålsordbok. Nynorskordboka, available at: <https://ordbok.uib.no/perl/ordbok.cgi?Ordbok=begge/> (accessed 14.12.2021).
18. Berkov, V. P. (2011), *The Norwegian-Russian Dictionary*, available at: <http://norsk.dicts.aulismedia.com/> (accessed 14.12.2021).
19. Bærum kommune, available at: <https://www.baerum.kommune.no/> (accessed 14.12.2021).
20. Holmes, P. and Enger, H. (2018), *Norwegian. A Comprehensive Grammar*, Routledge, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351059831>.
21. Pettersen, E. (1975), *Språkbrytning i Vest-Norge 1450-1550*, Tromsø, Bergen, Oslo, NOR.
22. Bach, H. (1977), "Der niederdeutsche Einfluß auf die dänische Standardsprache", *Sprachliche Interferenz. Festschrift für Heinrich Betz zum 65. Geburtstag*, in Kolb, H., Lauffer, H. et al. (Hrsg.), Niemeyer, Tübingen, FRG, P. 526–531.

Information about the author.

Anna-Maria V. Grinchel – Master (Linguistics) (2020), Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: language contacts, borrowings in the Norwegian language, interlingual and intercultural interference.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.12.2021; adopted after review 24.01.2022; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 81'374

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-117-127>

Объекты культурно-когнитивного анализа в сопоставительной лексикографии

**Александр Степанович Мамонтов¹, Вера Васильевна Богуславская^{2✉},
Альбертина Германовна Ратникова³, Алена Руслановна Голубь⁴,
Чинь Тхи Ким Нгок⁵**

^{1, 2, 3, 4}Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

⁵Вьетнамская академия общественных наук, Ханой, Вьетнам

¹as-mamontov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

^{2✉}boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

³porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

⁴degtyarjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7618-4764>

⁵ngocha098@gmail.com

Введение. Статья посвящена вопросам исследования лингвокультурных единиц, единиц ценностного характера, как основных объектов культурно-когнитивного анализа в целях получения данных для создания национально ориентированных лексикографических источников – а именно национально ориентированного лингвострановедческого словаря для вьетнамцев, изучающих русский язык. По мнению авторов статьи, обращение к детальному анализу ценностно маркированных фактов и реалий культуры, закрепленных в национальном языковом сознании, является лейтмотивом в современной сопоставительной лексикографии. Научная новизна и актуальность исследования основываются на практическом применении его результатов в области сопоставительной лексикографии – активно развивающегося в настоящее время научного направления.

Методология и источники. Основное внимание уделено сопоставительному рассмотрению фразеологических единиц русской и вьетнамской лингвокультур. Сопоставление осуществляется с применением интерпретационного анализа, а также анализа дефиниций. Используются данные словарей различных типов.

Результаты и обсуждение. Базовыми объектами культурно-когнитивного анализа признаются лингвокультурные единицы, отражающие реалии культуры и ценности того или иного народа. Материал исследования позволил рассмотреть особенности понятийного членения мира, его концептуализации при содействии языка, характерные для русской и вьетнамской лингвокультур. Так, сопоставительный анализ русских и вьетнамских устойчивых словосочетаний, отражающих особенности национального мировидения, позволил сделать выводы о существующих национально-культурных различиях русских и вьетнамцев, и, что особенно важно, о наличии несовпадений в вопросах отношения вьетнамцев и русских к определенным ценностям – обстоятельство, учет которого необходим при создании лингвострановедческой учебной лексикографии.

Заключение. Концепция национально ориентированной учебной лексикографии как специального направления в ряду лингвоориентированных дисциплин призвана

© Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Ратникова А. Г., Голубь А. Р., Чинь Тхи Ким Нгок, 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

реализовать задачи приобретения инокультуры, свободного от возможной культурной интерференции. Значимость национально ориентированной учебной лексикографии обусловлена необходимостью создания таких средств обучения, которые будут наиболее адекватно способствовать процессу овладения инофоном (в конкретном случае – вьетнамцем) другим (русским) языком как средством межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: национально ориентированная лексикография, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, русская лингвокультура, вьетнамская лингвокультура

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (научный проект № 20-512-92001 «Разработка концепции лингвострановедческого национально ориентированного учебного словаря русского языка для вьетнамских граждан»).

Для цитирования: Объекты культурно-когнитивного анализа в сопоставительной лексикографии / А. С. Мамонтов, В. В. Богуславская, А. Г. Ратникова и др. // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 117–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-117-127.

Original paper

Objects of Cultural-Cognitive Analysis in Comparative Lexicography

**Aleksandr S. Mamontov¹, Vera V. Boguslavskaya^{2✉}, Albertina G. Ratnikova³,
Alyona R. Golub⁴, Trinh Thi Kim Ngoc⁵**

^{1, 2, 3, 4}Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

⁵Vietnamese Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

¹as-mamontov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

^{2✉}boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

³porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

⁴degtyarjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7618-4764>

⁵ngocha098@gmail.com

Introduction. The article deals with the linguocultural units of value considering them as the main objects of cultural and cognitive analysis to obtain data for compiling nationally oriented lexicographic sources, namely, a nationally oriented linguistic and cultural dictionary for the Vietnamese who study Russian. The authors of the article argue that the implementation of a detailed analysis of value-marked elements that reflect cultural facts and realities, which are rooted in the national linguistic consciousness, is a recurrent theme in modern comparative lexicography. The scientific novelty and significance of the study are based on the practical application of its findings in the field of comparative lexicography, a successfully developing scientific area.

Methodology and sources. The article focuses on a comparative study of phraseological units of Russian and Vietnamese linguocultures. The comparative study is carried out using interpretive analysis as well as analysis of definitions. There are used data from dictionaries of various types.

Results and discussion. The key objects of cultural and cognitive analysis are linguocultural units reflecting the realities of culture and values of a particular nation. The material of the study allowed the authors to consider some characteristics of the conceptual division of the world and of its conceptualization with the assistance of language distinctive for both Russian and Vietnamese linguocultures. Thus, a comparative analysis of Russian and Vietnamese set phrases, which reflect the peculiarities of the national worldview, made it

possible to draw conclusions about the existing national and cultural differences between Russians and Vietnamese, and, that is most importantly, about the existing of discrepancies in the attitude of Vietnamese and Russians to certain values - a circumstance, that must be taken into account in development of linguistic and cultural educational lexicography.

Conclusion. The concept of nationally oriented educational lexicography as a special field in a number of other linguistic disciplines aims at fulfilling the tasks of acquiring foreign cultural awareness avoiding any possible interference. The importance of nationally oriented educational lexicography arises from the need to create such teaching aids that will most adequately facilitate the process of foreign language mastering. In our specific case, it will assist a Vietnamese to study the Russian language as a means of intercultural communication.

Keywords: cultural linguistics, intercultural communication, nationally oriented lexicography, Russian linguoculture, Vietnamese linguoculture

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-512-92001 "Framework Development of Linguistic-and-Cultural Nationally Focused Learner's Dictionary of the Russian Language for Vietnamese Citizens").

For citation: Mamontov, A.S., Boguslavskaya, V.V., Ratnikova, A.G., Golub, A.R. and Trinh Thi Kim Ngoc (2022), "Objects of Cultural-Cognitive Analysis in Comparative Lexicography", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 117–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-117-127 (Russia).

Введение. Язык как зеркало культуры является одновременно зеркалом системы ценностей того или иного народа, отражает глубокие архетипические представления нации о константах мироздания – добре и зле, правде и лжи, жизни и смерти, о любви, вечности, Боге... Именно культурные ценности, нашедшие выражение в языковой картине мира, позволяют проникнуть в «душу» лингвокультуры, увидеть ее квинтэссенцию, понять ее суть. Неоспоримая идея о необходимости соизучения языка и культуры при овладении иностранным языком становится еще более яркой и очевидной, когда речь идет о приобретении новой инокультуры через постепенное приобщение к ней путем изучения языка как ее неотъемлемой составляющей. Таким образом, язык становится ключом к культуре, к системе ценностей, к внутреннему миру народа – носителя данного языка.

Концепция национально ориентированной учебной лексикографии как специального направления в ряду лингвоориентированных дисциплин призвана реализовать задачи приобретения инокультуры, свободного от возможной культурной интерференции (в первую очередь интерференции ценностей) [1, с. 108]. Обращение к детальному анализу ценностно маркированных фактов и реалий культуры, закрепленных в национальном языковом сознании, является лейтмотивом в современной сопоставительной лексикографии [2, 3]. В предлагаемой статье определяются параметры выбора и векторы исследования лингвокультурных единиц, необходимых для изучения и сопоставительного анализа с целью создания национально ориентированного лингвострановедческого словаря для вьетнамских граждан, изучающих русский язык.

Методология и источники. Объектом культурно-когнитивного сопоставительного анализа в настоящей статье являются данные толковых словарей русского и вьетнамского языков, дефиниции лексических единиц, называющих общекультурные, общечеловеческие ценности, фразеологические и паремиологические единицы.

Результаты и обсуждение. Актуальность создания национально ориентированного лингвострановедческого словаря для вьетнамских граждан, изучающих русский язык, основывается на нескольких взаимосвязанных факторах, наиболее очевидными из которых представляются следующие: укрепление экономических и политических связей между Вьетнамом и Россией, способствующее развитию межкультурного диалога; растущее число вьетнамских студентов, обучающихся в российских вузах; необходимость использования вьетнамцами материалов на русском языке в различных сферах. И при этом – наблюдаемая и отмечаемая вьетнамскими русистами тенденция снижения интереса к изучению русского языка, особенно в нефилологической сфере, непосредственно в самой Социалистической Республике Вьетнам (СРВ). Изменить данную диспропорцию призван лингвострановедческий учебный словарь нового типа, способствующий, по мнению вьетнамских коллег, повышению уровня мотивации у потенциального адресата – студента нефилологического профиля вуза СРВ, изучающего русский язык как иностранный.

Сопоставительный анализ русских и вьетнамских лингвокультурных единиц дает возможность эксплицировать специфику русского и вьетнамского общественного сознания применительно к культурным ценностям как к будущим вербализованным конституентам учебного лингвострановедческого словаря.

В своем исследовании мы исходим из идеи, что лингвокультурология в процессе изучения проявлений культуры в языке должна быть нацеленной не в последнюю очередь на обнаружение и описание ее ценностных компонентов.

Ценности представляют собой основу любой лингвокультуры. Следовательно, овладение любым без исключения языком как средством межкультурной коммуникации требует от инофона обязательного овладения сопряженной с языком системой ценностей, составляющей часть содержания изучаемой им культуры [1, с. 103].

Говоря об аксиологии иноязычного образования и как бы развивая данную мысль, Е. И. Пассов выделил следующие взаимообусловленные пары ценностей, составляющих духовность человека [4, с. 15–16]:

- нравственность и здоровье;
- интеллект и умелость;
- творчество и развитие;
- самоопределение и общение;
- свобода и ответственность.

На основе этих ценностей Е. И. Пассов сформулировал следующие пять принципов аксиологии образования [4, с. 16]:

1. Принцип единства и взаимозависимости нравственности и здоровья как ценности.
2. Принцип единства и взаимозависимости интеллекта и умелости как ценности.
3. Принцип единства и взаимозависимости творчества и развития как ценности.
4. Принцип единства и взаимозависимости самоопределения и общения как ценности.
5. Принцип единства и взаимозависимости свободы и ответственности как ценности.

Все вышеназванные принципы самым тесным образом связаны с феноменом «культура». К слову сказать, он насчитывает более 500 определений в зависимости от угла зрения исследователя. Резонно возникает вопрос: что представляет собой культура для авторов данной статьи?

Вероятно, самым подходящим для преследуемых нами образовательных целей является понимание культуры как специфического способа организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного мира, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе [5, с. 292]. Следует подчеркнуть, что ценности призваны определять чувство единения, принадлежности к нации.

По мнению Е. И. Пассова, для русского человека такими ценностями являются его первая кукла, звуки родной речи, Кремль и Собор Василия Блаженного, Баба-Яга и Василиса Прекрасная, блины на масленицу, облик родного города, поле в васильках и ромашках, стихи Пушкина, космонавт Гагарин, ученые Павлов и Менделеев, родные поговорки как житейская мудрость народа и т. п. [4, с. 24].

Как известно, базовой единицей лингвокультурологического исследования в настоящее время признается концепт – «ментальная единица, характеризующаяся ярко выраженным ценностным содержанием, которая объединяет в себе такие взаимосвязанные категории, как язык, ментальность, культура, и является некой ячейкой, структурным компонентом национальной картины мира того или иного народа, носителя определенных языка и культуры, определенной системы ценностей» [6, с. 139]. При этом одной из существенных сложностей сопоставительного лексикографического описания русского и вьетнамского языков представляется их специфика.

Рассмотрим конкретные примеры устойчивых словосочетаний двух языков: именно в них отражаются особенности национального мировидения, вызывающие трудность их восприятия инофоном при овладении им соответствующим языком как средством межкультурной коммуникации [7–9].

Например, о благодатном крае представители вьетнамской культуры скажут так: *gao trắng nước trong* (*nước trong gao trắng*) – «рис белый, вода прозрачная» («вода прозрачная, рис белый») [10, с. 78]. Данный фразеологизм можно сопоставить с русским «молочные реки и кисельные берега» («Разг. 1. Сказочное изобилие; символ достатка и благополучия. 2. Символ несбыточного, невероятного» [11]). Обращают на себя внимание выбранные предметы материального мира, символично описывающие благодатный край. У вьетнамцев это «белый рис» и «прозрачная вода», у русских – «молочные реки», «кисельные берега».

Об очень старом человеке вьетнамцы скажут *da moi tóc bạc* («кожа черепахи, волосы седые»), в русском языке похожим фразеологизмом выступает сравнение «как печеное яблоко» – обычно так говорят о сильно сморщенном лице. В данном примере также можно увидеть символическое отражение мира вещей, фактов родной культуры.

В отличие от русской, для вьетнамской культуры характерна острая пища. Фразеологизм *ngậm đắng nuốt cay* – «держат во рту горькое, проглотить острое» – значит молча сносить (проглотить) обиду. В русском схожем фразеологизме «проглотить пилюлю» присутствует заимствованный галлицизм.

В обеих лингвокультурах можно найти фразеологизмы, содержащие сопоставимые друг с другом концепты, например концепт «душа»: вьетнамский фразеологизм *hồn xiêu phách lạc* – «дух шатается, душа блуждает», который означает «сильно испугаться»; русский фразеологизм «душа в пятки ушла» (ощущение сильного страха, испуга, робости, волнения [12]). Концепт «дом»: *nhà cao cửa rộng* – «дом высокий, дверь широкая» – так говорят

вьетнамцы о богатом доме; фразеологизм *giữ nhà giữ nước* – «хранить дом, хранить страну» – значит защищать родину (отчизну); фразеологизм *tan cửa nát nhà* – «развалилась дверь, разрушился дом» – о разрухе; русские фразеологизмы: «дома и стены помогают» («дом» в значении родного места, родной страны); «дом – полная чаша» (о богатом, зажиточном домашнем хозяйстве); «мой дом – моя крепость» (родной дом символизирует защиту).

Известно, что фразеологические единицы содержат важную информацию о традиционном национальном быте, культуре, явлениях и природе, характерных для жизни того или иного народа. Эта ценная информация сохраняется в языке, даже когда сама жизнь меняется и явления становятся далеким прошлым. Во многих фразеологизмах отражаются элементы или факты быта прошлого. Например, описывая богатую, зажиточную жизнь, вьетнамцы говорили *trên chăn dưới đệm* – «сверху – одеяло, снизу – матрас»; в русских фразеологизмах часто упоминается «печь», являющаяся неотъемлемым предметом быта («Баба с печи летит – семьдесят семь дум передумает»; «без работы и печь холодна»).

Важную лингвокультурологическую информацию содержат устойчивые выражения, в которых упоминаются представители флоры и фауны, характерные для природного ландшафта, окружающей среды, ареала проживания народа. В следующих фразеологических единицах можно обнаружить указания на национальную специфику мира растений и мира животных вьетнамской и русской лингвокультур: ситуацию обмана, когда русские скажут, например, «водить за нос», вьетнамцы опишут так: *treo dê bán chó* – «вывесить козла, продавать собаку»; о тесно связанных друг с другом людях вьетнамцы говорят *như cá với nước* – «как рыба и вода», как единое целое; в ситуации, когда человек чувствует себя спокойно и уверенно – *như ngu Eêc thây // như cá gặp nước* – «как рыба, попавшая в воду» – соответствует русскому устойчивому выражению «чувствовать себя как рыба в воде», «быть в своей стихии».

Ссорящихся, враждующих друг с другом людей и русские, и вьетнамцы сравнивают с кошкой и собакой: вьетнамское *như mèo với chó* – «как кошка с собакой» и русское «жить как кошка с собакой». Надоедливого человека в обеих лингвокультурах сравнивают с пиявкой: *dại nhẽ dĩa dôi* – «прилипчивый, как голодная пиявка» – очень назойливый, надоедливый человек. Также есть русский фразеологизм о назойливом человеке «прилип, как банный лист», «пристал, как банный лист». О вопросе, который решен окончательно и бесповоротно, вьетнамцы скажут *dứt đuôi ong* пос – «отделился хвост головастика». Интересны и следующие фразеологические обороты: *gầy nhẽ hạc // gầy nhẽ con hạc* – «худой, как журавль» – об очень худом человеке и *ngu nhẽ con lợn* – «глуп, как свинья» – об очень глупом, недалеким человеке. В русской лингвокультуре об очень худом человеке говорят «худой как спичка (спица, щепка)»; о глупом человеке – «глуп как пробка (куда ни ткнешь, там и торчит)».

О чем-то, что быстро вырастает, вьетнамцы скажут *mọc lên nhẽ nấm* – «расти, как грибы»; похожие фразеологизмы в русской лингвокультуре – «расти как грибы (после дождя)»; «расти как на дрожжах»; «расти не по дням, а по часам».

В ситуации сильного голода вьетнамцы употребляют выражение *kiên bò trong bụng* – «муравьи ползают в животе», у русских есть фразеологизм «сосет под ложечкой».

Интересен вьетнамский фразеологизм *vẽ chân thêm chân // hoa xà thêm túc* – «рисую змею, пририсовать ноги», который используют в случае, когда кто-то выполнил лишнюю работу, перестарался. В следующих фразеологизмах концептуализируется отношение к труду:

miêng an nôi lœ – «рот ест, гора рушится» // toa thuc son bang – «сидеть есть, гора рушится». Фразеологизмы означают, что если только сидеть и есть, то и гора может обрушиться; если не работать, то можно проесть и самое большое состояние. На тяжелый физический труд, который был характерен для населения, указывают фразеологизмы moi gôi chôn chân – «устали колени, онемели ноги», «падать с ног от усталости».

В рассмотренных фразеологизмах можно увидеть отражение реалий и фактов культур русского и вьетнамского народов. Приведенные примеры красноречиво свидетельствуют об особенностях понятийного членения мира, его концептуализации при содействии языка, призывая исследователя к учету данных особенностей и отражению последних в соответствующих лексикографических материалах, в том числе учебного характера.

Обращает на себя внимание и то, что национально-культурные различия вьетнамцев и русских проявляются, например, в системе именования человека и правилах обращения к собеседнику. В русском языке именование человека состоит из трех элементов (имени – отчества – фамилии), обращение зависит от возраста и статуса собеседников. При небольшом количестве вьетнамских фамилий чрезвычайно много вьетнамских имен, так как имя дается каждому новорожденному персонально, в знак уважения к неповторимой личности каждого человека. Сам порядок следования элементов вьетнамского именования жестко закреплён (сначала всегда фамилия: Нгуен Минь Ань, Ле Ван Хао).

Система обращений отражает такую характеристику вьетнамской культуры, как жесткая иерархия коммуникации, свойственная высококонтекстуальным культурам. Ее сущность заключается в том, что перед тем, как вступать в беседу, коммуниканту нужно осознать свое положение и узнать о положении своего собеседника [13, 14]. Таким образом, ценности, отраженные в нормах речевого этикета, можно с уверенностью считать еще одним важным источником данных для культурно-когнитивного анализа.

Существование национально-культурных различий русских и вьетнамцев, проявляющихся на разных уровнях сопоставления соответствующих лингвокультур, наличие несовпадений в отношении вьетнамцев и русских к некоторым ценностям позволяет говорить о существовании вьетнамских и русских ценностей, обращение к которым является необходимым условием для создания лингвострановедческой учебной лексикографии.

Заключение. Резюмируя сказанное, еще раз подчеркнем: значимость национально ориентированной учебной лексикографии обусловлена необходимостью создания таких средств обучения, которые наиболее адекватно будут способствовать процессу овладения инофоном (в конкретном случае – вьетнамцем) другим (русским) языком как средством межкультурной коммуникации, а именно национально ориентированного учебного лингвострановедческого словаря для вьетнамских учащихся, изучающих русский язык в условиях отсутствия языковой среды. Можно заключить, что обращение к детальному сопоставительному анализу ценностно маркированных фактов и реалий культуры, закрепленных в национальном языковом сознании, является необходимой задачей при разработке национально ориентированных средств обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Будник Е. А., Ратникова А. Г., Чинь Тхи Ким Нгок. Аксиологическая лингвистика и национально ориентированная лексикография: опыт
-
- Объекты культурно-когнитивного анализа в сопоставительной лексикографии 123
Objects of Cultural-Cognitive Analysis in Comparative Lexicography

взаимодействия (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 1. С. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8>.

2. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.

3. Разина А. С. Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 50–67. DOI: [10.17223/22274200/14/3](https://doi.org/10.17223/22274200/14/3).

4. Пассов Е. И. Принципы иноязычного образования, их система и иерархия. 2015. URL: <https://ru.mapryal.org/news/e-i-passov-printcipi-inoyazichnogo-obra> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энцикл., 1983.

6. Чафонова А. Г. Реализация лингвокультурологического подхода к обучению датских студентов русскому языку // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 139–142.

7. Cowie A. P. Phraseological Dictionaries: Some East-West Comparisons // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / ed. by A. P. Cowie. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 209–228.

8. Renau I., Huerta P. M., Albadalejo-Martínez A. Fraseología, diatopía y traducción / Phraseology, Diatopic Variation and Translation // International J. of Lexicography. 2020. Vol. 33, iss. 1. P. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijl/ecz024>.

9. Никитина Т. Г., Жуманиязов М. А. Лексика и фразеология в двуязычном сопоставительном словаре // Научный диалог. 2019. № 12. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-70-83>.

10. Андреева В. А. Фразеологическая вариантность во вьетнамском языке // Вьетнамские исследования. 2019. Т. 3, № 2. С. 76–85. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10017>.

11. Большой словарь русских поговорок. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (дата обращения: 21.09.2021).

12. Фразеологический словарь русского языка. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/ (дата обращения: 21.09.2021).

13. Ле Дык Тху. Некоторые особенности вьетнамского этикета в сопоставлении с русским // Русский язык за рубежом. 2003. № 1. С. 106–107.

14. Тимошенкова Г. Ю. Обращение в русском и вьетнамском языках // Науч. Вестн. Ворон. гос. арх.-строит. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 15. С. 103–108.

Информация об авторах.

Мамонтов Александр Степанович – доктор филологических наук (2001), профессор (2003), профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485, Москва, Россия. Автор 173 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, методика обучения РКИ.

Богуславская Вера Васильевна – доктор филологических наук (2004), доцент (2000), профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485, Москва, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: язык СМИ, лингвосоциокультурное моделирование текстов медиа, современный русский язык, межкультурная коммуникация, теория журналистики.

Ратникова Альбертина Германовна – кандидат педагогических наук (2018), педагог кафедры русского языка как иностранного Государственного института русского языка

им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485, Москва, Россия. Автор 29 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, лингвокультурология, русский язык как иностранный, сопоставительная лингвистика.

Голубь Алена Руслановна – кандидат филологических наук (2015), директор департамента научной деятельности Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485, Москва, Россия. Автор 14 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, проблемы дискурсивных практик, правовой коммуникации, лингвистической экспертизы текста, эвфемизм, левгемизм, риски, публичная коммуникация.

Чинь Тхи Ким Нгок – доктор филологических наук (2000), профессор (2006), научный консультант по культурным и социальным вопросам Института человековедения Вьетнамской академии общественных наук, ул. Ким Ма Тхыонг, 9а, 100118, г. Ханой, Вьетнам. Автор 120 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный.

Вклад авторов.

Мамонтов А. С. – разработка и проведение теоретической части исследования, методологии исследования, эмпирической части исследования, подготовка текста.

Богуславская В. В. – разработка концепции и структуры исследования, выбор и анализ литературных источников, анализ и интерпретация данных, заключение.

Ратникова А. Г. – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Голубь А. Р. – проведение эмпирической части исследования, техническая редакция.

Чинь Тхи Ким Нгок – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.11.2021; принята после рецензирования 30.11.2021; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Mamontov, A.S., Boguslavskaya V.V., Budnik E.A., Ratnikova A.G. and Trinh Thi Kim Ngoc (2021), "Axiological Linguistics and Nationally Oriented Lexicography: Experience of Interaction (On the Material of Russian-Vietnamese Comparisons)", *Science J. of VolSU. Linguistics*, vol. 20, no. 1, pp. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8>.
2. Kozyrev, V.A. and Chernyak, V.D. (2014), "Modern Orientations of Russian Lexicography". *Russian J. of Lexicography*, no. 1 (5), pp. 5–15.
3. Razina, A.S. (2018), "Ethnolinguistic, Ethnodialectal and Linguacultural Dictionaries as a New Stage of Lexicography", *Russian J. of Lexicography*, no. 14, pp. 50–67. DOI: 10.17223/22274200/14/3.
4. Passov, E.I. (2015), *Printsipy inoyazychnogo obrazovaniya, ikh sistema i ierarkhiya* [Principles of foreign language education, their system and hierarchy – in Russian], available at: <https://ru.mapryal.org/news/e-i-passov-printcipy-inoyazichnogo-obra> (accessed 20.09.2021).
5. Il'ichev, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalev, S.M. and Panov, V.G. (1983), *Filosofskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.
6. Chafonova, A.G. (2016), "Implementation of language-oriented cultural approach in teaching Russian language to Danish students", *Proceedings of Voronezh State Univ. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 3, pp. 139–142.

7. Cowie, A.P. (1998), "Phraseological Dictionaries: Some East-West Comparisons", *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*, in Cowie, A.P. (ed.), Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 209–228.
8. Renau, I., Huerta, P.M. and Albadalejo-Martínez, A. (2020), "Fraseología, diatopía y traducción / Phraseology, Diatopic Variation and Translation", *International J. of Lexicography*, vol. 33, iss. 1, pp. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijl/ecz024>.
9. Nikitina, T.G. and Zhumaniyazov, M.A. (2019), "Vocabulary and Phraseology in a Bilingual Comparative Study Dictionary", *Nauchnyi dialog*, no. 12, pp. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-70-83>.
10. Andreeva, V.A. (2019), "Phraseological variation in Vietnamese", *Russian J. of Vietnamese Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 76–85. DOI: <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10017>.
11. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [A complete dictionary of Russian proverbs], available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (accessed 21.09.2021).
12. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language], available at: https://phrase_dictionary.academic.ru/ (accessed 21.09.2021).
13. Le Duc Tho (2003), "Some features of Vietnamese etiquette in comparison with Russian", *Russian Language Abroad*, no. 1, pp. 106–107.
14. Timoshenkova, G.Yu. (2014), "Appeal to the Russian and Vietnamese languages", *Scientific Bulletin of the Voronezh State Univ. of Architecture and Construction. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 15, pp. 103–108.

Information about the authors.

Aleksandr S. Mamontov – Dr. Sci. (Philology) (2001), Professor (2003), Professor at the Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin str., Moscow 117485, Russia. The author of 173 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, ethnopsycholinguistics, linguoculturology, intercultural communication, Russian as a foreign language.

Vera V. Boguslavskaya – Dr. Sci. (Philology) (2004), Docent (2000), Professor at the Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin str., Moscow 117485, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: language of mass-media, linguosociocultural modeling of media texts, cultural, socio-psychological, linguistic problems of the contemporary Russian language, intercultural communication, theory of journalism.

Albertina G. Ratnikova – Can. Sci. (Pedagogy) (2018), Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin str., Moscow 117485, Russia. The author of 29 scientific publications. Area of expertise: intercultural communication, linguoculturology, Russian as a foreign language, comparative linguistics.

Alyona R. Golub – Can. Sci. (Philology) (2015), Director of the Department of Scientific Activity, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin str., Moscow 117485, Russia. Author of 14 scientific publications. Area of expertise: intercultural communication, problems of discursive practices, legal communication, linguistic expertise of the text, euphemism, legeguphemism, risk, public communication.

Trinh Thi Kim Ngoc – Dr. Sci. (Philology) (2000), Professor (2006), Scientific Adviser for Cultural and Social Issues at the Institute of Human Studies, Vietnamese Academy of Social Sciences, 9a Kim Ma Thuong str., Hanoi 100118, Vietnam. Author of 120 scientific publications. Area of expertise: cultural linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

Author's contribution.

Aleksandr S. Mamontov – literature overview, development and conducting the theoretical part of the research, methodology and empirical part of the research, preparation of the text.

Vera V. Boguslavskaya – development of the research concept and structure, selection and analysis of literature sources, analysis and interpretation of data, conclusion.

Albertina G. Ratnikova – conducting the empirical part of the research, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Alyona R. Golub – conducting the empirical part of the research, technical editing.

Trinh Thi Kim Ngoc – conducting the empirical part of the research, analysis and interpretation of data.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.11.2021; adopted after review 30.11.2021; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья
УДК 811.161.1; 316.772
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146>

«Чат-бот коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций

**Светлана Владимировна Киселева¹, Анна Андреевна Смирнова^{2✉},
Нэлла Аркадьевна Трофимова³**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹svkiseljeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3814-1111>

^{2✉}Smirnova_a.a.spb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1392-2832>

³nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

Введение. Авторы статьи рассматривают одну из интересных технологий в сегменте диджитализации – чат-бота – с лингвистической точки зрения. Тема представляет особый интерес для лингвистов, поскольку активное развитие цифровой среды ведет к появлению новых средств и форм речепорождения и речевосприятия, со своими отличительными особенностями, закономерностями и правилами конструирования. Речевые акты в системе интернет-дискурса в рамках данной работы имеют ключевое значение: объект исследования находится на стыке нескольких дисциплин (IT, Реклама и PR), однако с лингвистической точки зрения практически не рассматривается.

Методология и источники. Для прояснения некоторых теоретических неточностей в научной работе применяется корпусный анализ текстов англоязычных и русскоязычных веб-корпусов. Англоязычные веб-корпуса: «NOW» (News on the Web), «iWeb», «GloWbE» (Global Web-based English). Русскоязычные веб-корпуса: «ruTenTen11» и ГИКРЯ. Анализ особенностей построения речевых актов в чат-бот коммуникации проводится на языковом материале английских и русских чат-ботов в разных социальных сетях и мессенджерах.

Результаты и обсуждение. Корпусный анализ текста помогает рассмотреть объект исследования с лингвистической точки зрения и дополнить уже имеющиеся знания языковыми данными. Анализ эмпирического материала на базе двух языков позволяет провести сопоставление, выявить характеристики текстов чат-бот коммуникации, проследить сходства и различия в когнитивном восприятии речи, а также найти ошибки при построении речевых актов.

Заключение. Систематизация данных и более детальный анализ такого понятия как «чат-бот коммуникация» поможет в дальнейшем создать универсальные лингвокогнитивные модели для ботов с конечным сценарием, что поможет избежать ошибок и сделать коммуникативный акт максимально успешным. Чат-боты с точки зрения коммуникативной функции при организации речевых актов должны пользоваться специальными правилами и лингвистическими моделями, чтобы привести речевой акт к успеху. Как самообучающиеся боты в категории искусственного интеллекта создаются при активном участии лингвистов, так и чат-боты в социальных сетях и мессенджерах должны быть подчинены единым лингвистическим законам.

© Киселева С. В., Смирнова А. А., Трофимова Н. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: чат-бот коммуникация, корпусное исследование, речевой акт, текст, категории текста, когнция, сетевой дискурс

Для цитирования: Киселева С. В., Смирнова А. А., Трофимова Н. А. «Чат-бот коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 128–146. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146.

Original paper

“Chatbot Communication” as an Object of Linguistic Research in the System of Digital Communications

Svetlana V. Kiseleva¹, Anna A. Smirnova^{2✉}, Nella A. Trofimova³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Россия*

¹*svkiseleva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3814-1111>*

^{2✉}*Smirnova_a.a.spb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1392-2832>*

³*nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>*

Introduction. The authors of the article consider one of the interesting technologies in the digitalization segment – a chatbot – from a linguistic point of view. The topic is of particular interest to linguists, since the active development of the digital environment leads to the emergence of new means and forms of speech production and speech perception, with their own distinctive features, patterns and rules of construction. Speech acts in the Internet discourse system within the framework of this work are of key importance: the object of study is located at the intersection of several disciplines (IT, Advertising and PR), but from a linguistic point of view it is practically not considered.

Methodology and sources. To clarify some theoretical inaccuracies in the scientific work, corpus analysis of the texts of English-language and Russian-language web corpus is used. English-language web corpus: “NOW corpus” (News on the Web), “iWeb corpus”, “GloWbE corpus” (Global Web-based English). Russian-language web corpora: “ruTenTen2011” and GIKRYA. The analysis of the features of the construction of speech acts in chatbot communication is carried out on the basis of the language material of English and Russian chatbots in various social networks and instant messengers.

Results and discussion. Corpus text analysis helps to consider the object of study from a linguistic point of view and supplement existing knowledge with linguistic data. The analysis of empirical material based on two languages allows us to compare, identify the characteristics of chatbot communication texts, trace similarities and differences in the cognitive perception of speech, and also find errors in the construction of speech acts.

Conclusion. Systematization of data and a more detailed analysis of such a concept as “chatbot communication” will help in the future to create universal linguistic-cognitive models for bots with a final scenario, which will help to avoid mistakes and make the communication act as successful as possible. Chatbots, from the point of view of the communicative function, when organizing speech acts, must use special rules and linguistic models in order to bring the speech act to success. Just as self-learning bots in the category of artificial intelligence are created with the active participation of linguists, so chatbots in social networks and instant messengers must be subject to uniform linguistic laws.

Keywords: chatbot communication, corpus research, speech act, text, text categories, cognition, network discourse

For citation: Kiseleva, S.V., Smirnova, A.A. and Trofimova, N.A. (2022), "Chatbot Communication" as an Object of Linguistic Research in the System of Digital Communications", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 128–146. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146 (Russia).

Введение. Цифровизация, активно распространившаяся на все сферы жизни общества, оказала сильное воздействие и подтолкнула коммуникативную сферу к трансформации традиционных методов речевого взаимодействия. По прогнозам аналитиков «We Are Social», в 2022 г. пользователи во всем мире могут провести в Интернете более 12,5 трлн часов [1].

«Цифровая коммуникация» – новый термин, введенный в активный оборот средствами массовой информации, отражает всю специфику современных речевых актов, большая часть которых протекает через Интернет и социальные сети. Цифровые коммуникации находятся на стыке минимум трех дисциплин: IT как сферы, где создаются цифровые технологии; маркетинга, рекламы и PR, где данные коммуникации являются наиболее применимыми и востребованными; лингвистики как науки, которая занимается изучением коммуникационных процессов, описанием алгоритмов речевого взаимодействия и т. д. Междисциплинарность предопределяет специфику объекта: в каждой из представленных сфер ученые будут уделять большое внимание изучению различных вопросов, связанных с цифровыми технологиями. Эти исследования могут иметь общие моменты и точки пересечения, открывающие новые особенности объекта.

В лингвистической науке большое значение придается цифровым коммуникациям с точки зрения организации речевых актов, прагматической, когнитивной, семантической направленности. Коммуникационные процессы в сети строятся по своим законам, создавая новые сферы интереса лингвистической науки. Еще в 2010 г. Д. Кристал создал новый раздел, названный «Интернет-лингвистика» [2]. В качестве отличительных особенностей известный лингвист определил также четыре основные концепции, господствующие в сети: «социолингвистическую, образовательную, стилистическую и практическую» [2, р. 51]. Каждая из перечисленных концепций имеет свою специфику, свои отличительные особенности по сравнению с традиционными речевыми актами.

Вместе с тем возникает особый вид дискурса, отражающий в контекстах всю специфику интернет-коммуникации: сетевой дискурс. Это еще одна сфера интереса лингвистов, изучающих коммуникацию в веб-пространстве. Ведь «дискурс», согласно определению, данному Н. Д. Арутюновой, «это речь, погруженная в жизнь» [3, с. 132]. А. Т. А. ван Дейк дает термину более конкретное определение: «Дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию “коммуникативное событие”» [4, р. 212]. В. И. Карасик под дискурсом понимает «единство текста и коммуникативной ситуации» [5]. Таким образом, дискурс неразрывно связан с коммуникацией, и при появлении нового объекта (Интернета, социальных сетей и т. д.) возникает новый дискурс, отраженный в текстах и устных речевых актах.

Однако несмотря на популярность интернет-среды как объекта организации коммуникативных актов, существуют некоторые трудности в организации процесса ее исследования. Определенное ограничение на лингвистические исследования накладывает постоянная подвижность сферы: цифровые технологии очень активно развиваются, привнося все новые и новые аспекты в интернет-коммуникацию. Помимо этого, политические, социальные,

экономические, технологические и многие другие события могут накладывать серьезный отпечаток на эти процессы, ускоряя темп роста цифровизации или, наоборот, замедляя его.

Коммуникация в сети Интернет стала ключевым аспектом для внедрения искусственного интеллекта и чат-ботов. Объемы коммуникации в сети непрерывно растут, а это значит, что бизнес-структуры вынуждены применять технологии для организации чатов с клиентами, отслеживания ряда процессов, внедрения более широкого функционала и т. д.

Чат-бот как явление технологическое и коммуникативное может быть представлен на стыке трех уже упомянутых сфер: IT; маркетинг, реклама и PR и лингвистика. В IT-среде чат-бот является «формой разговорного искусственного интеллекта, предназначенной для упрощения взаимодействия человека с компьютерами» [6]. Важными аспектами исследований в данной среде являются закономерности функционирования алгоритмов, разработки и внедрение чат-ботов как программ. Для маркетинговой, рекламной и PR-сферы чат-бот является инструментом для налаживания коммуникации с ключевым сегментом базисного субъекта – целевой аудиторией и/или достижения рекламных целей компании [7, с. 13]. Лингвистическая сторона на данном этапе остается наименее исследованной. Однако именно лингвистическая сфера способна помочь в настройке чат-ботов и достижении эффективности коммуникационных процессов. Модели коммуникации Р. О. Якобсона [8], М. М. Бахтина [9], Д. Х. Хаймса [10]; речевые акты и критерии их успешности/неуспешности Дж. Остина [11], Дж. Серля [12] и Г. П. Грайса [13]; интернет-жанры В. И. Карасика [14]; категории текста И. Р. Гальперина [15]; современные тенденции интернет-коммуникации [16–18] и другие аспекты помогут специалистам в грамотной и точной настройке чат-ботов.

Чат-боты в лингвистическом аспекте в рамках данной работы рассматриваются как объект коммуникации, поэтому применительно к данному тексту необходимо ввести термин «чат-бот коммуникация» для обозначения специфики лингвистической схемы. Поскольку пространство для исследования обширно и методы исследования могут быть абсолютно разными, необходимо сфокусироваться на нескольких узких аспектах.

Методология и источники. Важным для исследования понятия «чат-бот коммуникация» представляется определение границ термина, его сходств и отличий по сравнению с более глобальным понятием «искусственный интеллект». В сфере IT у понятия «чат-бот» есть два определения:

– «работающие по заранее известным командам на основе ограниченного списка ключевых слов. Их гораздо проще создавать, однако практическое применение таких чат-ботов ограничено ключевыми словами, при отсутствии которых в запросе бот не сможет помочь пользователю;

– самообучающиеся на базе алгоритмов Machine Learning и методов понимания естественного языка (NLU, Natural Language Understanding). Создавать такие боты намного сложнее, однако на практике они оказываются намного эффективнее за счет накопления знаний на основе предыдущих взаимодействий с пользователем» [19].

В лингвистическом аспекте нет уточняющих данных по термину «чат-бот». Именно поэтому необходимо прибегнуть к корпусному анализу текстов. Под корпусом в лингвистике понимают «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определенных филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» [20, с. 52]. По мнению В. А. Райскиной

и О. А. Дубняковой, «методы корпусного анализа текста позволяют значительно повысить эффективность исследовательской деятельности ввиду автоматизированной системы отбора, обработки и вывода результатов» [21, с. 153]. Лингвисты Л. А. Кочетова и И. В. Кононова подчеркивают, что «в корпусной лингвистике исследователи анализируют ключевые слова корпуса, понимаемого как некая совокупность текстов, удовлетворяющая критериям сбалансированности и репрезентативности и снабженная компьютерным инструментарием» [22].

Для исследования предлагается воспользоваться корпусами русского и английского языков, отражающих специфику веб-технологий, Интернета, социальных сетей. Английскими корпусами текстов для анализа выступили «GloWbE», «iWeb», «NOW» [23].

Корпус «News on the Web», или «NOW», содержит 14,4 млрд слов: данные из интернет-газет и журналов. Сбор текстов для корпуса начался в 2010 г. и продолжается по настоящее время. Корпус увеличивается примерно на 2 млрд слов каждый год. В то время как другие ресурсы, такие как Google Trends, покажут самые частотные запросы в Интернете, данный корпус продемонстрирует языковые изменения в сетевом дискурсе [23].

Корпус «iWeb» содержит 14 млрд слов, расположенных в текстах 22 млн веб-страниц. Он связан со многими другими корпусами английского языка, однако ограничен временными рамками: тексты были выпущены в 2017 г. [23].

Корпус «GloWbE» собирался в период 2012–2013 гг., содержит гораздо меньше слов (1,9 млрд), но уникален тем, что позволяет проводить сравнения между различными вариантами английского языка [23].

Для русского языка будет актуально рассмотрение двух корпусов: «Russian Web 2011 (ruTenTen11)» [24] и Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) [25].

Доступ в корпус «ruTenTen11» осуществляется через программу «Sketch Engine», данные корпуса представлены текстами за 2011 г.

ГИКРЯ открыт в 2013 г., содержит более 20 млрд слов. Он создан при помощи автоматической технологии сбора и разметки текстов из Рунета и основан на современных достижениях компьютерной лингвистики [25].

Анализ результатов корпусного исследования поможет проследить «языковую историю» термина, а также определить динамику изменений в частотных выражениях, употребляемых в предложениях, сверхфразовых единицах, контекстах.

После корпусного исследования следует обратить внимание на речевые акты, функционирующие в чат-бот коммуникации. Поскольку специфика термина рассматривается нами с двух сторон: с точки зрения английского языка и с точки зрения русского языка, речевые акты также стоит изучить на примере текстов русского и английского языков. Англоязычный материал представлен ботом «HealthTap» в мессенджере Telegram. В качестве эмпирического материала исследования в русскоязычном сегменте следует рассмотреть бот от компании «МТС», функционирующий в социальной сети «ВКонтакте».

Теоретической базой исследования служат труды известных лингвистов: категории текста И. Р. Гальперина [15] (информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста), критерии успешности/неуспешности речевых актов Дж. Остина [11] и постулаты Г. П. Грайса [13].

Результаты и обсуждение. В первую очередь стоит рассмотреть результаты корпусного исследования термина (табл. 1).

Таблица 1. Корпусный анализ текстов, содержащих термин «чат-бот»
Table 1. Corpus analysis of texts containing the term “chatbot”

Критерии	NOW	iWeb	GloWbE	RUSSIAN WEB
Частота употребления	782	759	11	51
Коллокации	gradually (83)	Facebook (25)	create (2)	самообучающийся
	Facebook (31)	messenger (21)	artificially (1)	текстовый
	messenger (30)	conversational (20)	AI (1)	запускать
	AI (29)	technology (20)	mode (1)	Паганель
	Whatsapp (18)	future (20)	–	–
	launched (18)	create (18)	–	–
	using (18)	AI (16)	–	–
	artificial (17)	–	–	–

При анализе контекста можно выделить несколько особенностей употребления термина. Первым по хронологии стоит рассмотреть корпус «GloWbE»: из 11 употреблений 3 связаны со спецификой рекламы и PR:

«<...>We will create a “chat bot” that will connect with other site visitors and advertise you <...>»; «<...>We can create a chat bot which will be working 24 hours per day and will tell other site visitors about <...>»; «<...>In the text messages which this chat bot will send to opponents you can add some contact details, so people who are<...>» [23].

Здесь чаще всего употребляется «create» (то, что было отмечено в коллокатах). Помимо глагола, указателем на сферу становятся выражения «site visitors», «advertise you», «tell other site visitors about».

Помимо указания на сферу, слово «create» можно отнести и к технологии – процесс создания чат-ботов больше отражается в текстах, и, соответственно, можно предположить, что в этот период идет развитие сферы IT (по разработке ботов).

Также интересны три следующих примера употребления термина в тексте:

«<...>The android had two modes. A “chat bot” mode, which was essentially an interactive, scripted mode. The android was <...>»; «<...>How do you know it isn't a highly sophisticated artificially intelligent chat bot designed by the whiz kids at Carnegie Mellon's artificial intelligent computer sciences lab? <...>»; «<...>Dan: Are you a chat bot? Sylvie: Actually I'm an intelligent agent. Dan: Are you AI <...>» [23].

Мы видим систему: чат-бот как искусственный интеллект и чат-бот как сценарный механизм (прописанный сценарий). Это отсылает нас к определению чат-бота в IT-среде, которое уже рассматривалось выше [19]. Это и есть одна из точек пересечения двух дисциплин. Так через язык подтверждается наличие двух разных объектов: чат-бот как искусственный интеллект и чат-бот как сценарий, который прописывается коммуникатором в особой программе.

В корпусе «iWeb» за 2017 г. можно увидеть динамику изменения: во-первых, выросла частотность употребления по сравнению с 2012–2013 гг. Также по коллокатам можно определить: на первый план выходит коммуникативная составляющая термина, а не технологическая. «Facebook» и «messenger» указывают на коммуникативную составляющую. Причем,

зная специфику мессенджеров и социальных сетей, можно предположить, что в данный конкретный момент времени идет активное становление чат-ботов с конечным сценарием (они технологически проще в конструировании и дешевле, чем искусственный интеллект).

Следующие три частотных коллоката – «conversational», «technology», «future». Они подчеркивают саму технологию: технология будущего (относящаяся к диджитал-среде, виртуальной среде), ведение диалога (прямое предназначение чат-бота).

В корпусе «NOW» также есть интересные данные. В первую очередь можно увидеть динамику употребления термина в текстах с 2011 г. по настоящее время (рисунок).

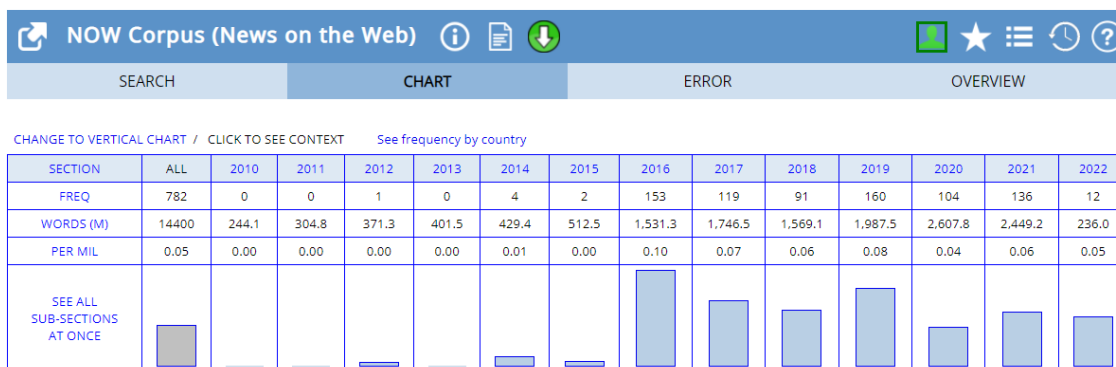

График распределения частоты употребления термина «чат-бот» в корпусе NOW
Graph of the frequency distribution of the use of the term chatbot in the NOW corpus

Употребление термина идет неравномерно: максимальная частотность наблюдается в 2019 г., далее в 2016, потом в 2021 г. Однако можно утверждать, что с 2016 г. произошел резкий рост употребления термина в новостных интернет-текстах. Это может быть связано с экстралингвистическими факторами, в частности, в 2016 г. на президентских выборах в США победу одержал республиканец Дональд Трамп, используя в качестве инструмента политического продвижения и агитации Интернет. Это событие показало, что телевидение уступило свои лидерские позиции Интернету [26]. Вероятнее всего, именно это событие дало такой заметный всплеск по частотности употребления термина.

Коллокаты также меняются: на сегодняшний момент самым частотным является «gradually». Сопоставив с предыдущими вариациями «conversational», «technology», «future», видим, что текущая реальность отражает настоящее (постепенное внедрение против размышлений о будущем). Теперь это не технология будущего, а технология настоящего.

На вторых позициях остаются «Facebook» и «messenger», но также к ним добавляется «Whatsapp» – еще один мессенджер. Whatsapp после 2014 г. (покупки приложения американской транснациональной холдинговой компанией Meta Platforms Inc., в которую входит Facebook) начинает активно набирать обороты, в связи с чем мы находим и его отражение в корпусе. По частотности употребления он немного уступает Facebook, однако можно смело предположить, что через три года к этому списку добавятся и другие мессенджеры и, возможно, они обгонят по частотности коллокат «Facebook».

В русскоязычном корпусе дела обстоят хуже. «RUSSIAN WEB» показывает всего 51 употребление. Этому также есть объяснение: корпус собирался в 2011 г., практически одновременно с «GloWbE». Однако то, что было развито за рубежом, до России еще только доходило. Поэтому наблюдается такая большая разница.

Особый интерес здесь вызывает коллокат «Паганель». Из сети Интернет удастся узнать, что в 2009–2012 гг. была популярна сетевая игра, для которой был создан чат-бот «Паганель», видимо, в целях организации сетевого взаимодействия. Игроки создали отдельную тему на сайте, где даже своеобразно отметили 1000 дней со дня создания чат-бота:

«Только в честь дня рождения нашего любимого Паганельки мы примем от вас оригинальную мечту для него. Празднование днюшки Паганеля состоится 23 мая, ему исполнится 1000 дней! Поэтому ваши интересные, оригинальные и незабываемые мечты вы можете писать нам до 20 мая включительно» [27].

При поиске «чат-бот» в генеральном интернет-корпусе русского языка найдено очень мало результатов – 16 упоминаний. Однако в связи с тем, что поиск идет через подкорпуса «ВКонтакте» (9820 млн слов) и «Живой Журнал» (8110 млн слов), можно предположить, что написание слова в текстах будет и «чатбот», и «чат бот». Предположение оказалось верным: лемма «чатбот» встречается 42 раза, а «чат бот» – 31 раз. Результаты даются за 2011–2015 гг.

Основные примеры употребления по лемме «чат-бот» связаны с представлением конкретных ботов, например, «Знакомство со мной! Я, Чат-Бот Маша Яськина, я создан(-а) для общения!»; «* Вас приветствует Чат-Бот Феликс * Добавляйте меня в беседы, если возникли вопросы, напиши»; «Всем привет! Я Чат-Бот! Хочешь пообщаться? Тогда пиши в лс!» [25]. Анализируя примеры, можно увидеть специфику приветствия в русскоязычном сегменте чат-ботов. Чат-боты в социальной сети «ВКонтакте» не обходятся без описания и приветствия: «вас приветствует», «всем привет!». Также в проанализированных примерах встретились фразы для начала диалога: «знакомство со мной!», «новый», «Я, саморазвивающаяся программа» [25]. После приветствия и представления идет обязательное описание функционала: «я создан(-а) для общения», «Добавляй в друзья и переписывайся», «Хочешь пообщаться?», «Я скрашу ваше одиночество и уберу грусть из ваших сердец» [25]. Видно, что основной упор при раскрытии функциональных возможностей делается на общение, коммуникацию, переписку. Интересно и то, что практически у каждого бота в примере есть свое имя, а иногда даже фамилия: «Маша Яськина», «Феликс», «Роман-Ромка».

Однако по представленным данным очень сложно делать полноценные выводы: основной упор сделан на социальную сеть «ВКонтакте», не учтены русскоязычные сегменты Instagram, Facebook. Данные по подкорпусу «Живой Журнал» уже устарели: в 2011 г. TNS Media Research зарегистрировал спад активности на 20–10 %, который наблюдается и в настоящее время [28].

Таким образом, делая промежуточный вывод по проведенному исследованию, можно отметить, что данные, представленные в англоязычном варианте употребления термина «чат-бот», указывают на наличие минимум двух значений: «чат-бот как программа искусственного интеллекта» и «чат-бот как программа с определенным конечным алгоритмом». Наблюдаемый интерес к слову возрастает с укреплением Интернетом своих лидерских позиций. В диахроническом аспекте термин трансформировался: в первоначальной трактовке большую часть занимала сама технология создания (но уже тогда прослеживалась частотная сфера употребления), далее чат-бот приобретает коммуникационный аспект, который выходит на первый план и остается у термина до сих пор. Меняется и парадигма: если в 2017 г. чат-бот – технология будущего, то сегодня – технология настоящего.

Русскоязычные данные также указывают на некоторую специфику употребления: во-первых, основная потребность в чат-боте – это коммуникация (общение, переписка и т. д.). Во-вторых, чат-боты практически всегда имеют приветственное сообщение и имя, что указывает на попытки придать программе определенную личность. Также чат-бот отражает ту парадигму, которая присутствует в обществе: пример с «Паганель». Устойчивость данных не позволяет сделать более точные выводы.

Далее необходимо рассмотреть тексты внутри чат-бота. Точнее, речевые акты, зафиксированные в письменных текстах. Поскольку настройкой чат-ботов как искусственного интеллекта занимаются целые команды специалистов, включающие профессиональных лингвистов, текст в чат-бот с конечным алгоритмом прописывается чаще всего маркетологами, SMM-специалистами, рекламистами. В связи с этим могут возникать ошибки в коммуникационном процессе. Рассмотрим бота в сети Telegram «HealthTap». Данный бот представлен медицинской организацией. Его задачей является запись пациентов на прием к определенным врачам. Ниже представлен текст:

«[7:44PM] Ann:/start

[7:44PM] Healthtap: Hello!! What is your name?

[7:44PM] Ann: Ann

[7:44PM] Healthtap: Hello Ann!! I am HealthTap a Medical Chatbot, do you need any help?

[7:47PM] Ann: Yes

[7:47PM] Healthtap: How may i help you? (Type the number) 1. Book an appointment 2. Cancel an appointment» [29].

Это лишь часть текста, поскольку далее алгоритм имеет расхождения в зависимости от выбранного варианта ответа:

«[7:48PM] Ann: 1

[7:48PM] Healthtap: Who would you like to visit? (Type the number)

1. Cardiologist

2. Dermatologist

3. Neurologist

[7:52PM] Ann: 2

[7:52PM] Healthtap: You had an appointment with which Doctor? (Dr First name Lastname)

[7:53PM] Ann: Dr Minal Desai

[7:53PM] Healthtap: Okay your appointment with Dr Minal is cancelled» [29].

У варианта 1 есть также несколько вариаций, но они все идут по классическому сценарию:

«[7:49PM] Ann: 1

[7:49PM] Healthtap: Cardiologist available with us are

1. Dr Amit Trivedi

2. Dr Minal Desai

Select the number of the Doctor you would like to have an appointment with or else type no

[7:49PM] Ann: 1

[7:50PM] Healthtap: When you you like to visit Dr Amit Trivedi?

[7:50PM] Ann: 06.12.2021

[7:51PM] Healthtap: Great your appointment for 2021-06-12 at 2021-05-21T06:00:00+06:00 is booked!!» [29].

С точки зрения организации текста это диалог. Согласно категориям текста И. Р. Гальперина нам необходимо просмотреть следующие: информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста [15] (табл. 2).

Таблица 2. Анализ категорий текста в боте «HealthTap»
Table 2. Analysis of text categories in the HealthTap bot

Категория текста	Анализ данных коммуникации бота «HealthTap»
Информативность	Данный текст с точки зрения формы является набором сообщений. Каждое сообщение, присланное ботом, требует ответного сообщения от пользователя (тем самым выстраивается диалогическая составляющая текста). Поскольку сообщение не обладает концептуальностью, оно не несет содержательно-концептуальной информации. Однако представлена содержательно-фактуальная информация: все, что идет с выборкой (имена докторов, категории лечения, действия, выбор даты и времени)
Членимость	Текст обладает особой членимостью, так как представлен в виде диалоговых сообщений; а также содержит алгоритм – выбор, который ведет к актуализации нового сценария. Текст можно разделить на начало (с команды «/start» до сообщения «Hello Ann!! I am HealthTap a Medical Chatbot, do you need any help?»); основную часть – весь выборный сценарий; завершение – согласно сценариям или «Great your appointment for 2021-06-12 at 2021-05-21T06:00:00+06:00 is booked!!», или «Okay your appointment with Dr Minal is cancelled»
Когезия	В данном тексте представлена композиционно-структурная когезия, выраженная через конъюнкцию: бот пишет варианты выбора сценария, именуя их определенными цифрами (1, 2), тогда как коммуникант присылает в ответ только выбранную цифру. Так текст обретает связность. Если происходит ошибка (коммуникант присылает сообщение, которое алгоритм не может распознать) – происходит обрыв коммуникации: «Healthtap: How may I help you? (Type the number) 1. Book an appointment 2. Cancel an appointment. Ann: No. Healthtap: What was that? Ann: I need a consultation. Healthtap: I didn't get that. Can you say it again? Ann: I need a consultation. Healthtap: Sorry, I didn't get that. Can you rephrase? Ann: consultation. Healthtap: Sorry, I didn't get that. Can you rephrase? Ann: 1. Book an appointment. Healthtap: I didn't get that. Can you repeat?»
Континуум	Темпоральная характеристика представлена отражением точного времени сообщений. Также к этому можно отнести время ответа: если коммуникант не ответит вовремя или ответит после возникновения ошибочного сценария, коммуникацию придется начинать заново. Пространственная характеристика континуума связана с последовательностью действий: невозможно выбрать дату до того момента, пока вы не представитесь и не ответите на вопрос, что вам нужна помощь
Автосемантия отрезков текста	Не представлена в тексте
Проспекция	Не представлена в тексте
Ретроспекция	В последних сообщениях идет повтор информации: «Ann: 06.12.2021. Healthtap: Great your appointment for 2021-06-12 at 2021-05-21T06:00:00+06:00 is booked!!»
Модальность	Не представлена в тексте

Окончание таблицы 2
End of table 2

Категория текста	Анализ данных коммуникации бота «HealthTap»
Интеграция	Текст может восприниматься как целостное произведение благодаря средствам когезии
Завершенность	Финальные сообщения. Завершенность будет отсутствовать, когда происходит ошибка в коммуникативном акте. Соответственно действие является незавершенным и текст не имеет логического завершения

Как можно увидеть из анализа, не все категории текста, выделенные И. Р. Гальпериным, демонстрируются в чат-бот коммуникации. Для подтверждения закономерности данной гипотезы следует проанализировать еще несколько ботов. На данный момент можно сделать вывод, что в чат-бот коммуникации отсутствуют авторское отношение, видение, мнение. Бот выполняет определенную информативную функцию посредством обмена сообщениями и выполнения определенных команд.

Далее следует проанализировать соответствие критериев успешности речевых актов по Дж. Остину (табл. 3).

Таблица 3. Анализ критериев успешности коммуникации в боте «HealthTap»
Table 3. Analysis of communication success criteria in the HealthTap bot

Критерии успешного коммуникативного акта по Дж. Остину	HealthTap
Конвенциональная процедура, приводящая к конвенциональным результатам	Присутствует (определенные обстоятельства – необходимость в записи или отказе от нее в медорганизацию; определенный круг лиц – люди, которым нужна определенного рода медицинская помощь (портрет целевой аудитории и т. д.)
Пригодность лиц	В процессе эксперимента присутствует, но в процессе реального функционирования могут происходить сбои (например, непопадание в целевую аудиторию или ошибка в географии пользователя и т. д.)
Правильность и полнота процедуры	В процессе эксперимента возникли некоторые трудности, поскольку в самом начале бот не обозначил свой функционал. Это приводит к созданию сценариев с негативным окончанием коммуникации. Отсутствие интерактивного меню приводит к необходимости каждый раз инициировать новый сценарий коммуникации посредством написания команды «/start»
Искренность в чувствах и мыслях	Довольно сложно проследить, является ли желание к коммуникации со стороны адресата (клиента) искренним. В коммуникативном эксперименте целью было получение эмпирических данных, а значит, мысли и чувства были искажены другой целью реализации
Аспект продолжения коммуникации в будущем и выполнения указанных действий	Начиная коммуникацию, клиент автоматически оставляет за ботом право на включение его в различные рекламные и маркетинговые рассылки. Данный бот носит информационно-вспомогательный характер, однако дополнительных сообщений за отведенный период (с 25.03.2021 по 22.11.2021) не наблюдалось. Действия по записи или отмене записи присутствуют внутри бота. Это предполагает ограниченное действие: например, если мы начали коммуникацию в марте, но не выбрали в сообщении сценарий. Это одна из важнейших особенностей, поскольку, в отличие от человека, который может посмотреть переписку и вспомнить специфику вопроса, даже если ответ на него придет через год, бот, к сожалению, пока не обладает такими навыками (в ряде программ при заполнении функции «вопрос» ввод ответа допускается до 24 часов, после ответ уже не будет засчитан). Также бот ограничен определенным функционалом и не понимает команд, не связанных с ним

Исходя из представленной информации, можно сделать вывод, что помешать успешности коммуникативного акта может расхождение в целях бота. Для устранения этого можно в приветственном сообщении ограничить функционал бота. С дополнением функционала можно присылать пользователям соответствующие сообщения, тем самым обеспечивая продолжение коммуникации.

Также стоит проанализировать языковой материал согласно выдвинутым постулатам Г. Грайса (табл. 4).

Таблица 4. Анализ коммуникации в боте «HealthTap» по постулатам Г. Грайса
Table 4. Analysis of communication in the bot “HealthTap” according to the postulates of G. Grice

Постулаты Г. Грайса	HealthTap
1. Постулаты информативности	Бот отвечает за донесение определенной информации по запрашиваемому действию (запись или отмена записи к определенному доктору)
2. Постулаты истинности	Поскольку отсутствует описание функционала, клиента может ввести в заблуждение специфика бота (можно подумать, что бот отвечает не только за запись или отмену записи на прием, но и за вопросы постановки диагноза и т. д., как это, например, происходит в чат-боте приложения «Flo»). Также в заблуждение вводят отсутствие информации о докторе и отсутствие календаря записи – чтобы посмотреть, когда есть свободные даты
3. Постулат релевантности	Информация является актуальной для целевой аудитории
4. Постулаты ясности выражения	При попытке уйти с заложенного алгоритма бот начинает писать несколько вариаций фразы «я вас не понимаю» (можно заметить на предыдущих примерах). Зачастую это вносит определенную неясность в диалог, как в случае с датами записи

Здесь мы также видим подтверждение предыдущего вывода: необходимо указать на функционал бота, чтобы не вводить клиента в заблуждение.

Далее рассмотрим русскоязычный пример чат-бота. Обратимся в социальную сеть «ВКонтакте» и возьмем в качестве эмпирического материала коммуникацию с ботом «МТС»: «Анна [19:07]: узнать о продуктах.

МТС [19:07]: Привет. Чтобы вы смогли быстрее решить свой вопрос, мы придумали специального чат-бота. Он еще учится и пока может помочь только с некоторыми общими вопросами, а также принять обращение по качеству связи и рассказать о тарифах “Тарифище” и “Тариф X”. Уже совсем скоро мы добавим еще вопросов, по которым бот сможет помочь 😊 Если бот не сможет ответить, напишите, пожалуйста, “оператор”, и ваш вопрос будет передан специалисту. Я с удовольствием расскажу Вам о тарифе. При подключении вам предоставляется безлимитный доступ к площадкам, где рождается ажиотаж (и YouTube тоже, ага;), а также к соцсетям и мессенджерам. Все это приправляется солидным пакетом минут, смс и интернет-трафика. Я могу вам что-то еще подсказать? Если нет, то введите в чате слово “оператор”, и я соединю вас с оператором. Если да, задайте ваш вопрос или нажмите на кнопку с нужным вопросом.

Анна [19:15]: Что входит в тариф?

МТС [19:15]: Уточните, пожалуйста, ваш регион.

Анна [19:15]: Мурманск.

МТС [19:15]: На месяц предоставляется 7 ГБ трафика, 200 sms и 100 минут в месяц + безлимит на МТС России. Я могу вам что-то еще подсказать? Если нет, то введите в чате

слово “оператор”, и я соединю вас с оператором. Если да, задайте ваш вопрос или нажмите на кнопку с нужным вопросом» [30].

Рассмотрим присутствующие категории текста, выделенные И. Р. Гальпериным (табл. 5).

Таблица 5. Анализ категорий текста в боте «МТС»
Table 5. Analysis of text categories in the bot from MTS

Категория текста	Анализ данных коммуникации бота МТС
Информативность	Форма информации в тексте: сообщения. Причем это отдельные сообщения, создающие целостный воспринимаемый диалог. Содержательно-концептуальная информация присутствует: «приправляется солидным пакетом минут», «доступ к площадкам, где рождается ажиотаж». В большей степени представлена содержательно-фактуальная информация: приветственное сообщение, описание функционала, рассказ о тарифе и предложение вызвать оператора (реального человека, который сможет дать консультацию)
Членимость	Текст виртуального диалога с чат-ботом обладает особой членимостью. Выбор сценария текста идет из меню кнопок (мы не пишем самостоятельно ответ, а выбираем одну из позиций меню). Разделение текста на части зависит от коммуникативной ситуации: если пользователь обратился к боту с вопросом, который он не может решить, то началом будет сообщение пользователя и приветствие команды разработчиков; основной частью будет рассказ о функционале и представление самого бота: «Я с удовольствием расскажу Вам о тарифе. При подключении вам предоставляется безлимитный доступ к площадкам, где рождается ажиотаж (и YouTube тоже, ага;), а также к соцсетям и мессенджерам»; завершение – вопросы и переход к коммуникации с оператором. Если мы говорим о коммуникативной ситуации, где пользователю необходимы возможности бота, тогда началом текста можно считать два сообщения: сообщение от пользователя и сообщение от бота, основной частью – все, что идет с выборкой и написанием ответов (на просьбу «Уточните, пожалуйста, ваш регион» ответ необходимо прописать самостоятельно); заключение – получение информации и/или переход к оператору
Когезия	В данном тексте представлена композиционно-структурная и синтаксическая когезия, выраженная через формальные и графические средства связи: до сообщения пользователю бот ставит несколько вопросов, моделируя различные сценарии: «Я могу вам что-то еще подсказать? Если нет, то введите в чате слово “оператор”, и я соединю вас с оператором. Если да, задайте ваш вопрос или нажмите на кнопку с нужным вопросом», ответами на вопросы служат кнопки вспомогательного меню или написание текста в чат
Континуум	Темпоральная характеристика представлена отражением точного времени сообщений. Пространственная характеристика континуума связана с последовательностью действий: невозможно узнать о тарифе, не указав регион проживания
Автосемантия отрезков текста	Не представлена в тексте
Проспекция	Не представлена в тексте
Ретроспекция	Для достижения закольцованности сценария общения идет повтор вопросительной части первого сообщения и последнего (при выборе коммуникативной ситуации с продолжением коммуникации с ботом): «[МТС 19:07]: Я могу вам что-то еще подсказать? Если нет, то введите в чате слово “оператор”, и я соединю вас с оператором. Если да, задайте ваш вопрос или нажмите на кнопку с нужным вопросом. [МТС 19:15]: Я могу вам что-то еще подсказать? Если нет, то введите в чате слово “оператор”, и я соединю вас с оператором. Если да, задайте ваш вопрос или нажмите на кнопку с нужным вопросом»
Модальность	Не представлена в тексте
Интеграция	Текст может восприниматься как целостное произведение благодаря средствам когезии
Завершенность	Завершенность текста выражается выполнением изначального действия коммуниканта: если цель была узнать о тарифах, то после финального сообщения бота коммуникация завершится. Если же цель отличалась от функционала бота, текст завершится командой пользователя связаться с оператором, и начнется другой текст

В отличие от англоязычного примера здесь присутствуют некоторые авторские фразы. Вероятнее всего, это сделано с целью «одушевить» механизм: добавить больше когнитивного опыта. Однако есть два плана повествования в первом предложении: представление бота от лица команды-разработчиков (на мысль о том, что это команда, наводят местоимение «мы» и глаголы множественного числа «придумали», «добавим») и от лица самого бота (дальнейшая коммуникация идет только от лица бота). В представлении разработчиками бота и самого бота нет никаких отсылок на имя бота: для сравнения в предыдущем англоязычном примере бот был назван в честь организации. Наличие имени у собеседника – очень важный фактор, влияющий на когнитивное восприятие информации и на саму коммуникативную ситуацию.

Далее проанализируем речевой материал по критериям, выделяемым Дж. Остином (табл. 6).

Таблица 6. Анализ критериев успешности коммуникации в боте «МТС»
Table 6. Analysis of communication success criteria in the bot from MTS

Критерии успешного коммуникативного акта по Дж. Остину	МТС бот
Конвенциональная процедура, приводящая к конвенциональным результатам	Функционал бота ограничен. Приветственное сообщение сформулировано очень размыто: большое количество информации, два лица в повествовательном процессе не дают конкретного представления о функционале бота. Организация коммуникации через меню ограничивает пользователя визуально еще сильнее, чем организация коммуникации через вопросно-ответную форму с отправкой цифры ответа
Пригодность лиц	В процессе эксперимента присутствует, но в процессе реального функционирования могут происходить сбои (например, непопадание в целевую аудиторию, детский интерес, случайность и т. д.)
Правильность и полнота процедуры	Правильность и полнота процедуры может быть нарушена в связи с отсутствием описания функционала, а также конкретизации действий в меню. Также нет возможности вернуться на шаг назад, чтобы, например, выбрать другую команду. Помимо этого, конкретики в представлении информации нет: подключить тариф через бота невозможно
Искренность в чувствах и мыслях	При вызове бота клиент отдает отчет своим действиям – зачем ему необходима эта коммуникация. Однако могут появиться также искажения (как, например, в случае эксперимента бот был нужен для сбора эмпирического материала, а значит, искренность коммуникации была нарушена)
Аспект продолжения коммуникации в будущем и выполнения указанных действий	Присутствует, но выражен слабо, так как происходит попытка перейти в чат с оператором – реальным человеком

Как мы видим, большое количество факторов может привести речевой акт к неуспешному завершению.

Проанализируем коммуникацию в чат-боте «МТС» согласно выдвинутым постулатам Грайса (табл. 7).

Таблица 7. Анализ коммуникации в боте «МТС» по постулатам Г. Грайса
Table 7. Communication analysis in the bot from MTS according to the postulates of G. Grice

Постулаты Г. Грайса	МТС бот
1. Постулаты информативности	Несмотря на то, что команды присутствуют (кнопки меню), информация зачастую идет сплошным текстом с множеством пунктов, что очень сложно воспринимать в ограниченном интерфейсом пространстве приема личных сообщений (в частности, с телефона)

Окончание таблицы 7
End of table 7

Постулаты Г. Грайса	МТС бот
2. Постулаты истинности	Некоторые формулировки не имеют доказательности («к площадкам, где рождается ажиотаж»; «Все это приправляется солидным пакетом минут, смс и интернет-трафика»). Также присутствует ошибка, которая вводит в заблуждение: «Анна [19:33]: Как подключить тариф? МТС [19:33]: Вы можете перейти на тариф в личном кабинете lk.mts.ru, в приложении «Мой МТС», воспользовавшись командой *111*1010*1#. Переход на любой тариф бесплатный! Попробуйте сформулировать вопрос несколько иначе. И я приложу все силы, чтобы вам помочь. Если вы хотите пообщаться с оператором, введите в чате слово “оператор”». Три последних предложения составляют абзац, общий смысл которого противоречит абзацу выше (ответ на вопрос уже был дан, однако бот присылает информацию об ошибке в написании команды)
3. Постулат релевантности	Релевантность частичная. Функционал компании куда шире, чем информирование о подключении двух тарифов. Также тарифная линейка намного шире
4. Постулаты ясности выражения	Ясность выражения слабая, много размытых формулировок, создающих впечатление манипулирования сознанием

После проведенного анализа можно сказать, что чат-бот от компании «МТС» представляет собой недоработанный продукт. На это указывают ошибки, ограниченность функционала, два плана повествования в первой части, отсутствие имени бота и т. д.

В отличие от предыдущего бота создатели попытались сделать его похожим на человека: в текст сообщений бота были включены оценочные суждения – как авторская позиция (позиция компании). Данный факт говорит о необходимости рассмотрения текстов чат-бот коммуникации в аспекте рекламного дискурса.

Оба бота, представленные к анализу, имеют ряд различий, обусловленных разницей менталитета носителей языка, целей коммуникации, сфер компаний, технологических возможностей. Краткая структура первого бота «HealthTap» может быть охарактеризована как простая в коммуникативном аспекте. Однако ряд факторов, выявленных при анализе, могут ввести адресата в заблуждение и привести коммуникацию к неуспешному завершению. Анализ текста второго бота «МТС» показал большое количество ошибок, которые так или иначе приводят речевой акт к неуспешному завершению.

Заключение. Подводя итог работы, следует отметить, что проведенное корпусное исследование веб-текстов двух языков: русского и английского – показывает лингвистическую динамику развития термина «чат-бот». Поскольку объект исследования носит междисциплинарный характер, необходимо было подкрепить выводы из других дисциплин лингвистическими доказательствами. Благодаря корпусному анализу это удалось сделать.

Понимание чат-бота как искусственного интеллекта и как программы с конечным алгоритмом; неразрывная связь технологии чат-бота и коммуникации; смена временной парадигмы с определения чат-бота как «технологии будущего» на «то, что постепенно проникает в нашу жизнь» – все это характеризует дополнительные особенности анализа текстов, речевых актов и т. д.

Анализ эмпирического материала двух чат-ботов на английском и русском языках показал, что имеется ряд сходств и различий: в выражении категорий текстов, характеристике

успешности и неуспешности речевых актов. Расхождения в анализе материала могут быть обусловлены разницей менталитета носителей языка, целей коммуникации, сфер компаний, технологических возможностей. Краткая структура первого бота «HealthTap» четко дает понять, что пользователь общается с ботом, тогда как бот от компании «МТС», с одной стороны, старается наделить себя когнитивной, а с другой, на фоне отсутствия имени собеседника это выглядит как реклама собственных услуг. Возможные ошибки, приводящие коммуникационный акт к неуспешности, могут быть устранены более четким описанием функционала.

Чат-бот коммуникация в лингвистическом аспекте имеет большое количество неизученных аспектов. Именно поэтому исследования такого рода должны иметь продолжение. Изученность современного явления, которое активно распространяется на все сферы жизни общества, в коммуникационном плане поможет создавать универсальные лингвокогнитивные модели, снижающие риск неуспешности речевого акта и возникновения ошибок при коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global Digital 2022: ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры // Sostav.ru. 2022. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. NY.: Routledge, 2011.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Teun A. van Dijk. Discourse and Context A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. URL: <http://www.cambridge.org/9780521895590> (дата обращения: 10.12.2021).
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Болен Э. Чат-боты: что это такое // SAS. 2021. URL: https://www.sas.com/ru_ru/insights/articles/analytics/what-are-chatbots.html (дата обращения: 10.12.2021).
7. Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018.
8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. И. А. Мельчук. 1975. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 29.09.2021).
9. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
10. Хаймс Д. Х. Этнография речи / пер. с англ. // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 42–95.
11. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макаевой, В. П. Руднева. М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–136.
12. Searle Jo. What is a speech act? // Philosophy in America / ed. M. Black. London: Alien and Unwin, 1965. P. 221–239.
13. Grice H. P. Meaning // Philosophical Rev. 1957. Vol. 66, № 3. P. 377–388. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182440>.
14. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>.
15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2006.
16. Латипова А. Л. Лингвистические особенности языка интернет-дискурса // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 6 (129). С. 159–163.
17. Масликова О. С. Языковые особенности общения в Интернет-пространстве // Инновационная наука. 2019. № 9. С. 69–72.

18. Чепурных В. И. О коммуникативно-прагматическом подходе к исследованию графических стилистических средств в художественном тексте // Семантика и прагматика единиц языка в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. О. Гучинской и др. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 147–153.
19. Библиотека программиста. Чат-боты: введение от разработчика // Proglib.io. 2017. URL: <https://proglib.io/p/chat-bots-intro/amp/> (дата обращения: 20.11.2021).
20. Захаров В. П. Поисковые системы Интернета как инструмент лингвистических исследований // Русский язык в Интернете: сб. ст. Казань: Отечество, 2003. С. 48–59.
21. Райскина В. А., Дубнякова О. А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 40. С. 146–154.
22. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 65–74.
23. Корпус англоязычных текстов // English-Corpora. 2022. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 20.01.2022).
24. Корпус «Russian web 2011» // Sketch Engine. 2022. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 20.01.2022).
25. Генеральный интернет-корпус русского языка // ГИКРЯ. 2022. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).
26. Итоги года: фейки, нейросети и победа интернета // Газета.ру. 2016. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2016/12/20_a_10439129.shtml (дата обращения: 01.12.2021).
27. Чат-бот Паганель // Затеяники. 2012. URL: https://zatejnik.ucoz.ru/news/podelis_svoej_mechtoj_s_paganelkoj/2012-04-24-20 (дата обращения: 01.02.2022).
28. Кодачигов В. ЖЖ теряет аудиторию // Ведомости. 2011. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2011/10/12/poluzhivoj_zhurnal (дата обращения: 20.01.2022).
29. Чат-бот HealthTap в Телеграм // Telegram.org. 2021. URL: https://web.telegram.org/#/im?p=@ghealthtap_bot (дата обращения: 20.10.2021).
30. Чат-бот МТС в ВКонтате // ВКонтате.ру. 2021. URL: <https://vk.com/im?sel=-8458649> (дата обращения: 01.08.2021).

Информация об авторах.

Киселева Светлана Владимировна – доктор филологических наук (2010), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: история английского языка, лексикология английского языка, теоретическая грамматика, когнитивная лингвистика (когнитивная семантика, когнитивная терминология).

Смирнова Анна Андреевна – аспирантка кафедры теории и практики английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 37 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика текстов и дискурсов, коммуникативная лингвистика, сетевая коммуникация, коммуникация с искусственным интеллектом/чат-ботом.

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2010), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия.

Автор 130 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистическая экспертиза текста, модели перевода и стилистика редактирования, сопоставительная лингвокультурология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.02.2022; принята после рецензирования 17.03.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. "Global Digital 2022: annual report on the Internet and social networks – the main figures", (2022), *Sostav.ru*, available at: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (accessed 28.01.2022).
2. Crystal, D. (2011), *Internet Linguistics: A Student Guide*, Routledge, NY, USA.
3. Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, RUS.
4. Teun, A. van Dijk (2008), *Discourse and Context A Sociocognitive Approach*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, available at: <http://www.cambridge.org/9780521895590> (accessed 10.12.2021).
5. Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnosis, Moscow, RUS.
6. Bohlen, E. (2021), "Chatbots: what is it", SAS, available at: https://www.sas.com/ru_ru/insights/articles/analytics/what-are-chatbots.html (accessed 10.12.2021).
7. Krivososov, A.D., Filatova, O.G. and Shishkina, M.A. (2018), *Osnovy teorii svyazei s obshchestvennost'yu* [Fundamentals of the theory of public relations], 2nd ed., Peter, SPb., RUS.
8. Jacobson, R. (1975), *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics], available at: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (accessed 29.09.2021).
9. Bakhtin, M.M. (1986), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Iskusstvo, Moscow, USSR.
10. Hymes, D.H. (1975), "The Ethnography of Speaking", Transl. from English, *Novoe v lingvistike. Vyp. VII. Sotsiolingvistika* [New in linguistics], iss. VII. Sociolinguistics, Progress, Moscow, USSR, pp. 42–95.
11. Austin, J. (1999), "How To Do Things With Words", *Favorites*, Transl. by Makeeva, L.B. and Rudnev, V.P., Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS, pp. 13–136.
12. Searle, J. (1965), "What is a speech act?", *Philosophy in America*, Black, M. (ed.), Alien and Unwin, London, UK, pp. 221–239.
13. Grice, H.P. (1957), "Meaning", *Philosophical Review*, vol. 66, no. 3, pp. 377–388. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182440>.
14. Karasik, V.I. (2019), "Genres of network discourse", *Speech Genres*, no. 1 (21), pp. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>.
15. Gal'perin, I.R. (2006), *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research], Nauka, Moscow, RUS.
16. Latipova, A.L. (2018), "Linguistic features of the language of the Internet discourse", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 6 (129), pp. 159–163.
17. Maslikova, O.S. (2019), "Linguistic features of communication in the Internet space", *Innovation science*, no. 9, pp. 69–72.
18. Chepurnykh, V.I. (1988), "On the communicative-pragmatic approach to the study of graphic stylistic means in a literary text", *Semantika i pragmatika edinits yazyka v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Semantics and pragmatics of language units in the text: interuniver. collection of scientific papers], in Guchinskaya, I.O. et al. (eds.), LGPI im. A.I. Gertsena, Leningrad, USSR, pp. 147–153.
19. "Programmer's Library: Chatbots: developer's introduction" (2017), *Proglib.io*, available at: <https://proglib.io/p/chat-bots-intro/amp/> (accessed 20.11.2021).

20. Zakharov, V.P. (2003), "Internet search engines as a tool for linguistic research", *Russkii yazyk v Internetе: sb. st.* [Russian language on the Internet: sat. articles], Otechestvo, Kazan', RUS, pp. 48–59.
21. Raiskina, V.A. and Dubnyakova, O.A. (2015), "Modern methods of corpus linguistics in text analysis (on the example of the BFM corpus)", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki* [Actual problems of modern science], no. 40, pp. 146–154.
22. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2019), "A cognitive corpus approach to the study of construing values in advertising discourse", *Issues of cognitive linguistics*, no. 2, pp. 65–74.
23. "Corpus of English texts", (2022), *English-Corpora*, available at: <https://www.english-corpora.org/> (accessed 20.01.2022).
24. "Corpus "Russian web 2011"", (2022), *Sketch Engine*, available at: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 20.01.2022).
25. General Internet Corpus of the Russian Language", (2022), *GIKRYA*, available at: <http://www.webcorpora.ru/> (accessed 20.01.2022).
26. "Results of the year: fakes, neural networks and the victory of the Internet" (2016), *Gazeta.ru*, available at: https://www.gazeta.ru/tech/2016/12/20_a_10439129.shtml (accessed 01.12.2021).
27. "Chatbot Paganel" (2012), *Zateiniki*, available at: https://zatejnik.ucoz.ru/news/podelis_svoej_mechtoj_s_paganelkoj/2012-04-24-20 (accessed 01.02.2022).
28. Kodachigov, V. (2011), "LJ is losing its audience", *Vedomosti*, available at: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2011/10/12/poluzhivoj_zhurnal (accessed 20.01.2022).
29. "HealthTap chat bot in Telegram" (2021), *Telegram.org*, available at: https://web.telegram.org/#/im?p=@ghealthtap_bot (accessed 20.10.2021).
30. "Chatbot MTS in V Kontakte" (2021), *Vkontakte.ru*, available at: <https://vk.com/im?sel=-8458649> (accessed 01.08.2021).

Information about the authors.

Svetlana V. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology) (2010), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 160 scientific publications. Area of expertise: history of the English language, lexicology of the English language, theoretical grammar, cognitive linguistics (cognitive semantics, cognitive terminology).

Anna A. Smirnova – Postgraduate at the Department of Language Theory and Translation Studies, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 37 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, corpus linguistics of texts and discourses, communicative linguistics, network communication, communication with artificial intelligence/chatbot.

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology) (2010), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 130 scientific publications. Area of expertise: linguistic expertise of the text, translation models and editing style, comparative linguoculturology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.02.2022; adopted after review 17.03.2022; published online 23.06.2022.*

Оригинальная статья

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-147-165>

Семантико-когнитивный анализ концепта PANDEMIC (на материале англоязычных медиатекстов)

Елена Викторовна Коровина¹, Наталия Валентиновна Степанова^{2✉}

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹elenaakor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4219-8209>

^{2✉}nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

Введение. Цель данного исследования состоит в проведении последовательного семантико-когнитивного анализа концепта PANDEMIC на материале актуальных медиатекстов периода пандемии. Актуальность исследования лингвокогнитивной репрезентации концептов кризисного дискурса пандемии не вызывает сомнений, поскольку события и явления кризисного периода находят непосредственное отражение в когнитивных единицах, при помощи которых в общественном сознании конструируются определенные образы и, как следствие, происходит формирование общественного мнения по ключевым социально значимым вопросам.

Методология и источники. При построении номинативного поля PANDEMIC применялись методы дискурсивного и концептуального анализа, включая обращение к анализу словарных дефиниций и синонимических рядов, а также интерпретативный анализ контекста на материале медиатекстов англоязычных периодических изданий в период с марта 2020 г. по январь 2022 г. Настоящая статья представляет собой фрагмент масштабного исследования, посвященного комплексному лингвокогнитивному анализу кризисного дискурса пандемии.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования концепта PANDEMIC были выявлены многочисленные когнитивные признаки. Ядро концепта в рассмотренном материале составляют два признака: вред для здоровья и распространение на обширные территории. В состав ближней периферии концепта вошли следующие когнитивные признаки: побуждение и принуждение к вакцинации; использование средств индивидуальной защиты; социальная изоляция или введение карантина; борьба с инфекцией. Дальнюю периферию концепта PANDEMIC составляют признаки: страх и тревога, вызванные вирусом; отрицательное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику; положительное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику; изменение привычного уклада жизни.

Заключение. Семантико-когнитивный анализ позволяет осуществить поэтапный переход от семантики единиц языка к содержанию концепта. Границы интерпретации когнитивной единицы и конструирования образа пандемии существенно расширяются посредством анализа стилистических и фразеологических единиц, составляющих образный слой и интерпретационное поле концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, семантико-когнитивный анализ, ядро, периферия, пандемия, коронавирус, образ кризиса

© Коровина Е. В., Степанова Н. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Коровина Е. В., Степанова Н. В. Семантико-когнитивный анализ концепта PANDEMIC (на материале англоязычных медиатекстов) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 147–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-147-165.

Original paper

Semantic-Cognitive Analysis of the Concept PANDEMIC (Based on English Media Texts)

Elena V. Korovina¹, Nataliia V. Stepanova²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Россия*

¹*elenaakor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4219-8209>*

²*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Introduction. The purpose of this study is to conduct a consistent semantic-cognitive analysis of the PANDEMIC concept based on the material of the pandemic period current media texts. The present study examines the objectification of the PANDEMIC concept in English-language media texts. The relevance of the linguo-cognitive representation study of the concepts of the pandemic crisis discourse is beyond doubt, since the events and phenomena of the crisis period are directly reflected in these cognitive units, with the help of which certain images are constructed in the social consciousness and, thus, public opinion is formed on key socially relevant issues.

Methodology and sources. While constructing the nominative field of the PANDEMIC concept, methods of discursive and conceptual analysis were used, including recourse to the analysis of dictionary definitions and synonymic series, as well as an interpretive analysis of the context based on media texts. The material of the study was the media texts of the news resources selected from March 2020 to January 2022.

Results and discussion. As a result of the study of the PANDEMIC concept, numerous cognitive features were identified. At the core of the PANDEMIC concept there are two cognitive features: harm to health and spread over vast areas. The composition of the near periphery of the PANDEMIC concept included the following cognitive features: encouraging and forcing to vaccinate; using of personal protective equipment; social isolation or quarantine; fighting against the virus. The far periphery of the PANDEMIC concept consists of the following cognitive features: fear and anxiety caused by the virus; the negative impact of the pandemic on the business and economic development of countries; the positive impact of the pandemic on the business and economic development of countries; change in normal routine.

Conclusion. The semantic-cognitive analysis allows for the transition from the semantic component of language units to the content of the concept. The stylistic and phraseological units that make up the figurative component and the interpretive field of the concept provide an opportunity to expand the boundaries of the cognitive unit and construct the image of pandemic even more thoroughly.

Keywords: concept, cognitive features, semantic-cognitive analysis, core, periphery, pandemic, coronavirus, crisis image

For citation: Korovina, E.V. and Stepanova, N.V. (2022), "Semantic-Cognitive Analysis of the Concept PANDEMIC (Based on English Media Texts)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 147–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-147-165 (Russia).

Введение. Цель данного исследования состоит в проведении последовательного семантико-когнитивного анализа концепта PANDEMIC на материале актуальных медиатекстов

периода пандемии. Одним из наиболее значимых событий последних лет является пандемия коронавируса. Эпидемиологическая ситуация затронула множество сфер жизни мирового сообщества. На современном этапе феномен «пандемия» изучается сквозь призму различных наук; вербальная репрезентация данной темы в различных видах дискурса в свою очередь находится в фокусе внимания лингвистов. Исследователи занимаются описанием структурно-семантических особенностей неологизмов [1] и характерных изменений в словарном составе языка данного периода [2], анализом структуры фразеологических единиц, появившихся в период пандемии [3], изучением метафорической репрезентации коронавируса в дискурсе СМИ [4], а также проведением социолингвистических исследований различных видов дискурса, связанных с коронавирусом [5]. С точки зрения когнитивной науки любопытным представляется изучение образа пандемии в дискурсивном пространстве медиатекста с последующим анализом процесса выстраивания образа этого явления в сознании читательской аудитории.

Базовым элементом любого вида дискурса является концепт – стержневое понятие когнитивной лингвистики. Концепт представляет собой мыслительный образ, закрепленный в сознании индивида посредством накопленного им опыта, и включает в себя ассоциативные и оценочные элементы, абстракции, ментальные изоглоссы. Концепт не возникает из значения слова, а являет собой квинтэссенцию прямой номинации и сопутствующих набранных значений, которые стоят за ней [6].

Любой языковой знак, репрезентирующий концепт, объективирует лишь часть концептуальных признаков, входящих в его содержание, но не передает весь спектр значений концепта в полном объеме. Концепт во всем своем богатстве значений вербализуется и становится частью семантического пространства языка при помощи совокупности единиц языка, которые, в свою очередь, представляют номинативное поле концепта и генерируют его когнитивные признаки [7, с. 8]. Семантико-когнитивный анализ, применяемый в данном исследовании, позволяет получить доступ к концептосфере и обнаружить особенности группового мышления посредством поэтапного перехода от семантической составляющей единиц языка к содержанию концепта [7, с. 9]. Данный метод дает возможность проследить, какое содержание вкладывают носители языка в то или иное понятие, а также выявить значения языковых единиц, номинирующих концепт.

Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину [8], к основным этапам семантико-когнитивного подхода относятся: описание макроструктуры концепта, описание категориальной структуры концепта, описание полевой организации концепта. В макроструктуре концепта, как правило, выделяют три слоя: информационное содержание, образный компонент и интерпретационное поле. Информационное содержание является базовым компонентом концепта и отражается в лексическом значении репрезентирующих его языковых единиц. Информационное содержание концепта конструируется из когнитивных признаков, определяющих наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления [8, с. 77]. Выявление и последующий анализ базовых когнитивных признаков концепта на первом этапе осуществляется при помощи лексикографических источников. Образ и интерпретационное поле концепта рассматриваются на основе анализа его функционирования в конкретном дискурсе. На данной стадии исследования основное внимание уделяется лексическим

и фразеологическим единицам и стилистическим приемам [9]. Образ может быть образован: 1) перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств (перцептивный образ); 2) образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления. Этот образ также называют когнитивным [8, с. 75]. Интерпретационное поле концепта объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку или требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта. Описание его категориальной структуры и полевой организации осуществляется посредством последующей когнитивной интерпретации семантики языковых средств и выявления его когнитивных признаков. Построение категориальной структуры предполагает описание выявленных когнитивных признаков концепта в иерархическом порядке. Полевая организация когнитивных признаков предусматривает их ранжирование с опорой на данные о яркости, актуальности, степени частотности употребления признаков [8, с. 149].

В настоящий момент актуальность исследования лингвокогнитивной репрезентации явлений периода пандемии не вызывает сомнений, поскольку эти явления постоянно присутствуют в жизни общества и, соответственно, находят отражение в общественном сознании. Применение семантико-когнитивного анализа к исследованию концепта PANDEMIC дает возможность приблизиться к пониманию сущности данного феномена, проследить, как осуществляется формирование образа пандемии в медиатексте и как данный образ конструируется в сознании читательской аудитории.

Методология и источники. Исследование включило в себя следующие основные этапы:

- 1) выявление когнитивных признаков концепта PANDEMIC, отображающих смысловой объем данной когнитивной единицы в дискурсе медиатекста;
- 2) построение номинативного поля концепта;
- 3) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта;
- 4) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств;
- 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков;
- 6) моделирование концепта в словесной форме.

Построение номинативного поля включило в себя описание ядра, ближней и дальней периферии концепта PANDEMIC. В ходе работы с ядром концепта использовались метод дефиниционного анализа и метод анализа синонимических рядов: при помощи данных электронных лексикографических источников была определена ключевая лексема-репрезентант концепта, выявлен и рассмотрен синонимический ряд PANDEMIC. В ходе исследования применялись следующие электронные словари: Cambridge Dictionary, Merriam-Webster, Macmillan Dictionary и Longman Dictionary. Далее ключевая лексема-репрезентант и ее синонимические единицы были исследованы в дискурсе медиатекстов посредством интерпретативного анализа контекста и дискурсивного анализа. Описание периферии концепта осуществлялось на базе дискурса медиатекстов. На данном этапе семантико-когнитивного анализа был проведен дискурсивный анализ стилистических приемов и фразеологических единиц,

объективирующих концепт в медиатекстах, но отсутствующих в словарях. Образный слой и интерпретационное поле концепта были исследованы с использованием статей изданий The Washington Post, The Associated Press, Star Tribune, The New York Times, The New York Post, Chicago Tribune в период с марта 2020 г. по январь 2022 г. Для подсчета единиц, участвующих в объективации концепта PANDEMIC, применялась программа AntConc. Общий объем отобранных текстов составил свыше 50 страниц и представляется достаточным для проведения case studies концепта PANDEMIC.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного анализа концепта PANDEMIC были выявлены следующие когнитивные признаки:

1. Вред для здоровья (22 % – 43 единицы).
2. Распространение на обширные территории (21 % – 40 единиц).
3. Побуждение и принуждение к вакцинации (12 % – 25 единиц).
4. Использование средств индивидуальной защиты (10 % – 22 единицы).
5. Социальная изоляция или введение карантина (8 % – 20 единиц).
6. Борьба с инфекцией (8 % – 17 единиц).
7. Негативное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику (7 % – 16 единиц).
8. Страх и тревога, вызванные вирусом (7 % – 16 единиц).
9. Изменение привычного уклада жизни (4 % – 8 единиц).
10. Положительное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику (1 % – 2 единицы).

На первом этапе исследования было необходимо определить информационное содержание исследуемого концепта. Для этого были проанализированы словарные дефиниции, объективирующие данный концепт, с последующим выявлением синонимического ряда ключевой лексики-репрезентанта концепта PANDEMIC.

Обратимся к дефинициям единицы PANDEMIC, предлагаемым различными лексикографическими источниками:

1) *a disease that exists in almost all of an area or in almost all of a group of people, animals, or plants* [10] (болезнь, охватившая почти весь географический регион, большую часть населения, флоры и фауны);

2) a) *an outbreak of a disease that occurs over a wide geographic area (such as multiple countries or continents) and typically affects a significant proportion of the population* (вспышка заболевания, которая происходит на обширной географической территории (например, во многих странах мира или на многих континентах), и, как правило, затрагивает значительную часть населения);

b) *an outbreak or product of sudden rapid spread, growth, or development* (вспышка или результат неожиданно быстрого распространения, роста или развития чего-либо) [11].

3) *a disease that affects people over a very large area or the whole world* (заболевание, поражающее население обширной территории или всего мира) [12].

Согласно словарю Merriam-Webster [11], к ближайшим синонимам лексики *pandemic* относятся следующие лексические единицы: *epidemic* (эпидемия), *pest* (зараза), *pestilence* (чума, эпидемия), *plague* (чума, эпидемия), *affection* (заболевание), *affliction* (недуг, болезнь), *ailment* (заболевание), *contagion* (инфекционное заболевание), *illness* (болезнь),

infection (инфекция). В словаре Macmillan Dictionary [13] синонимический ряд слова *pandemic* представлен лексемами: *illness* (болезнь), *disease* (болезнь), *sickness* (заболевание). В качестве синонима к слову *pandemic* Encyclopedia Britannica [14] относит словосочетание *disease outbreak* (вспышка заболевания). Итак, во всех задействованных в исследовании словарях PANDEMIC интерпретируется как серьезное заболевание, которое распространяется на обширные территории и оказывает отрицательное воздействие на все живые организмы. Синонимический ряд, выделенный при помощи лексикографических источников, также характеризует пандемию как процесс распространения инфекционного заболевания в пределах определенной территории, как явление, способное стать причиной чрезвычайной ситуации. Таким образом, на основании проведенного дефиниционного анализа представляется возможным выделить два ключевых признака пандемии: **вред для здоровья** и **распространение на обширные территории**. Данные признаки входят в ядро концепта PANDEMIC.

Перейдем к дискурсивному анализу выделенных признаков в медиатекстах. В медиатексте концепт PANDEMIC объективируется главным образом при помощи следующих лексем: *pandemic*, *coronavirus*, *virus*, *coronavirus pandemic*, *COVID-19*, *coronavirus outbreak*, *coronavirus surge*.

Рассмотрим некоторые примеры репрезентации когнитивного признака **распространение на обширные территории** в дискурсе медиатекстов:

(1) *More than 800,000 infections with the coronavirus that causes COVID-19 have been reported in Minnesota, which saw two key indicators of pandemic severity increase Tuesday after some hopeful declines last month* [15]. (Более 800 000 случаев заражения коронавирусом были зарегистрированы в Миннесоте, где два ключевых показателя степени тяжести инфекции увеличились во вторник после обнадеживающего падения в прошлом месяце.)

(2) *The global number of reported cases and deaths from COVID-19 is now increasing for the first time in two months, driven by an ongoing rise in Europe that outweighs declines in other regions. It's another reminder that the COVID-19 pandemic is far from over* [16]. (Впервые за три месяца наблюдается рост общего числа зарегистрированных случаев заражения вирусом и количества смертей от COVID-19, что обусловлено нынешним ростом заболеваемости в Европе, который превышает снижение числа зараженных в других регионах. Это еще одно напоминание о том, что пандемия COVID-19 далека от завершения.)

(3) *Meanwhile, the number of cases in Brazil has continued to surge, pushing hospitals in multiple states to the brink of collapse and causing the Amazon city of Manaus to bury people in mass graves* [17]. (Тем временем количество случаев заражения в Бразилии продолжает стремительно расти, в результате чего больницы многих штатов оказались переполненными, а в городе Манаус на Амазонке людей хоронят в местах массовых захоронений.)

При описании эпидемиологической обстановки в мире и динамики распространения инфекционного заболевания используются такие единицы, как *to surge* (*surge*); *to spread*; *ongoing rise*; *virus spread*, *outbreak*. Как правило, в период вспышки серьезного заболевания довольно трудно установить точное количество жертв и пострадавших от вируса, поскольку количество случаев заражения продолжает ежедневно расти. В примере (1) оценочный компонент *more than 800 000 infections* позволяет подчеркнуть степень неточности статистических показателей в период быстрого распространения инфекции. Примеры (2) и (3)

акцентируют факт многократного и ежедневного увеличения числа инфицированных людей при помощи лексем: *to increase; ongoing rise; to outweigh, to continue to surge*.

Признак **вред для здоровья** вербализуется в медиатекстах при помощи лексических единиц: *to cause; cause of death; to die; death*. Обратимся к следующим отрывкам медиатекстов:

(1) *Globally, COVID-19 is now the third leading cause of death, after heart disease and stroke [18]. (В настоящее время COVID-19 является третьей по значимости причиной смертности после сердечно-сосудистых заболеваний и инсульта во все мире.)*

(2) *The government estimates covid-19 has caused more than 450,000 deaths [19]. (По данным правительства, COVID-19 стал причиной более 450 000 смертей.)*

Приведенные примеры свидетельствуют о серьезной угрозе для здоровья человека, которую представляет пандемия коронавируса. При помощи соответствующих единиц (*to cause; to die; death*) в сознании общества формируется образ пандемии как «предвестника беды», «предвестника смерти».

Таким образом, ядро концепта PANDEMIC, выявленное при работе с лексикографическими источниками, составляют два когнитивных признака: **вред для здоровья (22 %)** и **распространение на обширные территории (21 %)**. Ядро концепта активно задействовано в дискурсе: ключевая единица-репрезентант нередко самостоятельно функционирует в дискурсе медиатекстов, в отдельных случаях заменяется синонимами, выявленными посредством использования словарей. При помощи программы AntConc удалось зафиксировать 96 случаев употребления ключевой лексики концепта PANDEMIC. Анализ медиатекстов позволил выявить 83 единицы, репрезентирующие когнитивные признаки ядра концепта: **вред для здоровья (43 единицы)** и **распространение на обширные территории (40 единиц)**.

Ближняя периферия исследуемого концепта представлена рядом когнитивных признаков, которые обнаруживают себя исключительно в контексте медиапространства. Одним из таких признаков является **социальная изоляция** или **введение карантина**. Эти социальные меры явились ответом многих государств на чрезвычайное положение, вызванное ростом числа заболевших коронавирусной инфекцией. Следует отметить, что они носят обязательный характер, что манифестируется в языке посредством следующих лексических единиц: *have to quarantine; to require to quarantine; mandatory quarantine; to be placed under observation; to be confined to home, quarantine rules*. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *More than 2000 tourists visiting China's Inner Mongolia region have been sent to hotels to undergo two weeks of quarantine following the detection of new cases of COVID-19 in the area [20]. (Более 2000 туристов, прибывающих в автономный район Китая Внутренняя Монголия, были отправлены в свои отели для прохождения двухнедельного карантина после обнаружения новых случаев заражения COVID-19 в этом районе.)*

(2) *An announcement from the regional government on Friday said 2,428 visitors had been placed under observation at hotels in the cities of Baotou and Ordos [20]. (В соответствии с заявлением областной администрации, сделанным в пятницу, 2428 туристов поместили под амбулаторное наблюдение в отелях в городах Баотоу и Ордоос.)*

(3) *In the city of Lanzhou, in Gansu province bordering Inner Mongolia, millions of people have been largely confined to their homes over the past week after cases were detected there [20]. (После обнаружения случаев заражения в городе Ланьчжоу провинции Ганьсу, граничащей*

с Внутренней Монголией, за последнюю неделю миллионы людей оказались заперты в стенах своих домов.)

В примерах (1), (2) и (3) используется пассивная грамматическая конструкция *have been* VЗ, отражающая факт совершения действия над субъектом. Таким образом, возникает невозможность отмены действия субъектом и необходимость совершения предписанного действия, в данном случае соблюдения карантина (1), регулярного наблюдения у врачей (2) и самоизоляции в домашних условиях (3). Карантин воспринимается как обязательная мера профилактики.

Явление социальной изоляции также может носить национальный характер и отражаться в медиатекстах в таких лексемах, как *lockdown*; *to lock down*; *nationwide restrictions*:

(1) *Russia had only one nationwide lockdown, in 2020, and in October 2021, many Russians were ordered to stay off work for a week amid a jump in infections and deaths [21].* (В России был только один общенациональный карантин в 2020 г., а в октябре 2021 была объявлена нерабочая неделя из-за резкого увеличения числа заболевших и количества летальных исходов.)

(2) *Uzhou, a city of 1.2 million in the central province of Henan, was locked down on Thursday [22].* (Учжоу, город в центральной провинции Хэнань с населением 1,2 млн человек, был закрыт в четверг.)

Лексемы *nationwide lockdown* (1) и *to lock down* (2) отражают факт введения чрезвычайной ситуации и установления строгих санитарно-эпидемиологических ограничений по перемещению граждан – режима самоизоляции. Социальная изоляция или карантин является неотъемлемой частью мер по профилактике и борьбе с инфекцией COVID-19. Данные ограничения воспринимаются представителями общества как обязательные и, несомненно, входят в спектр представлений о явлении PANDEMIC. Таким образом, в групповом сознании возникает еще один когнитивный признак концепта PANDEMIC – **социальная изоляция** или **введение карантина**.

В дискурсе медиатекстов также был выделен признак «**обязательное использование средств индивидуальной защиты**», появление которого обусловлено реакцией правительств многих государств на массовое распространение вируса, а именно: введением ограничительных мер в период вспышки коронавируса и стремлением снизить уровень заболеваемости. Данный признак относится к ближней периферии концепта PANDEMIC. При помощи инструментов программы AntConc было выявлено 53 случая употребления лексемы *mask* в текстах новостных изданий. В медиатекстах данный признак представлен следующими единицами: *mandatory*; *to encourage*; *to require*; *mask mandates*; *have to wear*:

(1) *Masks are mandatory outdoors as of last week [23].* (С прошлой недели использование масок в общественных местах носит обязательный характер.)

(2) *Minneapolis and St. Paul renewed mask mandates in city facilities on Tuesday and encouraged people in the Twin Cities, regardless of their vaccination status, to wear them indoors in response to a variant-fueled wave of COVID-19 [24].* (Миннеаполис и Сент-Пол во вторник продлили действующие требования, касающиеся обязательного ношения масок в общественных местах, и призвали жителей этих городов, независимо от прививочного статуса, носить их в закрытых помещениях в условиях начала распространения новой волны COVID-19, вызванной появлением различных штаммов инфекции.)

Из приведенных примеров очевидно, что использование средств индивидуальной защиты относится к обязательным мерам, которые следует соблюдать в целях профилактики COVID-19. Содержание когнитивного признака **«использование средств индивидуальной защиты»** передает значение «непременного выполнения чего-либо в официальном порядке». В примерах (1) и (2) содержание данного признака эксплицируется посредством таких лексем, как *mandatory, mask mandates, to require* и др.

Также следует отметить, что на данном этапе пандемии одним из наиболее острых является вопрос вакцинации населения, именно поэтому при работе с медиатекстами был выделен такой признак, как **побуждение** или **принуждение к вакцинации**. Программа AntConc позволила выделить 108 случаев употребления лексической единиц *vaccine* и производных единиц. Этот признак актуализируется в текстах при помощи следующих лексических единиц: *to encourage; to recommend; to require; mandate*:

(1) *State health officials encourage unvaccinated people to seek shots against COVID-19 and vaccinated people to seek booster doses when recommended, because of the persistent spread of the coronavirus [15]. (Ввиду широкого распространения коронавирусной инфекции сотрудники органов здравоохранения призывают непривитых людей пройти вакцинацию от COVID-19, а вакцинированных сделать повторную прививку согласно рекомендации ВОЗ.)*

(2) *The federal agency also ranked Minnesota third for its number of COVID-19 booster doses, which are recommended for seniors and younger adults with underlying health problems or occupational risks for infection if they received initial Moderna or Pfizer vaccine [15]. (Федеральное управление также присвоило штату Миннесота третье место по количеству повторных прививок от COVID-19, которые рекомендуют сделать в первую очередь пожилым и молодым людям с сопутствующими заболеваниями или возможными профессиональными рисками заражения инфекцией, при условии, что они получили первую дозу вакцины Moderna или Pfizer.)*

(3) *Egypt's government will soon require public servants to have a vaccination certificate or show a weekly negative COVID-19 test before entering their workplaces. The mandate is an attempt to rapidly boost the country's vaccination rate of roughly 14 % as it faces rising daily case numbers [25]. (В скором времени правительство Египта потребует от государственных служащих иметь сертификат о вакцинации или предъявлять отрицательный тест на COVID-19 каждую неделю, перед тем как выйти на работу. Данное требование представляет собой попытку повысить уровень коллективного иммунитета к вирусу в стране примерно на 14 %, поскольку в ней наблюдается ежедневный рост случаев заражения.)*

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что процесс вакцинации населения приобретает рекомендательный, а в отдельных случаях и обязательный характер, что проявляется в использовании следующих лексем: *to encourage* (1); *to recommend* (2); *to require* (3); *mandate* (3). Следует отметить, что в медиатекстах нередко стали употребляться такие выражения, как *booster dose* (1), *vaccination certificate* (3), наименования экспериментальных медицинских препаратов для вакцинации *Moderna* и *Pfizer* (2), которые возникли в период пандемии коронавируса.

Несмотря на растущее чувство тревоги во время пандемии, общество не оставляет попыток найти средство для ее остановки и продолжает бороться с вирусом: содержание когнитивного признака **«борьба с инфекцией»** не представлено в лексикографических источниках,

а выводится исключительно из медиадискурса. Данный признак объективируется в текстах посредством следующих единиц: *to control*; *to fight*; *to curb*; *to bring under control*; *to slow down*; *to minimize*. Рассмотрим некоторые примеры репрезентации выделенного признака:

(1) *French President Emmanuel Macron announced Wednesday that 18 million people living in nine regions of France, including in Paris, will have a curfew starting Saturday through Dec. 1 in an effort to curb new infections* [26]. (В среду президент Франции Эммануэль Макрон объявил, что для 18 миллионов человек, проживающих в девяти регионах Франции, в том числе в Париже, с субботы по 1 декабря будет введен комендантский час в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции.)

(2) *Dr. Tedros Adhanom Ghebreyesus, director general of the World Health Organization, called for “global coordination” to bring the coronavirus pandemic under control, after the number of cases and deaths worldwide increased for the first time in two months* [16]. (После того, как число случаев заражения вирусом и количество летальных исходов по всему миру увеличилось впервые за последние два месяца, д-р Тедрос Аданом Гебрейесус, генеральный директор Всемирной организации здравоохранения, призвал страны к мировому сотрудничеству, чтобы взять под контроль ситуацию с распространением пандемии.)

(3) *Beijing took the then-unprecedented step of shutting down most the world's second-largest economy last year to fight the virus* [22]. (В прошлом году Пекин предпринял беспрецедентный шаг, приостановив развитие значительной части второй по величине экономики мира в целях борьбы с вирусом.)

Обращение авторов медиатекстов к лексическим единицам *to curb*, *to fight*, *to bring under control* в приведенных примерах свидетельствует о стремлении властей установить контроль над пандемией COVID-19 и в перспективе – прекратить ее распространение.

Таким образом, в состав ближней периферии концепта PANDEMIC вошли следующие когнитивные признаки: побуждение и принуждение к вакцинации (12 %); использование средств индивидуальной защиты (10 %); социальная изоляция или введение карантина (8 %); борьба с инфекцией (8 %). Количество единиц, объективирующих каждый из выделенных признаков, представлено на диаграмме (рис. 1).

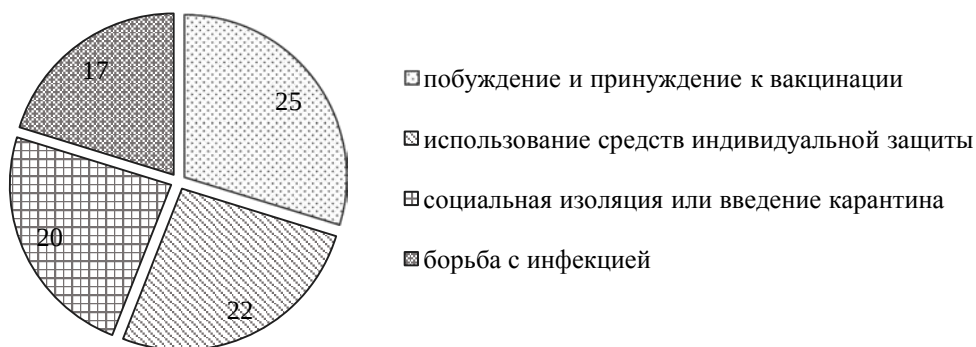

Рис. 1. Количество единиц, объективирующих признаки ближней периферии концепта

Fig. 1. Number of units that objectify the features of the near periphery of the concept

Перейдем к анализу дальней периферии концепта PANDEMIC. Данную часть полевой организации концепта составляют вторичные контекстные признаки PANDEMIC, не зафиксированные в лексикографических источниках. Одним из признаков дальней периферии

концепта является **негативное влияние на экономику**. К наиболее частотным лексемам, объективирующим этот признак, относятся *disruption; damage; to drop; to hurt; to wreck*. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Supply chain disruptions in computer chips caused by the pandemic's impact have hurt all the world's automakers* [27]. (Сбои в цепочках поставок компьютерных чипов, связанные с распространением пандемии коронавируса, нанесли серьезный урон всем крупнейшим производителям автомобилей.)

(2) *"Lockdowns in China are already causing disruptions," – economists at Nomura said in a report Friday* [22]. («Очередной карантин в Китае уже вызывает перебои в производственно-сбытовой цепочке», – заявили экономисты крупнейшей брокерской компании Номура в своем отчете в пятницу.)

Лексемы *to hurt* (1) и *to cause disruption* (2) со значением «нанести урон, навредить» свидетельствуют о том, что пандемия оказала негативное воздействие на мировую экономику и экономику отдельных стран. В общественном сознании образ пандемии ассоциируется с нестабильной, неблагоприятной обстановкой и экономическим кризисом.

Тем не менее в некоторых медиатекстах просматривается **положительное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику**, которое репрезентируется единицами *to leap, to increase*: *U.S. Bank's profit leaps after releasing more pandemic rainy-day funds* [28]. (Прибыль банка США резко возросла после создания резервных фондов на случай дальнейшего развития эпидемиологической ситуации.) Следует отметить, что процент подобных примеров в медиатекстах довольно низок. В ходе исследования были выделены лишь 2 единицы, объективирующие данный признак в медиатексте.

Еще одним когнитивным признаком, входящим в состав дальней периферии концепта PANDEMIC, является **изменение привычного уклада жизни**, которое происходит ввиду быстрого распространения вируса. Выделенный признак находит свое отражение в таких единицах, как *to ban; to limit; to postpone; to impose restrictions/bans*. Проиллюстрируем репрезентацию данного признака при помощи следующих фрагментов медиатекстов:

(1) *The new rules coming into effect Nov. 1 include ending a late-night curfew in some areas, including Bangkok. The consumption of alcoholic drinks in public places, including restaurants, bars and nightclubs, remains banned, though the government has said the ban will be lifted in December to promote tourism during the New Year holiday season* [29]. (Новые правила, которые вступят в силу 1 ноября, включают отмену ночного комендантского часа в некоторых регионах, включая Бангкок. Употребление алкогольных напитков в общественных местах, включая рестораны, бары и ночные клубы, остается под запретом, хотя правительство заявило, что запрет будет снят в декабре с целью развития внутреннего туризма во время новогодних праздников.)

(2) *As the coronavirus swept the globe, nervous countries imposed bans on flights, cruise ships and border crossings* [19]. (Как только коронавирус охватил земной шар, обеспокоенные страны ввели запреты на авианперелеты, путешествия на круизных судах и пересечение границ.)

(3) *Concerns persist that the rising stress on hospitals will force scheduled surgeries and screenings to be postponed – creating a parallel health emergency, as happened in the spring* [18]. (Ситуация с распространением коронавируса вызывает опасения относительно того, что

в связи с растущей нагрузкой на больницы придется отложить запланированные операции и обследования, что, в свою очередь, может спровоцировать чрезвычайную ситуацию в сфере здравоохранения, как это произошло весной.)

Признак «**изменение привычного уклада жизни**» проявляется в невозможности совершения того или иного действия в определенный момент времени в связи с распространением инфекции. В примере (1) продлен запрет на совершение привычных действий из-за пандемии коронавируса. В примере (2) правительства многих стран вводят определенные ограничения на передвижение людей внутри и за пределами государств, что исключает возможность свободного перемещения по миру. Пример (3) отражает кризисную ситуацию в сфере здравоохранения, в результате которой происходят изменения в расписании оказания тех или иных медицинских услуг. На основании рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, что пандемия оказывает значительное влияние на многие сферы общественной жизни.

Несмотря на то, что кризис, вызванный COVID-19, угрожает в первую очередь физическому здоровью, он может стать причиной возникновения многих отрицательно окрашенных эмоций. Одним из когнитивных признаков, отражающих эмоциональное состояние социума в период распространения COVID-19, является классифицирующий (обобщающий) признак «**страх и тревога, вызванные вирусом**». Данный признак представлен в текстах следующими лексемами: *to frighten; to worry; terrifying surge; crushing surge*. Классификационный когнитивный признак «**страх и тревога, вызванные вирусом**» концепта PANDEMIC (100 % единиц) подразделяется на ряд более мелких признаков:

– Страх перед вирусом (50 % – 9 примеров).

India, despite its terrifying delta surge that peaked in early May, now has a much lower reported daily death rate than wealthier Russia, the U.S. or Britain, though there is uncertainty around its figures [18]. (В Индии, несмотря на ужасающую вспышку варианта дельты, пик которой пришелся на начало мая, в настоящее время зарегистрирован более низкий ежедневный показатель уровня смертности, чем в более богатых России, США или Великобритании, хотя в отношении цифр наблюдается некая неопределенность.)

– Страх в условиях неопределенности (28 % – 5 примеров).

I am one of those people that always see the glass half-full; I always see the silver lining. But I am frightened by what is coming [30]. (Я из тех людей, которые всегда во всем видят положительные стороны; я всегда вижу луч надежды. Но сейчас я напуган тем, что грядет.)

– Страх социального взаимодействия (22 % – 4 примера).

“I would not leave my little corridor for days at a time because I could not deal with the pressures of talking to other people,” – says Russell [31]. («Я целыми днями не выходил из своего дома, поскольку не мог справиться с психологическим давлением, которое испытывал в процессе общения с другими людьми», – говорит Рассел.)

Дискурсивный анализ медиатекстов позволяет описать эмоциональный фон общества в период распространения коронавируса. Для репрезентации эмоционального состояния в текстах часто используются единицы языка, относящиеся к эмотивной сфере: *to frighten; to worry; terrifying surge; crushing surge*. Следует отметить, что пандемия коронавируса является причиной возникновения и обострения страхов и тревожного состояния людей, связанных в первую очередь с существующей угрозой заражения опасным вирусом.

Таким образом, дальнюю периферию концепта PANDEMIC составляют следующие когнитивные признаки: **негативное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику (7 %)**; **страх и тревога, вызванные вирусом (7 %)**; **изменение привычного уклада жизни (4 %)**; **положительное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику (1 %)**. Соотношение языковых единиц, репрезентирующих данные единицы, представлено на диаграмме (рис. 2).

Рис. 2. Количество единиц, объективирующих признаки дальней периферии концепта
Fig. 2. Number of units that objectify the features of the far periphery of the concept

Перейдем к анализу образного компонента и интерпретационного поля концепта. Любопытным с точки зрения использования стилистических средств представляется отрывок из статьи издания *Star Tribune*: *Lombardy is again leading the nation in case numbers, an echo of the traumatic spring months when ambulance sirens pierced the silence of stilled cities* [23]. (*Ломбардия вновь лидирует в стране по числу заболевших коронавирусом – это отголоски трагических событий прошлой весны, когда сирены «скорой помощи» пронзали тишину застывших городов.*) В данном фрагменте авторы используют гиперболу *traumatic spring months* для описания плачевных последствий, с которыми столкнулось человечество в ходе борьбы с вирусом. Метафора *echo of the traumatic spring months* (*echo = past*) употребляется для придания тексту образности, а также для переноса читателя в эпицентр трагических событий прошлой весны.

Метафорическое словосочетание *the silence of stilled cities* в последней части предложения содержит такие стилистические средства, как аллитерация и олицетворение, которые дают автору возможность создать яркий образ окружающей действительности, а также описать условия, в которых находились жители итальянского региона в период вспышки коронавирусной инфекции. В следующем примере образ пандемии создается автором посредством метафорической конструкции *traces of the virus: Access to Yongji in neighboring Shanxi province was suspended and mass testing ordered after traces of the virus were found at a train station* [22]. (*Въезд в Юнцзи в соседней провинции Шаньси был приостановлен, а после того, как на вокзале были выявлены несколько случаев заражения вирусом, жителей района отпраздновали массовое тестирование на коронавирус.*) Вирус COVID-19, негативно воздействующий на организм человека, сравнивается с живым существом, которое, уходя, всегда оставляет за собой следы. Метафорическое выражение используется для того, чтобы отразить природу инфекционного заболевания и подчеркнуть, что оно никогда не проходит бесследно. Обеспокоенность общества быстрым распространением вируса также вербализуется

при помощи фразеологизма *to sound the alarm* в следующем фрагменте: *Infections in Russia steadily climbed all of last week, and officials sounded the alarm about a looming surge of cases driven by omicron's rapid spread [21].* (В России число случаев заражения коронавирусной инфекцией, вызванных быстрым распространением штамма омикрон, резко возросло за прошедшую неделю, в результате чего власти забили тревогу.)

Интерпретационное поле концепта, как правило, предполагает наличие определенной оценки. В следующем фрагменте автор статьи предпринимает попытку описать размеры урона, нанесенного вспышкой инфекции COVID-19, при помощи гиперболы *crushing coronavirus surge*: *Her husband, Anand Babu Kesarwani, died at 38 during India's crushing coronavirus surge earlier this year [18].* (Ее муж Ананд Бабу Кесарвани скончался в возрасте 38 лет в период сокрушительной волны коронавируса в Индии в начале этого года.) Еще одним примером гиперболизированной конструкции может послужить словосочетание *unprecedented surge*, которое употреблено автором в следующем примере с целью описания силы новой ударной волны коронавируса и оценки масштабов губительных последствий пандемии: *Anna Popova, head of Russia's public health watchdog Rospotrebnadzor, has warned that daily new cases might reach six-figure levels, and President Vladimir Putin has said that Russia has a "couple of weeks" to prepare for the unprecedented surge [21].* (Глава Роспотребнадзора Анна Попова предупредила, что число новых случаев заражения вирусом может стать шестизначным, а президент Владимир Путин заявил, что у России есть в запасе «пара недель», чтобы подготовиться к небывалому росту числа заболевших.) Образный компонент и интерпретационное поле концепта PANDEMIC вербализуются в медиатекстах с помощью фразеологических единиц и стилистических приемов, таких как гипербола, метафора, олицетворение. В медиатекстах пандемия коронавируса предстает как источник беспорядка и хаоса, предвестник беды и смерти.

Таким образом, в ходе анализа концепта PANDEMIC были выявлены многочисленные когнитивные признаки, которые отсутствуют в лексикографических словарях, но вербализуют исследуемый концепт в медиатекстах. В таблице представлено распределение признаков в соответствии с полевой организацией концепта.

Распределение когнитивных признаков концепта в соответствии с его полевой организацией
Cognitive features distribution of the concept in accordance with its field organization

Ядро	Ближняя периферия	Дальняя периферия
1. Вред для здоровья	3. Побуждение и принуждение к вакцинации	7. Негативное влияние пандемии на бизнес и экономическое развитие стран
2. Распространение на обширные территории	4. Использование средств индивидуальной защиты	8. Страх и тревога, вызванные вирусом
—	5. Социальная изоляция или введение карантина	9. Изменение привычного уклада жизни
—	6. Борьба с инфекцией	10. Положительное влияние пандемии на бизнес и экономическое развитие стран

Далее приводится диаграмма, отражающая общее распределение всех выявленных когнитивных признаков PANDEMIC по степени яркости и частотности употребления языковых единиц, объективирующих концепт (рис. 3).

Концепт PANDEMIC

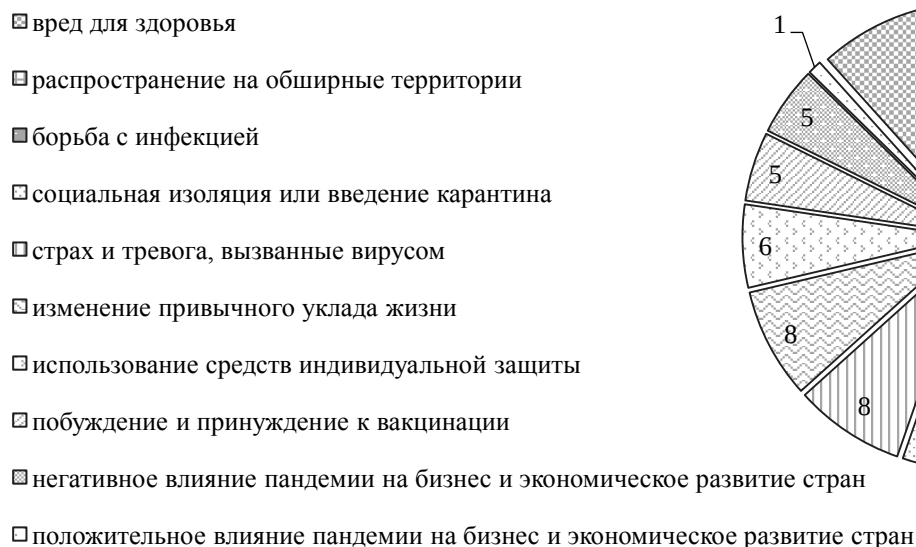

Рис. 3. Распределение когнитивных признаков концепта по степени яркости
Fig. 3. Cognitive features distribution of the concept according to the degree of brightness

Изучение различных значений концепта и его интерпретационного поля обнаруживает преобладающее число отрицательно оцениваемых когнитивных признаков, к которым относятся вред для здоровья, распространение на обширные территории, социальная изоляция, негативное влияние пандемии на бизнес и др. Тем не менее в отдельных случаях просматривается положительное влияние пандемии на жизнь общества. К таким когнитивным признакам относятся борьба с инфекцией и положительное влияние пандемии на бизнес и мировую экономику.

Заключение. Одним из ядерных компонентов концепта PANDEMIC является представление о пандемии как о заболевании, которое наносит ощутимый вред здоровью и быстро распространяется на обширные территории планеты. Вторичные периферийные признаки концепта, такие как «борьба с инфекцией» и «социальная изоляция», как правило, апеллируют к ассоциативным цепочкам в сознании индивида, возникающим в результате осмысления единицы PANDEMIC через призму собственного опыта. Стилистические и фразеологические единицы, составляющие образный слой и интерпретационное поле концепта, дают возможность расширить границы когнитивной единицы и сконструировать образ пандемии в медиатексте, где пандемия коронавируса предстает как «источник беспорядка и хаоса», «предвестник беды и смерти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москвитин Е. В. Немецкие неологизмы в период пандемии коронавируса SARS-CoV-2 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 9. С. 2792–2796. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210464>.
2. Голованова Е. И. Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса // Вестн. САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 33–39. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V128>.

3. Чернова О. Е., Осипова А. А., Позднякова Н. В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-140-153>.
4. Калинин О. И. Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 8 (837). С. 26–37.
5. Корниенко А. В. Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 53–66. DOI: 10.26170/pl20-06-06.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 147–165.
7. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
9. Степанова Н. В. Когнитивно-дискурсивный анализ англоязычных текстов. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
10. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
11. Merriam-Webster. URL: <http://www.merriamwebster.com/> (дата обращения: 13.01.2022).
12. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 13.01.2022).
13. Macmillan Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 13.01.2022).
14. Britannica Online Encyclopedia. URL: <http://www.britannica.com/> (дата обращения: 14.01.2022).
15. Olson J. Minnesota coronavirus infection number tops 800K // Startribune.com. 2021. URL: <https://www.startribune.com/minnesota-coronavirus-infection-number-tops-800k/600112361/> (дата обращения: 17.01.2022).
16. Covid-19: Many N.Y.C. Sanitation Workers Get Last-Minute Vaccinations // The New York Times. 29.10.2021. URL: <https://www.nytimes.com/live/2021/10/29/world/covid-vaccine-boosters> (дата обращения: 17.01.2022).
17. White House Imposes Coronavirus Travel Ban on Brazil // Spectrum News. 25.05.2020. URL: <https://spectrumlocalnews.com/tx/austin/news/2020/05/25/white-house-imposes-coronavirus-travel-ban-on-brazil> (дата обращения: 18.01.2022).
18. Johnson C. K. COVID-19's global death toll tops 5 million in under 2 years // Chicago Tribune. 01.11.2021. URL: <https://www.chicagotribune.com/coronavirus/ct-aud-nw-covid-world-death-toll-20211101-62uzba44dffvlcmqxr3h24gvvy-story.html> (дата обращения: 08.01.2022).
19. Sheridan M. B. Mexico has refused to close its borders during the covid-19 pandemic. Does that make sense? // The Washington Post. 12.01.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/01/12/mexico-coronavirus-pandemic-open-border/> (дата обращения: 17.01.2022).
20. China's Inner Mongolia quarantines tourists over virus // AP NEWS. 29.10.2021. URL: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-lifestyle-business-pandemics-travel-054245527b14ffa41aad670dabf48b16> (дата обращения: 15.01.2022).
21. Daily virus cases in Russia double as omicron spreads // Star Tribune.com. 2022. URL: <https://www.startribune.com/daily-virus-cases-in-russia-double-as-omicron-spreads/600136680/> (дата обращения: 15.01.2022).
22. Chinese anti-virus lockdowns add to concerns over economy // Star Tribune. 2022. URL: <https://www.startribune.com/chinese-anti-virus-lockdowns-add-to-concerns-over-economy/600133490/> (дата обращения: 17.01.2022).
23. Barry C. COVID-19 infections surge again in northern Italy as France sets curfew and restores state of emergency // Chicago Tribune. 14.10.2020. URL: <https://www.chicagotribune.com/coronavirus/ct-nw-covid-19-world-updates-20201014-4upl6x7rs5fgrdw62cdiklcoe-story.html> (дата обращения: 19.01.2022).

24. Olson J. Masks required in Twin Cities government buildings, advised elsewhere // Star Tribune. 03.09.2021. URL: <https://www.startribune.com/masks-required-in-twin-cities-government-buildings-advised-elsewhere/600084386/> (дата обращения: 20.01.2022).

25. Magdy S. Egypt to require virus vaccinations for civil servants // AP NEWS. 18.10.2021. URL: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-middle-east-africa-health-egypt-37eb2c0c83824f1fc85b5316f03b141a> (дата обращения: 19.01.2022).

26. Corbet S. France to close schools nationwide, ban domestic travel as coronavirus surges: 'The epidemic is accelerating' // Chicago Tribune. 31.03.2021. URL: <https://www.chicagotribune.com/coronavirus/ct-aud-nw-france-coronavirus-schools-travel-ban-20210331-mybtbybqzgxhdf5lrk63ldu2m-story.html> (дата обращения: 16.01.2022).

27. Kageyama Yu. Toyota lifts forecast despite pandemic's supply chain damage // AP NEWS. 04.11.2021. URL: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-business-health-japan-toyota-motor-corp-ad8a01f103a9ac4d5df9c35840adad1d> (дата обращения: 19.01.2022).

28. Ramstad E. U.S. Bank's profit leaps after releasing more pandemic rainy-day funds // Star Tribune. 14.10.2021. URL: <https://www.startribune.com/u-s-banks-profit-leaps-after-releasing-more-pandemic-rainy-day-funds/600106487/> (дата обращения: 19.01.2022).

29. Thailand easing tourist quarantine rules in November // AP NEWS. 22.10.2021. URL: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-lifestyle-health-travel-thailand-0444630cd6fa4aaf948fdbd19bec04ac> (дата обращения: 20.01.2022).

30. Sandoval E., Heyward G. Texas Hospitals Are Already Overloaded. Doctors Are "Frightened by What Is Coming." // The New York Times. 11.09.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/11/us/covid-texas-hospitalizations-icu.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 20.01.2022).

31. Kennedy K. Re-entry fear: Some feel dread at thought of post-pandemic life // Star Tribune. 03.04.2021. URL: <https://www.startribune.com/coming-out-of-the-cave-as-life-creeps-back-some-feel-dread/600041861/> (дата обращения: 20.01.2022).

Информация об авторах.

Коровина Елена Викторовна – магистрант (2-й курс) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.02.2022; принята после рецензирования 11.03.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Moskvitin, E.V. (2021), "German Neologisms during the SARS-CoV-2 Coronavirus Pandemic" *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, iss. 9, pp. 2792–2796. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210464>.
2. Golovanova, E.I. (2021), "Dynamic Processes in the Russian Language of the Coronavirus Era", *Vestnik NARFU. Linguistics*, vol. 21, no. 5, pp. 33–39. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V128>.

3. Chernova, O.E., Osipova, A.A. and Pozdnyakova, N.V. (2021), "World Will Never Be Same': Actual Phraseologisms during Coronavirus Pandemic", *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], no. 5, pp. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-140-153>.
4. Kalinin, O.I. (2020), "Discursive metaphor of coronavirus in PRC media", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Human*, iss. 8 (837), pp. 26–37.
5. Kornienko, A.V. (2020), "Key Features of the Coronavirus Directive Discourse of St Petersburg Authorities", *Political Linguistics*, no. 6 (84), pp. 53–66. DOI: 10.26170/pl20-06-06.
6. Likhachev, D.S. (1997), "Conceptosphere of the Russian language", *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology], in Neroznak, V.P. (ed.), Academia, Moscow, RUS, pp. 147–165.
7. *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts] (2007), in Karasik, V.I. and Sternin, I.A. (eds.), Gnozis, Moscow, RUS.
8. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language], Istoki, Voronezh, RUS.
9. Stepanova, N.V. (2017), *Kognitivno-diskursivnyi analiz angloyazychnykh tekstov* [Cognitive-discursive analysis of English texts], SPb., Izd. SPbGETU «LETI», RUS.
10. *Cambridge Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed 10.01.2022).
11. *Merriam-Webster*, available at: <http://www.merriamwebster.com/> (accessed 13.01.2022).
12. *Longman Dictionary of Contemporary English*, available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 13.01.2022).
13. *Macmillan Dictionary and Thesaurus*, available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed 13.01.2022).
14. *Britannica Online Encyclopedia*, available at: <http://www.britannica.com/> (accessed 14.01.2022).
15. Olson, J. (2021), "Minnesota coronavirus infection number tops 800K", *Startribune.com*, available at: <https://www.startribune.com/minnesota-coronavirus-infection-number-tops-800k/600112361/> (accessed 17.01.2022).
16. "Covid-19: Many N.Y.C. Sanitation Workers Get Last-Minute Vaccinations" (2021), *The New York Times*, available at: <https://www.nytimes.com/live/2021/10/29/world/covid-vaccine-boosters> (accessed 17.01.2022).
17. "White House Imposes Coronavirus Travel Ban on Brazil" (2020), *Spectrum News*, available at: <https://spectrumlocalnews.com/tx/austin/news/2020/05/25/white-house-imposes-coronavirus-travel-ban-on-brazil> (accessed 18.01.2022).
18. Johnson, C.K. (2021), "COVID-19's global death toll tops 5 million in under 2 years", *Chicago Tribune*, available at: <https://www.chicagotribune.com/coronavirus/ct-aud-nw-covid-world-death-toll-20211101-62uzba44dffvlcmqxr3h24gvvy-story.html> (accessed 08.01.2022).
19. Sheridan, M.B. (2022), "Mexico has refused to close its borders during the covid-19 pandemic. Does that make sense?", *The Washington Post*, available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/01/12/mexico-coronavirus-pandemic-open-border/> (accessed 17.01.2022).
20. "China's Inner Mongolia quarantines tourists over virus" (2021), *AP NEWS*, available at: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-lifestyle-business-pandemics-travel-054245527b14ffa41aad670dabf48b16> (accessed 15.01.2022).
21. "Daily virus cases in Russia double as omicron spreads" (2022), *Star Tribune*, available at: <https://www.startribune.com/daily-virus-cases-in-russia-double-as-omicron-spreads/600136680/> (accessed 15.01.2022).
22. "Chinese anti-virus lockdowns add to concerns over economy" (2022), *Star Tribune*, available at: <https://www.startribune.com/chinese-anti-virus-lockdowns-add-to-concerns-over-economy/600133490/> (accessed 17.01.2022).
23. Barry, C. (2020), "COVID-19 infections surge again in northern Italy as France sets curfew and restores state of emergency", *Chicago Tribune*, available at: <https://www.chicagotribune.com/>

coronavirus/ct-nw-covid-19-world-updates-20201014-4upl6x7rs5fgrdw62cdikklcoe-story.html (accessed 19.01.2022).

24. Olson, J. (2021), "Masks required in Twin Cities government buildings", *Star Tribune*, available at: <https://www.startribune.com/masks-required-in-twin-cities-government-buildings-advised-elsewhere/600084386/> (accessed 20.01.2022).

25. Magdy, S. (2021), "Egypt to require virus vaccinations for civil servants", *AP NEWS*, available at: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-middle-east-africa-health-egypt-37eb2c0c83824f1fc85b5316f03b141a> (accessed 19.01.2022).

26. Corbet, S. (2021), "France to close schools nationwide, ban domestic travel as coronavirus surges: 'The epidemic is accelerating'", *Chicago Tribune*, available at: <https://www.chicagotribune.com/coronavirus/ct-aud-nw-france-coronavirus-schools-travel-ban-20210331-mytbtbybqzgxhdf5lrk63ldu2m-story.html> (accessed 16.01.2022).

27. Kageyama, Yu. (2021), "Toyota lifts forecast despite pandemic's supply chain damage", *AP NEWS*, available at: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-business-health-japan-toyota-motor-corp-ad8a01f103a9ac4d5df9c35840adad1d> (accessed 19.01.2022).

28. Ramstad, E. (2021), "U.S. Bank's profit leaps after releasing more pandemic rainy-day funds", *Star Tribune*, available at: <https://www.startribune.com/u-s-banks-profit-leaps-after-releasing-more-pandemic-rainy-day-funds/600106487/> (accessed 19.01.2022).

29. "Thailand easing tourist quarantine rules in November" (2021), *AP NEWS*, available at: <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-lifestyle-health-travel-thailand-0444630cd6fa4aaf948fdbd19bec04ac> (accessed 20.01.2022).

30. Sandoval, E. and Heyward, G. (2021), "Texas Hospitals Are Already Overloaded. Doctors Are 'Frightened by What Is Coming.'", *The New York Times*, available at: <https://www.nytimes.com/2021/08/11/us/covid-texas-hospitalizations-icu.html?searchResultPosition=2> (accessed 20.01.2022).

31. Kennedy, K. (2021), "Re-entry fear: Some feel dread at thought of post-pandemic life", *Star Tribune*, available at: <https://www.startribune.com/coming-out-of-the-cave-as-life-creeps-back-some-feel-dread/600041861/> (accessed 20.01.2022).

Information about the authors.

Elena V. Korovina – Master's Degree student (2nd year) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: corpus linguistics, computational linguistics, cognitive linguistics, discourse analysis.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology) (2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.02.2022; adopted after review 11.03.2022; published online 23.06.2022.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 23.06.22. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 15,3. Печ. л. 21,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 96.
Цена свободная.

Signed to print 23.06.22. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 15,3. Conventional printed sheets 21,25. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 96.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56